



B.M.

П
Л
А
Ч
У
Н
Е
В
Е
С
А

ПОСЛЕДНИЙ
РУБЕЖ

Призраки прошлого... Это так странно — думать, вспоминать и надеяться на что-то. Беспричинно. Просто, жить надеждой, по примеру: "А вдруг?". Человек так создан. Это его удел — жить и надеяться. Но, правила меняются, как и человечество. Новый мир — новые правила. Новая жизнь — новые люди. Я из нового поколения... Небольшое отступление.

Владислава Мека

Падшие Небеса. Последний Рубеж

-“Добро пожаловать в “Последний Рубеж”!” — прочитала я на каком-то старом плакате.

Нарисованные, выгоревшие от солнца, красные буквы.”Последний Рубеж”? Смешно. Сами не знают, как точно охарактеризовали свое пристанище эти люди. Они здесь, как кучка столпившихся, сбившихся в стадо овец. Интересно, кто их пастырь? И насколько сильна его паства? Судя по бронированным машинам и арсеналу оружия — очень сильна.

Я бы их обошла стороной, как делаю всегда, но матери нужны медикаменты. К тому же у нас почти закончились припасы, последнее время их все сложнее добывать. Конец света, что тут еще сказать? Вообще-то я не верю, что это конец, но большинство — верят. А я — за толпу. Не стоит прятаться и надеяться, что тебя не найдут — найдут и обязательно убьют. Таковы правила нового мира. Да, пожалуй, мне больше нравится фраза — “Новый мир”, а не “Конец Света”. Звучит не так пессимистично.

Вообще-то мне повезло. Сейчас, когда рядом нет никого живого я могу здраво мыслить. Раньше даже в одиночестве этого не получалось. С того времени остались обрывочные воспоминания. Что-то вроде “теплая кровь, мясо... еще живое” или “Голод! Мне нужна еда”. Это было жутко. Не потому, что я не могла осознавать себя, а потому, что я не могла отличить где еда, а где близкие люди.

И все-таки бывшего соседа я съела. Не специально. В те дни, просто я не могла себя контролировать. Да и сейчас не очень получается. У мутанта, вроде меня, выбор не большой. Или пожирать все с кровью внутри или начать грызть саму себя. Слово “мутант” по-моему ко мне вполне применимо. Конечно, большинство привыкло звать таких, как я — покойниками, но я отличаюсь от общей массы. Покойники или ожившие мертвецы, совсем не такие. Они гниют и разлагаются, единственное их желание — Жрать. С большой буквы. Они Жрут все! Абсолютно все, что шевелится. Я не такая. Ну, по крайней мере, сейчас уже не такая.

Мир не менялся постепенно. Это не было катастрофой по тем меркам, что люди привыкли применять к данному термину. Это был типичный, так всеми ожидаемый Конец Света. Сначала метеоритный дождь, далее глобальные природные катастрофы, следом вставшие после этих катастроф умершие люди, непонятные существа с неба, что вели прицельный обстрел там, где еще теплилась относительно нормальная жизнь и как апофеоз взрыв ядерных и атомных бомб по всей планете. Мир погрузился во мрак за... Семь дней. По неволе начнешь уважать Библию. Бог создал мир за шесть дней. Мир разрушился за эти же шесть дней. На седьмой остались развалины.

Как не странно, погибли далеко не все. На обломках вековых империй продолжала свое бессмысленное копошение жизнь. И среди таких копошившихся оказалась девочка четырнадцати лет вместе со своей семьей. Беспомощные, дезориентированные люди. Те, кто не погиб сразу одурели от паники и сгубили себя сами. Но, девочка и ее семья состоящая из четырех членов, смогла выжить в хаосе. Они сделали то, что велит каждому его инстинкт выживания — они спрятались. Банально — да, но не лишено разумности.

Семья укрылась в бункере. Старом, военном бункере. Его оставили за тем, чтобы водить экскурсии и время от времени использовать, как складное помещение. Толстые двери, звуконепроницаемые стены и относительный порядок. Именно то, что нужно в самом эпицентре хаоса. Маленький островок покоя.

Мир сотрясался, пока они налаживали быт. Мир умирал, пока они продолжали жить. Мир изменился, пока они оставались прежними. Одиннадцать человек в небольшом помещении. Достойное реалити — шоу. Вот только, в рухнувшей жизни больше не осталось таких шоу. Ничего не осталось. Они, эти люди, просто не хотели умирать, но еще больше они не хотели что-то менять.

Почти два года им это удавалось. Пока не кончилась еда. Они тянули до последнего, как могли. Запасы исчезали медленно, но верно и в конечном итоге наступил день, когда пришлось выбирать: или умереть от голода, прямо там, в бункере, или выйти на поверхность и встретиться лицом к лицу с тем, что их ждало за стенами.

Вопрос разрешился со смертью пожилого мужчины, что был с ними все это время. Он умер тихо и незаметно, во сне. Но, этого хватило для осознания того, что ждет их всех, если не выйти.

Они попробовали. Сначала мужчины вчетвером. Дни, что до это определялись по наручным часам, текли медленно. Очень медленно. Время шло, но никто не возвращался. Голод становился сильнее и оставшиеся шесть человек начали сходить с ума. Смотреть друг на друга, как звери на потенциальных противников.

И тогда девочка, скорее уже девушка решилась выйти вместе с двумя женщинами и пареньком своего возраста. Маму и младшую сестру она оставила в бункере, под предлогом, что ребенка брать неразумно, а оставлять девочку в одиночестве невозможно. Именно так она спасла своих близких, правда, тогда еще не до конца осознавая это.

На них напали не сразу. Около двух часов они бродили по выжженному полю. Ничего! Совсем ничего. Дании не было. Ее дома нет. Копенгагена нет. Эресуннского моста тоже. Самого пролива нет. На месте Мальмё равнина не лучше, чем та, по которой они идут. Ничего не осталось? Как такое может быть? Прошло два года, а не вечность.

Видимо, шок в котором находились люди сыграл немалую роль. Они не заметили, как их окружили. Не поняли, что бредущие к ним твари давно уже не люди. А когда осознали, что происходит бежать уже было поздно. Их пожирали на глазах друг друга. Крики, боль и страх в затихающем сознании. Жуткое в своем неправдоподобие действие. Ужасающая смерть. Правда, ненадолго. Замертво падали люди, а вставали уже мертвецы.

Так закончилась история человечества. И началась жизнь после.

Смерть — это только начало.

*“Ад и рай — в небесах”, - утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай — не круги во дворе мироздания,
Ад и рай — это две половины души.
Омар Хайям*

“Рубеж” оказался не таким гадюшником, как я себе представляла. Неимоверная и немислимая по нынешним стандартам этого мира крепость. Она, словно, доказывала, что люди еще не до конца изжили себя. Страшное место. Для тех, кто еще не научился испытывать страх. У меня же с этим чувством явные проблемы. Я вообще не уверена, что способна ощущать что-либо. Последнее, что я чувствовала — это боль. Всепоглощающую, агоническую и непередаваемую словами, боль. После этого — пустота... Заполняемая сумасшедшим Голодом. Я не сильно отличаюсь от мертвецов, скорее, я перестала ходить на людей. И меня это не заботит.

Заботит меня другое — решетка из железных прутьев под напряжением. И откуда только электричество взяли? Неужели собственную подстанцию имеют? Если так, то украсть у них лекарства будет сложнее, чем я думала. Но, мне все равно. Мать не выдержит еще нескольких дней ходьбы без медикаментов. Я просто не могу подвести ее.

Это было не больно, но запах мне не нравился. Кожа обугливалась на руках и воняла. Гадко. Мертвецы, что до этого бродившие рядом, от запаха сторонились назад в темноту сгущающихся сумерек. Им тоже не нравился аромат исходящий от меня, перелезающей через решетку.

Спрыгнула я мягко и бесшумно. Еще одно преимущество доставшееся мне от мертвяков. Если ходить босой, не будешь издавать звуков — никаких. Мы не дышим, сердце не бьется, а движения тела не живые, подозреваю из-за эмоций. Человек по сути своей неуклюж и неловок, но только если его тело подчиняется не инстинктам, а чувствам. Что, если чувств нет? Пропадают ненужные движения. Так я думаю. Но, не уверена. За эти месяцы мыслительный процесс вернулся ко мне, но я все равно деградировала. Оттого, стараюсь слишком много не думать, иначе хочется есть. С огромной силой.

Впрочем, есть хочется постоянно. И это тоже больно. Внутри все сжимается в отсутствии еды. Мысли путаются и велика вероятность нападения на любое живое существо. Это первая стадия Голода.

Есть еще вторая. При этом Голоде, пожирать начинаешь все, что съедобно и уже нет мыслей, только желание утолить Голод.

Ну и третья. До которой я дошла в первые недели своего изменения. Голод, который пожирает тебя саму изнутри. Жуткое зрелище, начинаешь грызть собственную плоть, что ускоренно разлагается от нехватки белков и кислорода.

Пропуская через себя запах близкой, желанной и совершенно чужой мне человечины, я старалась думать о чем угодно, только не о людях, что уже были видны. Они свободно передвигались по территории, достаточно большой, чтобы им было страшно это делать. Но, страха в их движениях не было. Только легкая настороженность. Они все имели оружие. Много оружия. Это армия? Против кого? Мертвецов? Монстров? Или быть может тех, ктс

убивает нас сверху? Я не понимаю.

Далеко от решетки отходить не стоит. Для начала надо осмотреться. Девять двухэтажных зданий. Одиннадцатое в пять этажей. Крепость. Серьезная охрана. Прожектора через два метра от решетки освещают все голое пространство. Снайперы на крышах. Как они сразу меня не заметили? Или? Конечно. Они просто не ожидают, что мертвецы полезут через решетку, да еще и беззвучно. Монстры и лезть бы не стали, просто снесли преграду, а те — сверху, обстреляли бы.

Я упала не землю и поползла. Ждать чего-то глупо. Чем больше я пробуду здесь, тем быстрее меня заметят. Эффект неожиданности. Вот и все, на что я могу надеяться. Мед блок найти легко, я чую место откуда пахнет лекарствами.

Брюхо я неплохо ободрала об камни и грязь уже успела забиться в дыры из-под камней. У человека после такого начнется заражение крови. У меня — грубый шрам, после штопки. Напрасно я не послушалась сестры и не одела куртку. Но, одежда создает лишний шум. Он не нравится мертвецам и живые его тоже слышат. К тому же, я не чувствую холода, мне не нужна одежда.

Свет от прожектора падает попеременно, то в одну сторону — то в другую. Люди совсем близко, не получается сосредоточиться, свет и люди мешают. Они сладко пахнут. Кровью. Я хочу их. Всех их. Знаю, что нельзя. Но желание дурманит голову.

Красная пелена перед глазами, мне хочется их потерять, но я знаю, что это не поможет. Никогда не помогает. Мне везет, что мед блок скрыт двумя деревьями и кустами. Они не заметят. Я очень хочу, чтобы не заметили.

Отсюда несет кровью и мертвецами, но унюхать это можно только, если подойти близко. Они держат здесь мертвецов? Они больные? Неужели зараза и их поразила? Но, ведь я отчетливо улавливаю запах живых. И их много. Будь тут мертвецы, живых бы не осталось. Так не бывает, чтобы мертвые были рядом с живыми. Я и моя семья — исключение. Им просто некуда от меня деться. А мне ничего не остается, как только быть рядом. Я давно поняла, что без них не смогу удержать себя и стану такой же, как и все мертвецы. По большому счету, от мертвецов меня отличает только одно — память. Я помню, как быть живой. Не знаю почему. Раньше знала, но теперь не могу понять. Что-то с мозгом, но что? Когда-то я была очень умной и тогда знала почти все. Время от времени, когда я хорошо поем, могу что-то вспомнить. Но, сейчас, полуголодная, я только могу сдерживать себя и не нападать. На это уходят все мысли.

В мед блоке тускло горит лампа над потолком, но даже это слабое свечение режет мне глаза. Не больно. Просто плохо видно. В темноте я вижу лучше. Свет же раздражает что-то в глазу... Что-то, что я знаю, но не помню.

Запах мертвого усиливается. И я не могу противиться чему-то такому, что всегда заставляет меня желать узнать. Это тоже чувство из прошлого, но ему сопротивляться я так и не научилась. Приподнимаясь с колен, но продолжая приседать я быстро двигаюсь, помогая себе руками в сторону запаха. Увидеть мне мешает занавеска. Отдергиваю ее. Вот что не давало мне пройти к цели! На койках лежат двое. Принюхиваюсь. От одного несет мертвецом, от другого — живым. Живой не двигается и глаза закрыты. Мать говорит, что когда я ем — отдыхаю, а когда живой лежит и притворяется мертвецом — отдыхает он. Значит, этот отдыхает. Мертвый смотрит на меня. Он тоже лежит и не двигается. Нос чует, что-то такое не присущее мертвецам. Он почти мертв. Но, еще не до конца. Его кусали. Много. Меньше, чем меня.

— Помоги — произносит он, еле шевеля губами.

Помочь? Дать таблетку? Ему не поможет такое. Даже я это знаю. Перевожу взгляд с него на шкаф в углу. Оттуда идет сильный аромат медикаментов. То, что мне надо. За этим я пришла и без этого не могу уйти. Слегка выпрямляюсь. Непривычно мне на двух ногах стоять и не помогать себе руками, но сейчас руки нужны, чтобы забрать из шкафа лекарства. Я ломаю дверцу и выгребаю все с полок к себе в сумку. Мать пыталась мне объяснить, что нужно брать, а что — нет. Тогда я была не голодна и понимала ее. Сейчас я уже не помню, что она говорила. Все-таки надо было съесть кого-нибудь, прежде чем идти сюда. Но, я не могла быть уверена, что сделаю это бесшумно. А в этом “рубеже” поднимать шум нельзя.

— Помоги — громче стонет почти мертвец.

Я смотрю на него. Подхожу ближе. Оскаливаюсь. Я хочу ему сказать, что не могу помочь. Но, говорить я способна только после того, как съем живого. В отличии от чтения и мыслей, фразы мне даются очень тяжело. Вроде бы я и хочу что-то сказать, но выходит только мычание и стоны. Поэтому я качаю головой и отворачиваюсь.

Он хватается меня за руку. Как он это сделал? Он почти мертвец, у него не может быть сил, чтобы хватать меня. Оборачиваюсь, смотрю на него и опять скалюсь, но уже не для того, чтобы что-то сказать, а лишь за тем, чтобы напугать.

— Добей — четко произносит он — меня. Добей... меня.

Снова смотрю на него. Он хочет, чтобы я съела его? Нет. Он хочет, чтобы убила. Зачем? Он уже почти мертвец. Не понимаю. Я не хочу его убивать. Это лишний шум. Мне не нужен шум. Выдергиваю руку. Он смотрит мне прямо в глаза и кровь идет из его глаз. Нет. Не кровь. Вода. Много воды. Он — странный. Мысли путаются. Скоро первый Голод окончательно поглотит меня. Мне надо уходит. Я чую кровь. Рядом. Рядом с мертвецом. Я должна уйти. Но, этот мертвец смотрит на меня. Убить? Убью. А потом съем того, что рядом с ним. Не стану делиться добычей. Это моя еда!

Я тяну руки к его лицу. Живые должны дышать. Если не дать ему дышать. Он — мертвец. Закрываю ему рот одной рукой. Другой — нос. Он смотрит на меня. Странные глаза. Белые. Смотрит. Не смотрит. Глаза открыты. Но, уже не смотрит. Или?

Додумать не успеваю. Почти мертвец начал грызть мою руку. Я — добыча? Нет. Добыча рядом. Почти мертвец жадно пьет мою мертвую кровь. Зачем? Глаза больше не белые. Я выдергиваю руку. Он закрывает глаза. Почти мертвец. Не мертвец. Все еще почти.

— Тварь! — моя добыча перестала лежать. Она сидит и в руках у нее оружие. Бежать!

И я бегу. Что-то бьет меня. Раз. Другой. Пули. Мне надо уходить, пока добыча не изрешетила меня пулями. Я бегу. Быстро. Пуль становится больше. Кто-то кричит. Они бегут за мной. Много добычи бежит. Они больше не добыча. Добыча теперь я. Решетка. Перескакиваю. Падаю на мертвецов. Они толкают меня. Бросаются к решетки. Там вкусно пахнет. Но опасно. В сумке звенит. Пахнет кровью. Я бегу еще немного. Ровно, пока не перестану слышать крики живых. Открываю сумку. Кровь. Много крови. В пакетах. В банках. Она почти живая. проглатываю вместе с пакетом первую порцию. Мысли возвращаются. Я — Вибек. Я — мутант. Мысли возвращаются, это приятно. Еще крови и еще. Ровно столько, чтобы хватило понять, что меня подстрелили, пока я мечтала загрызть одного из живых. я так и знала, что надо было поесть, перед тем, как лезть за лекарствами. А что было бы, если бы я не смогла сбежать? Я ведь отчетливо помню, как почти потеряла рассудок. Мне повезло, что в сумку вместе с медикаментами сунула кровь. Иначе сейчас бы бегала вместе с мертвецами у ограды и получала порцию пуль.

Но, даже не это меня волновало. Из головы не выходила мысль, что я напоила инфицированного своей кровью. К чему это может привести? Нет. Думать так, пока еще рано. Иначе Голод вернется. Кровь — это не мясо. Ею я не насыщусь, только продержусь, пока не найду еду. А вот когда поем, попробую подумать снова. А пока надо быстро отнести лекарства матери, а самой идти и искать пищу.

*“Мы из глины, — сказали мне губы кувшина, -
Но в нас билась кровь цветом ярче рубина...
Твой черед впереди. Участь смертных едина.
Все, что живо сейчас, завтра пепел и глина.”*
Омар Хайям

Еда мне не нравилась. Но, ничего лучше я не нашла. В этом месте было тяжело раздобыть что-то с бьющимся сердцем. Мне хотелось крупного животного, тогда я смогла бы дня три не беспокоиться за свой рассудок. Все еще были слишком свежи воспоминания вчерашней вылазки, когда я почти дошла до предела первого Голода. Эти живые могли убить меня теми пулями или взять в плен. И тогда моя мать осталась бы без лекарств. Допустить что-то такое я не должна. Мне нельзя видеть их, мать и сестру — мертвецами. Разум не вернется, если они станут такими же, как те, что выходят из чащи леса на запах свежей крови.

Близко они не подойдут. Падальщики. Не знаю, что это, но знаю, что правильно называю их. Они доедят за мной остатки. Но, присоединиться к моей трапезе не посмеют. Хоть они и мертвые и тупые, но инстинкты у них ничуть не уступают моим. И их инстинкты говорят им, что слишком опасно приближаться ко мне сейчас. Я дожевываю кусок парного мяса. Осматривая шкуру, я думаю, что сестре неплохо было бы укрываться такой в холодные вечера. Она сильно мерзнет, а я не могу согреть ее. Мое тело тоже холодное.

Достаю нож из-за пояса и срезаю куски мяса со шкуры. Оглядываюсь на мертвецов. Они замерли в нескольких метрах от меня. Я чувствую, что Голод сводит их с ума. Мне жалко их. Они не виноваты, что не могут с ним справиться. Следующий срезанный кусок летит в них. И еще одни и еще. Мертвецы хватают мясо на лету и жрут. Я завидую им. Они могут пожирать любое мясо. Даже, если оно уже завоняло, оно подойдет им. У меня не так. Только свежее. Неостывшее.

Сейчас уже легче. Раньше, мысли возвращались лишь от поедания живых людей. Теперь я могу держаться на любом свежем мясе и даже крови. Но недолго. Если съесть живого Голод придет почти через неделю и не сильный, можно держаться еще около недели. Большое животное тоже дает схожий эффект. Но, мертвец внутри меня знает, что я обманываю его, не давая людской плоти и Голод усиливается.

За несколько лет я научилась распознавать свой Голод и обманывать его искусней. К примеру, если добавить в животное мясо немного людской крови, то Голод отступится или если пить кровь из пакетов — он тоже на время затихает. Человеческая пища дает обратный эффект. Голод становится сильнее, если съесть что-то, что едят только люди. Контроль — вот чему я научилась за эти годы. Жесткий, порой откровенно жестокий контроль разума над телом.

Я борюсь с собой и пока одерживаю победу. Хоть и не всегда. Иногда мне очень хочется что-то вспомнить, поговорить и тогда я без причины ищу человека. Убиваю, ем, а потом возвращаюсь к сестре и подолгу разговариваю с ней. Думаю, она знает, что я делаю для этого, но она — хорошая. Не знаю точно, что это такое, но от слова “хорошая” я понимаю, что она не нападет на меня.

Оглядываю остатки моего обеда, забираю несколько кусков мяса, для семьи. перебрасываю шкуру на плечо и оставляю это место падальщикам. Мой Голод притуплен. И голова полна мыслей. Я не могу остановиться и не думать о “Рубеже”. Скоро наступит самое холодное время. Моя мать — больна. Радиация. Она заболела от этой вещи. Я знаю, что это такое, но не помню. Моей матери нужно место, чтобы “отдохнуть”, она должна есть и принимать лекарства. Мы больше не можем ходить. То есть, она больше не может и моя сестра тоже. Они должны где-то остаться. В безопасности. “Рубеж” кажется мне безопасным, но там был мертвец. Почти мертвец. Он кусал меня. Я вспоминаю, вчера мне казалось это важным. Меня кусал почти мертвец. Они никогда так не делают. Они понимают, что я — опасна и бесполезна, как еда. Но, тот почти мертвец, этого не понимал. Почему? Голова начинает болеть, когда я об этом думаю. Все еще недостаточно пищи, чтобы думать о таком.

Я снова размышляю о “рубеже”. У них есть много оружия и крепость. Они защищены. Лучше меня. Я наблюдала за ними много дней. Тогда я была сыта и хорошо думала. И тогда мне казалось, что этот “Рубеж” интересное место. Могу ли я отвести туда семью? Пока не пройдут холода? Будут ли они там в безопасности от монстров?

Во время холодов монстры голодают и нападают чаще, яростней. Они не разбирают, кто перед ними живые или мертвецы. Я не уверена, что в этот раз смогу остановить их. Это будут пятые холода со времени, как я стала мертвой. Прошлые холода были страшными. Для моей семьи. Они боялись все время. Я не могу допустить, чтобы в эти холода они боялись также.

— Бека вернулась! — улыбается сестра, когда видит меня, согнувшуюся и небольшими скачками приближающуюся к ним.

— Вибек — матери я не нравлюсь, она боится меня и еще жалеет. Я не очень хорошо понимаю, что это за чувства, но они приносят только неприятные ощущения.

— А-й-а — скалюсь я, подсакивая к сестре.

— У тебя почти получилось, Бека! — обнимает меня сестра — еще чуть-чуть и ты сможешь называть меня Майя.

Мы обе знаем, что она говорит неправду. Пока я не съем живого, я не буду способна назвать ее имя. Но, Майя — хорошая, я не буду показывать, что знаю правду. Она радуется, заметив, что я принесла ей шкуру. Говорит “спасибо, за подарок”. Когда я съем живого, пойму о чем она, а пока надо только скалиться.

— Она не понимает тебя, Майя — говорит мать — она больше ничего не понимает.

— Неправда! Мама, хватит! Бека, столько делает для нас, а ты! — сестра кричит, я зажимаю ей рот рукой.

Майя мгновение смотрит на меня с опаской, но потом в ее глазах видно понимание. Кричать в чаще, где полно мертвецов и просыпаются монстры — нельзя. Пока я рядом мертвецы ничего не сделают, но когда я отойду они попытаются напасть. А монстрам вообще все равно. Они всегда пытаются напасть. Я права, больше нельзя водить их за собой. “Рубеж” — единственный выход. Я смогу проследить, чтобы их не обидели, а когда придет тепло, заберу оттуда.

— А-й-а — мычу я и показываю наш знак, то есть, пробегаю вперед.

— Нам надо уходить? — кивает Майя.

— Куда ты пойдешь? Зима почти наступила. Я — больна. Мертвецы кругом. Лучше я здесь сдохну, чем пойду за ней — мать хочет стать мертвой? Нельзя!

Я мотаю головой и смотрю на мать. Она понимает, что я хочу сказать. Она всегда понимает. Я только не знаю, почему она не хочет делать, как я скажу.

— Вибек, я умираю. Я знаю, что ты не понимаешь о чем я. Но, отсюда я никуда не пойду. Хватит. Я так устала. Сил больше нет — говорит она и закрывает глаза. Мать хочет “отдохнуть”? Сейчас не время! Мы должны идти в “Рубеж”.

— Мама, кажется, Бека очень хочет, чтобы мы пошли. Давай, пойдём. Пожалуйста — сестра садится рядом с матерью на расстеленную шкуру и берет ее за руку.

— Майя, я больше не выдержу. Мы уже столько прошли. Я чувствую, как проклятая радиация убивает мои органы. Вибек принесла неплохие антибиотики, но они не лечат, а только обезболивают. Она не понимает, но ты-то уже должна это видеть, мне не долго осталось — мать гладит сестру по голове.

— Мама не говори так. Бека, наверняка, придумает что-то...

— Перестань! Ты не глупая девочка, так почему до сих пор не понимаешь? Вибек больше не может что-то придумать. Она ведет себя, как верная своим хозяевам собака. У нее не осталось разума!

Я протестующе мычу. Разум у меня остался. Только из-за него я все еще не съела их! Да, я стала глупой, но если я буду есть смогу быть снова умной. Я знаю. Я уже так делала.

— Да-да, ты можешь нас понимать, Вибек — кивает мать — будь умницей поджарь мясо, что принесла.

Я беру куски и несу к огню. Он мне не нравится. Огонь может уничтожить меня. Но мать и сестра без огня не способны жить. Поэтому я не противлюсь, когда они его разжигают. Нанизав мясо на длинный нож, я протягиваю руку к огню.

— Ты видишь? — шепчет мать, она думает, что я не слышу — Вибек выполняет любую команду...

— Неправда! Ты ее попросила и она не против.

— Майя, твоя сестра боится огня с того дня, как вернулась и забрала нас из бункера. Но, стоит мне или тебе сказать и она покорно идет к нему.

— Мы все равно пойдём! Бека всегда все делает правильно. И на этот раз она не ошибается. Я помогу тебе идти. Но, прошу не протився — голос сестры дрожит. Она тоже заболела?

— Дурочка моя — я слышу, как мать шатаясь встает — ты ведь не дашь мне спокойно умереть, да?

— Не дам.

— Это будет последний раз, когда я послушаюсь вас.

Они идут к огню. Сестра забирает у меня нож с мясом и смотрит, с какой быстротой я отскакиваю от огня. Мне он совсем не нравится и глаза из-за него ничего не видят. Но, я все же замечаю, как Майя с сожалением смотрит на меня. Я узнаю это выражение потому, что мать очень часто так смотрит на меня.

— Почему ей не становится лучше? — поедая мясо, спрашивает сестра.

— Ей становится лучше, ты просто не помнишь какой она была сначала. Сейчас уже лучше и я очень надеюсь, что это не предел. Твоя сестра была такой умной и находчивой. Я ведь говорила тебе, что бункер она нашла?

— Да, мам, ты рассказывала.

— А потом она ради нас ушла искать еду... Как давно это было.

— Мама, Бека в порядке, правда. Она любит нас...

— Девочка моя, она не любит нас. Я не знаю, что ее держит рядом, но это не любовь. Твоя сестра умерла пять лет назад...

Майя не спорит с матерью, но я знаю, она недовольна. Сестра согласна с тем, что говорит мать. И я тоже не согласна. Я не мертвец. Я — мутант. Вибек. Я сама так решила, когда поняла, что случилось.

— Бека, мы готовы — тронула меня за руку сестра.

Я посмотрела на них. Они успели собрать свои сумки. Мать стоял опираясь на палку. Сестра шаталась под тяжестью вещей. Я быстро схватила ее сумки и закинула себе на плечи. Майя только вздохнула. Раньше она пыталась забрать вещи у меня, но потом, когда я смогла с ней поговорить, я что-то сказала насчет силы и больше сестра не пыталась отобрать сумки.

Мы шли пока желтый шар не стал красным. Я забыла, как он называется, а все из-за Голода. У меня не получилось надолго обмануть его, тот небольшой зверь не смог помочь мне. Но, ничего. Я сейчас отведу их в крепость и смогу пойти поохотиться на живого. Мне стало легче идти, когда я поняла, что смогу охотиться сколько захочу, если мать с сестрой будут в безопасности. Больше не придется искать добычу поблизости. А еще там смогут помочь матери. Сестра будет рядом с живыми. Она обрадуется.

Мы подошли достаточно близко, чтобы семья увидела огни “Рубежа”:

-“Добро пожаловать в “Последний Рубеж”!” — прочла мать.

— Бека, мы пойдем к людям? — как я и думала, сестра обрадовалась.

— Не мы, а ты и я — поправляет ее мать — Вибек с нами не пойдет.

— Что? Мама, как ты можешь? — почему Майя опять не рада?

— Вибек, ты пойдешь с нами?

— Э-а — мотаю я головой.

— Слышишь, она не собирается с нами. Твоя сестра привела нас к людям, подозреваю к ним она и бегала последние две недели и у них же и украла лекарства. Она нашла нам безопасное место, да Вибек?

Я согласно тряхнула головой и толкнула рукой сестру в сторону огней крепости. Майя не сдвинулась с места. Я не понимаю? Что не так?

— Я не пойду туда без тебя — у сестры потекла вода из глаз.

— А-й-а! — оскалилась я.

— Нет!

— А-й-а!

— Я говорю, что не пойду!

— Вибек, ты ведь вернешься за нами? — вздыхает мать и смотрит на меня.

— А! — киваю.

— Видишь, она вернется. Только сначала поправит свое самочувствие — объясняет мать.

— Нет! Ты врешь! Ведь ты не веришь в это! Она уйдет и больше не вернется!

— Э-а — мотаю я головой — э-а!

— Да! Бека ты не любишь людей, ты не захочешь прийти сюда!

— Э-а!

— Обещаешь, что вернешься? — сдается сестра.

— А — скалюсь я и помогая себе руками подбираюсь ближе к Майе, утыкаюсь головой ей в живот — а! А!

— Тогда я пойду, но если ты не вернешься через неделю, я выйду оттуда и меня съедят!

Ты поняла? — упрямая и глупая сестра.

Я только рычу на ее слова. Я вернусь! Я всегда возвращалась. И если надо я приду прямо туда. Раз она так хочет. Сестра видит это в моих глазах и сама делает шаг к крепости. Мать уже хромает туда. Я правильно поступила. Их место там, среди живых.

Я не уйду сразу. Следую за ними в тени. Я должна быть уверена, что они войдут внутрь. И они входят. У них что-то спрашивают. Живые окружают мою семью. Много живых. Они не нападают и я понимаю, что мою семью не убьют. Это хорошо. Теперь я могу идти на охоту. Голод гонит меня прочь отсюда. Здесь слишком много живых, от которых кружится голова и живот дрожит.

Я опираюсь на все четыре конечности и бегу. Бегу искать добычу. Очень много добычи. Не меньше трех. Сестра хотела, чтобы я тоже вошла в крепость, а для этого мне надо есть. Голод не должен сожрать меня. Это я должна его проглотить.

*“Надо жить, — нам внушают, — в постах и в труде!”
“Как живете вы — так и воскреснете-де!”
Я с подругой и чашей вина неразлучен,
Чтобы так и проснуться на страшном суде.
Омар Хайям*

Шестой день. Мне надо постараться, чтобы успеть вернуться к “Рубежу”. А они неплохо спрятались. Или же это у меня вечные проблемы с ориентирами на местности. Что поделаться? Раньше я немного проводила времени на открытом воздухе. Можно даже сказать, что я его вообще там не проводила. Меня заботило, что угодно, но только не общение с сверстниками и погода за окном. Я пару раз терлась в городе, но встроенный в часы GPS — навигатор никогда не подводил. А сейчас таких игрушек уже не осталось. К слову, я бы — не стань мертвецом, оказалась довольно бесполезной единицей в этом новом мире. Все мое умение начиналось и заканчивалось в голове. И по какой-то иронии, стоило мозгам отказать, как реанимировалось все остальное. Правду говорят, дуракам живется легче. Но, как же приятно снова почувствовать власть над своими мозгами. Точнее, снова иметь мозги.

Мне пришлось сожрать восьмерку живых, чтобы вернуть голове почти ту самую давно забытую ясность. Мертвец во мне заходился приступами экстаза. Голод ушел надолго. Я перестраховалась и съела больше положенного. Пожрала целую группу людей. И не скажу, что сильно расстроена по этому поводу. Семеро мужчин и одна женщина, они от голода совсем рехнулись и не хуже меня жрали живых. Я оказала услугу им. Лучше умереть от моей руки, чем от инфицированных или что хуже от модифицированных. О, да! Я вспомнила, как и что произошло.

Меня зовут Вибек, датчанка, двадцать два года, правда после того, как случился инцидент тело прекратило расти и регенерирует только после хорошей порции человечины. Рост — 165 см. Вес — 40 кг. Такие были параметры в последний раз. Блондинка. Особых примет не имею. Я была довольно популярна в узких кругах хакеров. Мою реальную жизнь заменяла виртуальная. Я сплела паутину в “мировой паутине” и ждала. Дождалась. Конца Света.

Сначала были эксперименты на засекреченных базах. Как только верхушки поняли, что из планеты больше не выжать ресурсов и сама планета начала разрушаться, они стали проводить эксперименты по улучшению генов людей. Весьма неудачные. Им нужно было усовершенствовать себя. Приспособить для жизни в космосе и на других жизнеспособных планетах. Некий план эвакуации избранных. И начался он с простых людей.

Как-то я “зависала” в сети, от скуки прошерстила несколько любопытных сайтов и наткнулась на отчеты. Страшные и сухие статистики. Они вели их, чтобы знать, развивается ли эксперимент. Для начала модификация на уровне генома человека. Жуткая вещь. У людей отсыхали конечности или появлялись новые. Увеличивались органы, множились кровеносные тельца. Человек за месяцы превращался в урода, ослепленного болью и страхом. Они были неуравновешенны и дезориентированы. Их усыпляли и приводили новых. А я только и могла зажимая рот рукой смотреть записи с камер наблюдения.

Второй шаг — попытка вылечить смертельно-больных. Этот эксперимент оказался

более удачным. Людям становилось лучше. Лучше... Пока они не умирали в палатах, а в коридор выходили уже пустые оболочки жаждущие людской плоти. Их уничтожали — повально. Но, это не помогало, вначале вирус передавался воздушно — капельным путем, приходилось сжигать целые районы. Увы, не помогло. Создали сыворотку и ввели в водоснабжение городов. Изменилось лишь одно — вирус стал передаваться через кровь.

Я продолжала наблюдать за этим, не в силах рассказать хоть кому-нибудь. Все было строго засекречено и я боялась, что стоит мне открыть рот и стану одной из инфицированных или того хуже модифицированных. В конце концов я была четырнадцатилетним подростком.

В это же время самые влиятельные люди планеты построили “Ковчег”. Огромную посудину, на которой собирались смотаться с гибнущей планеты. Вот только топливо для этой малышки требовалось особое. То, что было скрыто с недрах планеты. Кольская сверхглубокая скважина дошла до ядра Земли, как раз в срок. Когда уже было невозможно сдерживать модифицированных и инфицированных. Они ударили по ядру и оно отозвалось. Глобальные катастрофы посыпались, как из рога изобилия. Но, пассажирам “Ковчеха” уже было все равно. Они поднялись над Землей. И стали наблюдать, как по их вине гибнут люди Земли.

Достигнув критической отметки в четыре миллиарда погибших были взорвано атомное и ядерное оружие. Полная зачистка. Но не особо удачная, поскольку природные катаклизмы просто не позволили уничтожить все целиком.

Я не знала, что делать. Я была в такой безудержной панике, что на ум пришли только стандартные попытки спастись — спрятаться. И я спрятала одиннадцать человек. В бункере, что нашла в “поисковике”, пока еще не отрубили интернет. Я могла бы спасти миллиарды, а спасла по сегодняшним подсчетам только двоих — мать и сестру. Осознавать это очень неприятно. В решающий момент я струсила и убила даже саму себя.

Эти воспоминания не из приятных, поэтому когда накатывает Голод даже рада, что перестаяю соображать. Долго бы я протянула мучаясь угрызениями совести? Не думаю. А так, я просто время от времени выплываю из забвения. Ведь не существует никаких мертвецов, нет монстров и даже пришельцев тоже нет. Есть только трусливые люди, что сами сгубили друг друга. Ну не мило ли?

Есть только одна мало поддающаяся объяснениям аномалия в виде меня. Почти шесть лет назад меня убили инфицированные. Они загрызли меня. Об этом явственно говорят куски недостающей плоти у меня на теле, почти выцветшие глаза и поведение типичное для инфицированных. Почему же, когда я встала после заражения и сожрала только одного человека ко мне урывками стал возвращаться разум? Почему пожирая людей я могла обретать рассудок? Я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос. И по правде сказать, мне плевать. Пока я могу защищать свою семью мне будет на это плевать.

За эту неделю я побила личный рекорд в убийствах живых. Обычно сжирала одного — двух в месяц. Но, обычно, я и не ходила к людям. Наоборот всячески старалась обходить их стороной. Но, моя глупая сестра пообещала стать мертвецом, если я не приду к ней. Все-таки переходный возраст отразился и на ней. Импульсивная идеалистка. Она сделает, как сказала. А я не могу позволить этому случиться. Майя единственная, кто меня по-настоящему любит и ей неважно, что я сделала и что еще сделаю. Сестру заботит только одно — чтобы я была рядом. В этом мы с ней похожи. Я тоже не могу оставить ее. Поэтому я бегу к “Рубежу”. Я успею, прежде, чем она выполнит свою угрозу и всыплю этой дурочке по

первое число! Она же пользуется моим невменяемым состоянием и срывает с меня клятвы, которые брать никак не должна.

“Рубеж” показывается неожиданно. На утро седьмого дня. Я не смогла увидеть его заранее потому, что солнце слепит мертвые глаза. И остановилась непростительно близко ко входу. Сразу же услышав, как начали щелкать затворы автоматов. Вскинула голову к небу. Голубое. Небо всегда остается одинаковым, что бы не случилось с этой планетой небо не меняется.

— Стреляйте в нее! Эта та самая тварь! Эта была она! — слышу я крик.

Резко опускаю голову и смотрю на приближающихся к решетки людей. Узнаю одного из них. Того, что орет. Это мой недавний знакомец, уже как-то стрелявший в меня. Ничему его жизнь не учит.

— Стреляйте!

— Зачем? — хриплый с непривычки голос, заставляет их вздрогнуть — Я не кусаюсь.

Маленькая ложь. Но их я кусать не собираюсь. Тот, что кричал смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Он не может поверить, что я — живая. Впрочем, это ведь неправда. Но, люди слишком привыкли, что инфицированные не способны говорить.

— Бека! — раздается крик в толпе собравшихся у решетки.

Майя выбегает мне навстречу и виснет на шею. Она такая глупая и такая близкая. Моя сестра. Моя.

— Майя — тихо шепчу я.

— Ты пришла — в тон мне отвечает сестра.

— А у меня был выбор? — усмехаюсь, не скалюсь, а именно усмехаюсь.

— Бека, сколько? — шокировано смотрит на меня Майя, впрочем не делая попыток отстраниться.

— Много, сестренка, много — не могу же я ей сказать, что восемь и только за тем, чтобы прийти к ней. Она себя не простит и меня тоже.

— Все равно! Ради того, чтобы ты была в порядке, все равно сколько — целует меня в щеку Майя. Она такой ребенок. Маленький, эгоистичный ребенок.

Я все же вынуждена отпустить ее и взяв за руку подойти ближе к людям. Они смотрят на меня с опаской и страхом. Но, сейчас меня это не возбуждает. Их плоть мне не интересна. Я слишком сыта. Ко мне подходит неудачливый убийца. Он не старше меня. Человеческий мальчик. Его зеленые глаза не упускают не единой детали во мне. Меня это почему-то веселит. Неужели ищет у меня лишнюю конечность, как у модифицированных? Не удивлюсь, если так.

— Майя, кто это такая?

— Это моя сестра — Бека, я говорила про нее — смущенно отвечает Майя, он ей нравится? Ничего удивительно, возраст как раз такой — для первой любви.

— И забыла упомянуть, что она необычная?

— Что же во мне такого необычного? — аккуратно отодвигаю сестру себе за спину и встаю напротив мальчика.

— Твои глаза, они — мертвы — напряженно произносит он и я вижу, как дергается его рука на курке автомата.

— Просто признай, что злишься из-за обчищенного шкафчика с лекарствами — еле сдерживаю я мертвеца внутри себя, который рвется в бой.

— Ты пыталась убить моего брата — с ненавистью смотрит он на меня.

— Я пыталась ему помочь, раз уж он просил. Кстати, помогло?

Ответить он мне не успевает. Запах людей сбил меня и я не заметила его. Модифицированный и не один. Пять особей. Твари. Они хуже мертвецов. Гораздо хуже. Первый раз, когда я их увидела в живую, если бы сама уже не была мутировавшей, наверное, долго бы блевала на месте. Омерзительные создания, давно потерявшие все, даже подобие человека. и эти ничем не отличаются. Впрочем, они стали эволюционировать. Раньше модифицированные никогда не сбивались в кучу. Если один встречал другого, то схватка была неминуема. Сейчас же я вижу группу и с лидером. Этот идет впереди. Из него торчат части ремней, кожа поражена, множество отростков на теле, но не это пугает. Пугают глаза. Они наделены разумом. Примитивным, наверняка. Но, разумом. И не у него одного. Остальные ничем не уступают, кроме габаритов, своему лидеру. Одна из модифицированных почти похожа на человека. Пока не раскрывает пасть. У нее просто раздвигаются челюсти, как распахивает диковинный цветок. Они пришли сюда следом за мной, чтобы убить живых. Среди которых моя семья. Голод возвращается, мертвец меняет приоритеты, сейчас для него не существует людей, они отошли на задний план. Не знаю почему, но моего мертвеца куда больше волнуют модифицированные, чем обычные люди.

Наверное, дело в размере риска. Модифицированные могут порвать меня на лоскуты, люди же уступают мне во всем. И еще кое-что, прошлой зимой на нас напал один из модифицированных. А я тогда уже достигла второй стадии Голода. Я не просто кинулась на него, я его ела. И поняла, что модифицированные не сильно отличаются от людей. В отличии от мертвецов они тоже живые. Их плоть не так сильно действует на меня, как людская, но разум возвращает.

— Что это? — прижимается ко мне Майя, прежде она таких тоже не видела.

— Модифицированные — смотрю я в упор на приближающихся уродов.

— Кто? — о, мальчик меня не понял.

— А как вы их называете?

Он мне не ответил, навел прицел на модифицированных и дал автоматную очередь. Вот почему они такие глупые? Модифицированных злит шум, а пули приводят просто в неопишуемую ярость. Особенно этих разумных. Можно было бы убить одного, просто зарезав, а другие бы в силу их примитивного мышления обошли базу стороной. Но эти глупцы разозлили их. Они увеличили скорость и никакие барьеры их теперь не остановят.

— Падальщики! — кричит мальчик.

Я хватаю сестру и кидаю ее за ворота “Рубежа”. Сейчас самое главное ее безопасность. Модифицированные подошли уже настолько, что люди без труда могут их рассмотреть. Я оскаливаюсь, позволяя мертвецу взять над собою верх. Я ошиблась с выбором места. Пора признать, что рядом со мной моей семье будет лучше.

— Ну-ка отойди девочка — пытается сдвинуть меня какой-то человек.

Я смотрю на него и понимаю, стоит только ему тронуть меня, как я кинусь. Выпуская Голод я перестаю соображать кого жрать можно, а кого трогать нельзя.

— Не трошшш — шиплю я.

Мужчина, а это именно мужчина, смотрит на меня с удивлением, но тут же переводит взгляд на модифицированных. машет рукой и я слышу летящие пули, прежде чем они врезаются в тела монстров. Это не поможет. Монстры даже не остановятся, они продолжат идти на них и на меня. Нельзя пропустить их. Там моя сестра, за спиной и моя мать где-то внутри. Я сожру их. Их всех. Никто не тронет мое.

Скорость с какой я скольжу к монстрам незаметна для людей. Одну секунду я была рядом с ними а другую стою в ста метрах от них. Рядом с монстрами. Пища! Такая большая и наверное сладкая на вкус. Я помню вкус своего первого монстра. Он был сладким. И я хочу еще. Съесть. Съесть их всех. Они, словно чувствуя мой Голод тянутся ко мне. Медленно для меня, быстро для людей.

Я прыгаю на самого большого. Обвиваю ногами его толстую шею. Я хочу оторвать его голову, а потом съесть ее. Интересно, а есть ли у него сердце? И если, есть, могу ли я вырвать его и сожрать? Сжимая щиколотками его шею, я переворачиваюсь, глаза оказываются на уровне волосатой груди. И ухо улавливает биение. Сердце есть. Ломая пальцы я пробиваю его грудную клетку. Монстр ревет и пытается сдернуть меня. Бесполезно. Я нашла то, что искала. Оно такое мягкое и горячее. Оно бьется у меня в руке. Но, я уже ощущаю, что через несколько мгновений оно будет биться в моей глотке. И это очень приятное чувство. Сейчас, когда у меня есть разум, но руководит мной Голод, я впервые за долгое время чувствую и не просто чувствую, а наслаждаюсь.

Вырываю сердце и впиваюсь в него зубами. Монстр падает, но я успеваю отскочить, держа в зубах сердце их лидера, я смотрю на остальных. Та, что так похожа на человека, начинает отступать. Она не хочет быть моей добычей. Другой, с кучей бивней и пастью полной острых зубов, он похож на гусеницу телом, ползет ко мне. Тоже хочет стать частью меня? Я не против. Я пожру его.

Скалюсь и набрасываюсь на него. Он пытается увернуться. Человек бы не поймал, но я не человек. Я поймаю. И ловлю за бивни. Вырывая их с кишками. Наматываю на руки. Он дергается, ползет от меня. Глупый. Чем дальше ползет, тем больше кишок оказывается в моих ладонях. Я не стану его есть. Он — мерзкий. А я — привереда. Слишком много пищи для одних суток. Рогатый дохнет через десять метров. Оставшиеся двое смотрят на него и отступают. Верное решение. Пусть уходят. Я устала и у меня не двигается правая рука, сломанные пальцы не желают подчиняться. Мертвец во мне утихает. Он нажрался и доволен, что опасность ушла.

Что я сделала?! Я драла и поедала модифицированных на глазах у живых. На глазах у сестры. Медленно оборачиваюсь. Люди смотрят на меня с ужасом. Тот самый мальчик он не целится в меня потому, что сидит на земле и страх поглощает его. Майя. Моя сестра. Она стоит у ворот. Я не хочу смотреть на нее, но смотрю. Ее руки поднимаются и тянутся в мою сторону.

— Бека, все хорошо — сквозь слезы, она силится улыбнуться, ладони ее подрагивают.

Я вижу, что она боится и начинаю отступать, также, как те модифицированные. Медленно пачусь в чащу леса. Мне нельзя быть с живыми. Я знала это. Зачем я сюда пришла? Я не знаю. Тело начинает опускаться к земле. Упираюсь руками в холодную и сырую от крови поверхность. Надавливаю сильнее и срываюсь на бег. Мне надо скрыться отсюда, как можно скорее.

— Бека! Бека! Не убегай! Бе-ка!..

Все время пока я бегу в ушах звенит голос сестры. Я не стану останавливаться. Мне надо уйти.

*Беспощадная судьба, наши планы круша.
Час настанет — и тело покинет душа.
Не спеши, посиди на траве, под которой
Скоро будешь лежать, никуда не спеши.
Омар Хайям*

Я так устала. Нет, не физически, духовно. У меня нет сил продолжать бессмысленную борьбу с собой. Как человек, точнее то, что осталось от человека, я не хочу сдаваться и становиться мертвецом. Но, именно, как человек я понимаю, что убивать живых для того, чтобы быть в сознании — тоже не выход. Я живу уже так шесть лет, с подсчетом, что мне нужен живой человек раз в полторы — две недели, я насчитала около ста пятидесяти трупов. И это только в крайней необходимости. А без нее? Человек двести на тот свет отправила. Опять же из тех, кого могу вспомнить.

Разве стоит мой разум таких жертв? Еще пять — шесть недель назад я бы сказала, что да, стоит. Но, теперь, когда моя семья в относительной безопасности... Да кого я обманываю?! Дело не в безопасности! Мать и сестра никогда уже не смогут почувствовать себя расслабленно. Эта роскошь осталась в старом мире. Пока я была с ними, единственно время, когда они могли забыть о страхе — во сне. Сейчас я их и этого лишила. Возможно, стоит вернуться... И что?! Я увижу перед смертью от пуль только дикий ужас в глазах сестры. Нет, это не вариант!

— Помогите! Кто-нибудь! Ну, пожалуйста, Господь всемогущий услышь нас!

Отчаянно, однако, орут. Живые. А я без еды неделю... Святое дерьмо! Я без еды могу еще месяц ходить! И не стоит поддаваться соблазнам! Пойду дальше!

...Нда, далеко я ушла, прямо до первой развилки, откуда мне навстречу бежала маленькая девочка с пистолетом. Выстрел. Надо же, маленькая, а меткая! Попала мне прямо в сердце, ну или туда, где оно раньше было. Теперь, вот, дырку штопать. Хорошо, что я нитки с иглой при себе ношу.

Я решила не сворачивать, все-таки ночью был дождь. Дорогу он заметно размыл. А идти по грязи из-за мелкой, живой девчонки, я не намерена. Я шла к ней. Она стреляла, но выстрелы больше не попадали в меня. Видимо, первый был просто удачным. Ее руки дрожали, когда я подошла слишком близко.

— Ну и подавись мной! Жри! Мерзкая тварь! — кричала соплячка на почти чистом немецком.

Я в Германии? Ах, да, из-за этих дрянных пластов Земли, которые так некстати сместились, немцы оказались под боком. Судя по тому, что я три недели иду без остановки, а местами и бегу, нет ничего странного, что я оказалась в Германии.

— Не хочу — хрипло буркнула я на немецком, проходя мимо.

— Что? — кажется, у девочки ступор.

Я прошла мимо, обогнув, выронившую пистолет живую. Мне некогда с ней разговаривать, я занята более важным делом. Обдумываю, как пройти мимо забегаловки у которой столпилось великое множество мертвецов. Нет, дело не в том, что они могут напасть. Просто их будет тяжело обойти и не сойти с асфальтированной дороги. А месить

грязь из-за своих собратьев, что так некстати решили устроить аперитив из кучки мужских особей, мне как-то не улыбается.

— Помоги! Умоляю! Помоги! — эта соплячка быстро пришла в себя и без страха дернула меня за полы дождевика. Да-да, я может и мертвец, но и мертвецу мокнуть под дождем нет никакого желания.

— Звони 9-1-1, они помогут — сдернула я ее пальцы с плаща и пошла в толпу воющих мертвяков.

Как я и думала, эти уродцы даже внимания на меня не обратили. Они только вопили, когда я пыталась сдвинуть их с дороги. И тут один из мертвецов толкнул меня, я отлетела к кустам, упала неудачно шея хрустнула. Кажется я ее сломала. Вот только этого мне не хватало. Мертвецы здесь совсем распоясались. Я всегда относилась с поистине швейцарской терпимостью к чужим недостаткам, но это был перебор. Если бы я чувствовала Голод, то немедля бросилась бы в гущу и попыталась кого-нибудь сожрать, пока всех живых на части не поделили. Но, сейчас я была сыта, даже одета и то, что мне пробили дыру в груди, сломали шею, а также вымазали не только ботинки, но и всю одежду в грязи, пробудило в мозгу очень яркую картинку злости. Я ее не совсем чувствовала, точнее совсем не чувствовала, но мозг отдавал команды, а тело было ему послушно. И мертвец внутри меня не делал попыток защитить собратьев.

Проще говоря, во мне кипела холодная ярость прошлой жизни, когда такая же толпа рвала меня на клочья. Я помню, что это было очень больно и я помню, что тоже кричала. А еще эта девочка... Она немного похожа на мою сестру в детстве. И ее пистолет, она стреляла в меня, боялась и стреляла. Сильная девочка. Помочь? Что я теряю? Рассудок? Он все равно через дней десять уйдет сам. Лучше растратить силу здесь, тогда Голод заставит меня искать добычу и я забуду на время, что больше не хочу убивать людей, ради еды.

— Живые! Ну почему вы попадаетесь мне?! — неожиданное разочарование заставило меня чуть ли не кричать. Шея неприятно хрустнула и голова свесилась слегка на бок. Для человека это неестественный наклон. Для трупа вроде меня — терпимо.

Мертвецы замерли. Повернули пасти в мою сторону. Их глаза без выражения смотрели на меня. В толике сознания мертвеца остается такая вещь, как звук. Они реагируют сначала на него, затем чуют запах, а уж после видят свою жертву. Сейчас они слышали звук в гуще своей толпы, но улавливали запах такого же мертвеца и видели только его. Они не могли додуматься своим отсутствующим разумом, что происходит. Я подобрала сломанный кий с асфальта. И пробила глаз одному из них, с чавкающим звуком дерево вошло в мертвые мозги мертвеца. Быстро вытащив свое импровизированное оружие, я ударила следующего, потом еще одного и еще.

Мертвецы уже перестали реагировать на меня и по новой кидались на людей. Но, их немного, штук двадцать, не больше. Такими темпами я перебью их за десять — пятнадцать минут. А если и живые помогут, то еще быстрее. И все-таки они вкусно пахнут, даже голова кружится от этого аромата, но я потерплю. Мне еда не нужна, по крайней мере пока.

Молчаливо работая кием, я время от времени оглядывалась и видела, как мелкая сидит в ста метрах на дороге и сжимая пистолет без пуль, осматривается. Ей пока не о чем переживать. Она слишком маленькая добыча. Пока мертвецы не достанут этих живых, что с таким пылом бьют мертвецов, к девочке никто не сунется. Уж не знаю как, но они чувствуют размеры своей еды.

— Да! Мы побиили этих свиней! — вдруг заорал прямо у меня над ухом один из живых.

Он стоял на барной стойке и махал руками. Провоцирует? Я ведь могу не удержаться и укусить. Нет, вряд ли. Он... радуется? Глупый живой. Никого он не победил, на трупы мертвецов скоро подтянутся модифицированные. Вот и первые признаки потери разума, я забыла, как иначе назывались мертвецы. Модифицированных помню, а мертвецов — нет. Надо уходить.

Я развернулась на пороге бара и уже занесла ногу над ним, когда услышала в спину:

— Ты глянь, Клаус, один удирает! Смотри, он уходит! — как и думала, этого на барной стойке надо было укусить, но тогда я бы не остановилась и сожрала его.

— Ты живой? — спросил незнакомый голос.

Не задумывалась. Скорее всего — нет. Жив только мозг питаемый людьми. Впрочем, я не уверена. Поэтому отвечать не имеет смысла. Пора уходить. Дорогу я расчистила, зато сама стала грязнее свиньи. Опять придется искать магазин. А там переодеваться в толпе мертвецов. Ненавижу, когда они смотрят на меня и не понимают, что я делаю. Это сильно раздражает, даже меня.

— Он не отвечает! Значит, мертвый! Убей его, Вольф!

— Стой! Скажи, ты человек? — снова тот же голос.

А вот на этот вопрос еще сложнее ответить. Тут совсем я не понимаю. Иногда, мне кажется, что да, человек. Но, сейчас я все чаще склоняюсь к мысли, что если я не мертвец, то какой-то мутант. Я помню свою теорию, вот только не помню о чем она была, но благодаря ей я могла во время полного насыщения сказать, что я человек. Жаль, сейчас я не знаю, как я себе нечто подобное доказывала.

— Он не отвечает! Ну, не хотите, тогда я сам...

— Мангус! Не смей!

Видимо, неизвестного Клауса не послушался такой же неизвестный Мангус. Я знала, если не остановлю его удар, возможно, он вышибет мне мозги. И встала, ожидая этого. Без мозгов я умру? Неплохой конец. Тогда мне больше не придется думать. Я просто не смогу.

— Мангус! Только попробуй! Она нас спасла! — я и не заметила, как соплячка оказалась рядом. Она пихнула меня, разворачивая лицом к людям.

Тот, с барной стойки, уже занес над моей головой биту, рука его дрогнула и с гулким ударом бита опустилась на грязный пол. Почему он остановился? Я ведь была не против? Из-за мелкой? Кто она? Лидер? Нет. Тогда не понимаю.

— Мария, помолчи и отойди! Мертвяки кусаются! Хочешь заразиться?! — еще один незнакомый голос, но не этого Мангуса.

— Я не кусаюсь... пока — решила я дать честный ответ.

— Она живая! — и с чего такие выводы? Я определенно не живая.

Толкнув девчонку, я развернулась и бросила в сторону уже не нужный кий. Раз они меня не хотят убить, больше мне тут делать нечего. Бежать я не решила, ноги скользили на мозгах и свернувшейся крови мертвецов. Упаду еще раз и тогда шею починить точно не получится. Да и не гонятся за мной.

— Постой! — или гонятся?

Встала. Но, не из-за окрика, а потому, что учуяла модифицированных. Одного или двух, не пойму, по слуху бьется два сердца, а по запаху он один. Впрочем, удивляться тут нечему, часто у модифицированных два сердца. Побочный эффект. Надо уходить отсюда, иначе придется драться, а с такой шеей я рискую остаться без головы. Позволить убить себя человеку я могу, но уродцу, что идет сюда — никогда. Они не способны убивать, он захочет

сожрать меня. Второй такой смерти я не переживу.

— Послушай, ты первая кого мы встретили здесь...

— И буду последней. Сюда идет модифицированный — перебила я Клауса и осторожно стала спускаться с насыпи, уйду в лес. Там легче спрятаться.

— Что? О чем ты?

— Смотри вперед, Клаус — я запомнила его, как и остальных, по запаху. У этого тело хорошее, здоровое и молодое, если бы я съела его, могла бы не беспокоиться о шеи и убить модифицированного, но убивать ради убийства — я пока не настолько голодна и безумна.

Шаги за спиной остановились. Вздох, стон. Увидел. Я тоже увидела, высокую белесую фигуру, похож телом на человека, но слишком большой для человека. Метра три ростом. Я еле удержалась и не скатилась с насыпи, зачем мне понадобилось смотреть на урода? Какая разница, как оно выглядит, сегодня я с ним не сойду. Возможно, когда-нибудь...

— Куда ты идешь? — прокричал Клаус.

Куда? Не знаю. Я просто ухожу. Просто так иду, пока не захочу есть. Почему он задает такие сложные вопросы? Я не знаю на них ответы. Не люблю таких любопытных. Хочет знать ответ? Пусть для начала выживет.

— Вольф! Крикни ребятам, мы уходим! Быстро! — кричит Клаус.

Я больше не теряю времени и иду к деревьям. Уже не важно, упаду или нет. Тварь начнет двигаться быстрее, когда поймет, что “деликатес” убегает, оставляя только гору трупов. Оно может попытаться нагнать меня, если живые окажутся проворней и скроются. Конечно, модифицированные едят и мертвецов, но за ними они на моей памяти никогда особо не охотились, в отличие от живых. Всем нравится парное мясо.

Звук бегущих ног я услышала не так быстро, как хотелось бы, мысли отвлекли. Когда я в состоянии думать, многие другие чувства вроде слуха или зрения притупляются. Вот поэтому мертвецы и не думают, иначе сами стали бы дичью.

— Какого х*ра мы за ней премся?

— Ты видел, когда вышел из бара, сколько мертвяков валялось вокруг?

— Ну...

— Гну! Пока мы разбирались с семеркой впятером, она уложила не меньше пятнадцати в одиночку!

— у нее было оружие!

— Ты слышал выстрелы? Все ее оружие — это сломанный кий! И она первой увидела падальщика! Ты, как хочешь, Мангус, а я пойду с ней!

— Мы с Яном тоже с тобой!

— Спасибо, Фриц.

— Я только спасаю свою шкуру, мужик.

— Вольф, ты тоже с этими сумасшедшими?

— Прости, Мангус, но они дело говорят. Все равно там нельзя оставаться.

— Замрите! — не выдержала я и обернулась, в двадцати метрах резко остановились живые.

— Что? — прошептала одними губами девчонка.

— Мертвецы идут. Они идут за модифицированным, но если не заткнетесь придут сюда — прошипела я, чувствуя, как Голод начал просыпаться, медленно и нехотя словно от долгой спячки, скоро говорить я не смогу.

Чертовы живые! Почему они не захотели умирать в баре?! Я покачала головой, забыв о

шеи, та мерзко хрустнула. Люди, до этого озирающиеся по сторонам, повернулись ко мне. Может, напугать их? Нет. Тогда сюда придут не только мертвецы, модифицированный тоже. Пугать нельзя.

— Все. Они прошли. Не ходите за мной — короткими фразами, стараясь не путать немецкий с датским, произнесла я.

— Они же не охотятся на падальщиков? О чем она?

— Когда есть сердце — охотятся — вместо меня ответил Клаус. Неужели он сталкивался с модифицированными и остался в живых?

Они снова пошли за мной. Почему они не слушают? Может, мне свернуть в другую сторону? Свернула. Все равно идут. Опять свернула. Они следом. Да сколько можно?

— По-моему она не хочет идти с нами — догадалась соплячка.

— Помолчи — оборвал ее умную мысль Клаус.

— Не. Ходите. За. Мной! — прорычала я срываясь на датский.

— Датчанка? — определил Ян, он почти мертвец, интересно остальные знают об этом?

— Ты умрешь — посмотрела я на него. Сейчас он уже не казался едой и выглядел, как мужчина, молодой, высокий, худой и больной. Скоро он умрет, а очнется мертвец.

— Она нам угрожает! — завопил Мангус, определенно, когда я не смогу сдерживать Голод — найду его и съем.

— Нет. Она не угрожает. Она как-то поняла, то же, что и я — Ян оттянул край футболки, его укусили.

— Ян — ахнул Фриц и вместо того, чтобы убить Яна, обнял его. Они сумасшедшие. Все.

— Ничего, я не боюсь. Все нормально.

Я не чувствуя больше не мертвецов, не модифицированного. Отошла подальше от этих живых и поползла по стволу одного из гладких деревьев вверх. Мне надо привести в порядок шею и грудь. Если не шуметь, эти живые не найдут меня и уйдут. Зачем мне бежать от них, если я могу спрятаться?

Достав набор для шитья, я сняла плащ и коричневую кофту. Неплохую дурку мне пробила эта девчонка, аккуратно штопать с сгущающихся сумерках будет тяжело, свет особенно режет глаза в такое время. Поэтому, я нанесла несколько грубых, но прочных швов и забыла о дырке. Надо с шеей разобраться. Суставы с громким и мерзким звуком вставали на место. Если пару часов никто не станет сворачивать их снова, шея восстановится и тогда пропадет речь. Зато появится Голод.

— Куда она делась? — кричит Мангус.

— На дереве сидит, полуголая — радостно сообщает малявка.

— И что она там делает?

— Уже одевается.

Они наблюдают, как я слажу. Спрятаться не вышло. стою перед ними и рассматриваю. Убить? Убила бы. Но, ребенка не смогу. Не настолько голодна. Да, я не обольщаюсь. Когда наступит вторая или даже первая стадия, мне станет все равно, кто передо мной. Они не родные и пахнут незнакомо, но сладко. Я точно съем их, если не уйдут.

— Мы не собираемся тебя обижать — произносит как-то мягко Клаус, я ухмыляюсь. Они? Меня? Скорее я их обижу, когда начну вырывать куски из еще живых тел.

— Пожалуйста, не бросай нас — эта девчонка скоро станет второй в моей очереди после Мангуса.

— Что вы хотите?

Они переглядываются. Вот теперь я задала сложный вопрос. Пусть думают. Хотят жить? Тогда должны уйти. А если хотят стать моей добычей пусть остаются.

— Ты не знаешь, кто-нибудь еще выжил? — спрашивает Клаус.

— Знаю. Выжил — вспоминаю я “Рубеж”.

— А ты можешь отвести нас к ним? — мне не нравится этот вопрос, но я не буду врать.

— Могу.

— Тогда, пожалуйста, отведи.

*Благородство и подлость, отвага и страх -
Все с рожденья заложено в наших телах.
Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже -
Мы такие, какими нас создал Аллах!
Омар Хайям*

Живые спорят. Они не знают, что им делать с зараженным. Я бы им подсказала, но говорить больше не могу. Темнота окончательно покрыла чащу. Огонь я развести не дала. Это тепло. Тепло привлекает мертвецов и монстров. А их здесь много. Землю, на которой они сидят и лежать, мне пришлось запачкать своей кровью. Этот запах немного сбивает мертвецов.

— Фриц, я уже мертв. Поэтому, пожалуйста, пока я еще могу оставаться человеком, дай мне умереть. Я не хочу быть одним из тех уродов, которые кидаются на все, что движется — почти мертвец несколько раз это повторяет. Но, людей его слова не интересуют.

— Ян, нет никакой гарантии...

— Клаус! Какие гарантии, на наших глазах многие становились такими! Гарантия только одна — я буду мертвяком. И я чувствую, что осталось мало времени. Поэтому, сделай мне одолжение убей меня.

— Ян...

— Он прав. Выход один — Вольф встает, я замираю, но понимаю, что живого интересую не я.

— Я не сделаю этого! Мангус?

— Сдурел?! Это тебя вообще-то попросили, Клаус!

— Я сделаю это...

— Фриц.

— Ничего. Я смогу, в конце концов, ты мой брат.

— Спасибо — пошатываясь встает Ян, он обнимает Фрица и смотрит на остальных.

— Ребята, для меня самым лучшим за эти годы была ваша дружба.

Они все зачем-то обнимают почти мертвеца. Я смотрю на них и не понимаю. Разве, они не боятся стать такими же? Странные люди.

— Прости — смотрит на меня Клаус, я киваю — им надо будет выйти отсюда.

Я встаю, с явным трудом заставляя себя держаться на двух ногах и махнув рукой, даю знак, следовать за мной. Фриц и Ян идут. Мы идем довольно долго. Я не хочу, чтобы нас учуяли. Но, сколько бы мы не шли, запах мертвецов доносится до меня. Определенно, убивать Яна, пока он еще не мертвец нельзя. Надо сначала свернуть ему шею, потом дожидаться, когда он встанет и убить. Только так, иначе все эти люди станут сегодня пищей.

Мы останавливаемся. Фриц достает нож. Плохая мысль. Очень. Никакой крови. Я перехватываю его руку и выдергиваю из пальцев нож. Фриц смотрит на меня странно, но нож не забирает.

— Ты сама? — он не правильно меня понял, но так даже проще.

Киваю и подхожу к Яну. В темноте можно подумать, что я обняла почти мертвеца. Ян смотрит мне в глаза. Сейчас. Я легко ломаю ему шею и отхожу от упавшего тела. Фриц что-

то крича пытается подбежать к Яну. Я не даю, это еще не все. Отталкиваю, мужчину и встаю над мертвым. Он открывает мутные глаза. Принюхивается. Нет, он не стал таким, как я. Иначе уже бы кинулся. Он же ищет живого. Рука, в которой зажат нож, поднимается и я бью. Проламываю череп, пробивая мозг. Все. Теперь он мертв.

— Тварь! — кричит Фриц — он не хотел умирать мертвяком!

Фриц пинает меня. Я падаю и чувствую, что сейчас кинусь на него. Пусть ударит еще раз. Но, он не успевает. Его держит Клаус. Шел за нами? Я не почувяла.

— Фриц, успокойся!

— Она... Ты видел и допустил?!

Я чую мертвецов. Они слышат нас. Нельзя кричать. Встаю и подношу палец к губам. Клаус кивает. Понял. Фриц смотрит на меня. Я тоже так смотрю. Иногда. Когда хочу убить монстра. Он злиться? Не понимаю. Забыла, что это такое.

— Клаус, ее глаза...

Клаус оборачивается ко мне. Смотрит. Долго. Молчит.

— Ты тоже... заболела?

Пожимаю плечами. Я не болею. Мертвые не болеют.

— Фриц, она не может быть одной из них. Она все понимает.

— Она убила его...

— Чтобы мертвяки не унюхали кровь и не пришли за тобой... за нами.

— Потом она все равно воткнула в него нож!

— Тише! — шипит Клаус — потом он уже не был жив и его кровь не привлекла бы их.

— Почему ты ее защищаешь?

— Я не защищаю. Просто, она помогает нам. Ты ведь тоже хочешь оказаться среди людей. Как я, как мы все.

Я опять прикладываю палец к губам. Пора возвращаться, пока мертвецы отошли на достаточное расстояние. Они почувяли, как и я. Это еда. И если, я не поспешу то приду к концу дележки. Мне надо поторопиться.

Мы быстро возвращаемся к остальным живым. А на меня накатывает первая стадия Голода. Я не понимаю, почему я должна идти туда, где мало еды, но много мертвецов, если я могу съесть этих живых. "Рубеж". Сестра. Люди. Я обещала этим людям. Пойду за другими. Этих трогать нельзя.

— Ты уходишь? — спрашивает у меня маленький живой.

Киваю.

— Но, ты вернешься? — еще один кивок. Этот маленький напоминает мне сестру.

— Нам ждать тебя здесь? — большой живой, сильный. Если съем его смогу думать. Нельзя.

Киваю и оскаливаюсь, предупреждая, чтобы не подходил ближе. Сдергиваю с себя ненужные вещи. До Голода они были мне важны. Но сейчас я не могу двигаться из-за них. Снимаю. Живые смотрят на меня. Они что-то чувствуют, но я не понимаю. Встаю на четыре конечности.

— Она сошла с ума? — кричит один из живых.

— Мангус, говори тише. Я не знаю. Не похоже.

Дальше я не слушаю. Я бегу от них к еде. Я должна поесть. Запах приводит меня к дороге. Живые кричат. Это им не поможет. Никто не услышит. Только еще больше мертвых придет на этот звук. Я откидываю мертвецов и сама впиваюсь в горячее мясо. Удовольствие

— вот что может доставить мне еда. Я получаю удовольствие. Пока я не наемся, больше ничего не пойму...

Жестко тру кожу, сидя у небольшого ручья. Вода холодная, но на фоне моей нынешней температуры — терпимо. Как же это мерзко. Приходить в себя по среди чужих кишок и ошметков кожи. Вроде за столько времени уже должна была привыкнуть, но каждый раз приходя в себя так и тянет начать плевать. Я опять довела себя до несознанки, чтобы не мучиться угрызениями совести. Не мог этот Мангус убить меня? Жалко ему было, что ли? Из-за его нерешительности сегодня я сожрала еще трех. Не смогла остановиться на одном. Чем больше я прихожу в себя, тем сильнее хочется ощутить себя еще более вменяемой. Все дело в моих мозгах.

У нормального человека работает в полную силу только 5 процентов мозга, у меня с рождения работало 7 процентов. Когда меня заразили, отмерло 5 процентов, а два осталось в порядке — относительно. Примитивные рефлексy не смогли взять вверх. С помощью человечины у меня получилось поддерживать себя в состоянии 4–5 процентов работы мозга. Но, чем больше я ем, тем больше функций мозга временно восстанавливаются. Это связано с костным мозгом. Именно его я и поедаю. Остальное мясо меня не волнует.

Я думала над этим. К примеру, в прошлый раз я съела гораздо больше, но не смогла воспроизвести в мозгу эти мысли. Почему? Из-за низкой концентрации в организмах тех людей рабочего костного мозга. Они были слабы, больны и тупы. А все потому, что сами питались непонятно чем и снизили умственную деятельность почти до нуля. Также я чувствовала, что тот же Клаус очень вкусный. Почему? Потому, что мужчина был не глуп и здоров. Мой сегодняшний “ужин” оказался куда более питательным. Все трое. Но почти нормальных. Вот поэтому сейчас я чувствую себя гораздо разумней, чем в прошлый раз.

Модифицированные объекты исследований также подходят мне в пищу, особенно если костный мозг в рабочем состоянии. Но, таких немного. я встретила всего нескольких. Одним из которых был примитивный лидер той пятерки у “Рубежа”. Его мозговая деятельность составляла не больше 1–2 процентов. Но, он все равно оказался вполне съедобен. Вот только это насколько надо было по измываться над человеком, чтобы перенести его костный мозг в сердце. Чудовищно.

— Ты вернулась — облегченно выдохнула девочка, заметив бредущую меня к небольшой поляне, на которой уже устроились мои новые знакомые.

— Да, я вернулась — кивнула я.

— И ты опять можешь говорить? — кажется, девочка этому факту чрезвычайно рада.

— Могу.

Я осмотрелась. Мы далеко от “Рубежа”. Если повести их пешими далеко не уйдем. Нам нужно какое-нибудь средство передвижения. В голове начали всплывать чертежи механики автомобилей. Вполне приемлемый выход. Вот только, где достать машину? Кажется, у того бара, где я их встретила впервые я видела какой-то грузовик. И что? Он же проржавел до дыр! Но, как иначе? Я не в состоянии вести их без риска для их жизни несколько недель к тем баррикадам. Это не вариант.

— Что-то не так? — нахмурился Клаус.

сейчас я смогла рассмотреть его не только с точки зрения съедобного мяса. Он был явно старше меня лет двадцать пять — двадцать семь. Типичный ариец. Высокий, худощавый, с узким лицом, голубыми глазами и светлыми волосами. Кожа или смуглая или грязная. Он наверняка в прошлом был неплохим парнем. Да и судя по моим воспоминанием остался

таким.

— Нет. Кто-нибудь из вас умеет чинить машины и собственно, водить их? — все же решилась на вопрос.

— Зачем тебе? — Вольф поднял голову и попытался в темноте посмотреть мне в глаза.

Конечно, для людей темнота, как слепота. В отличии от меня. Пленка покрывающая мои глаза, работает в обратную сторону. плохо вижу при свете солнечных лучей, но в темноте мое зрение обостряется и не упускает ни одну мелкую деталь. Вольф в отличии от Клауса вызывал мнимую опасность. Почему мнимую? Потому, что для меня опасны только гранаты засунутые без чеки в открытый рот. Остальное я пережить смогу, особенно этого крепкого на вид брюнета.

— Я не собираюсь тратить почти месяц на то, чтобы довести вас до “Рубежа”. Мне необходимо, как можно скорее избавиться от вашего присутствия. И сделать я это смогу, если мы поедем, а не пойдем — отряхивая свой дождевик, что я оставила здесь, когда уходила, доходчиво объяснила.

— Мы раньше копались в машинах отцов, время от времени — Ответил Вольф, глянув на Клауса.

— Может, что и получится — кивнула я сама себе — вы голодны? Устали? Спать хотите?

— Голодны, остальное может и потерпеть — слабо улыбнулся Клаус.

— Хорошо — я засунула руки в карманы дождевика, неделю назад я наткнулась на магазин и забрала оттуда спагетти в пачках. Неуверенная надежда, что смогу как-нибудь передать их сестре теплилась во мне. Но, сейчас они пригодятся другим.

— Вот — протянула я упаковки.

— Откуда? — кажется, их это сильно озаботило.

— Из магазина. Вот только, некогда их варить. Поешьте и пойдем чинить.

— Сейчас? — озадачился Вольф.

— Да.

— Сейчас мертвяки видят, как мы — днем. А мы даже орущую свинью не заметим в такой темноте!

— Про свинью, не знаю. Но, с инфицированными я свободна справиться, а вот с модифицированными — нет.

— Ты о чем? — подал голос молчавший до этого Мангус и хрустнул макарониной.

— Инфицированные — это ваши мертвяки. Сыворотка призванная вылечить людей от смертельных болезней сработала не так и появились инфицированные. А модифицированные — это падальщики. Геномный проект. Тоже не удачный. В отличии от инфицированных по ночам они такие же слепые, как и вы. Мне будет легче справиться с инфицированными, чем модифицированными. Так понятней? — спросила я особо не надеясь на успех.

— Почему ты это знаешь, а мы — нет? — нахмурился Клаус.

Я пожалала плечами, ну не говорить же им, что я — Вибек Хенекрофт, одна из первых гражданский узнала обо всем? Зачем? Теперь это уже не имеет значения. Никакого.

— У меня есть для тебя кое-что — повернулась я к девочке, что сидела на расстеленной куртке и морщила носик, пытаюсь переживать еду.

— Что? — удивилась девочка, но протянула руку.

— Возьми — я достала пакет леденцов — срок годности истек, но...

— Сладкое! — тут же запихал в рот несколько конфет ребенок.

— Как ты могла все это достать? В магазинах же полно мертвяков и они не пытались тобой закусить?

Я опять пожала плечами. Когда это инфицированные кусали таких же? Они не модифицированные объекты, которым все равно кого и как.

— Поели? — через минуты три тишины, сопровождаемой только хрустом, спросила я.

— Да — кивнул Вольф.

— Тогда, пойдете — первой сделала я шаг.

Поднялись все.

— Нет, только вы двое.

— Я не собираюсь оставаться тут! — почему этот Мангус такой шумный?

— Я не смогу уследить за всеми. Здесь вы в большей безопасности. Инфицированные к вам не подойдут. А кроме них, никого поблизости я не чую.

— Чуешь? Ты одна из них?!

— Нет. Я — Вибек. Мутировавший организм. Адаптированная версия человека. Ну, так я по крайней мере думаю — ведь это всего лишь гипотеза.

— Ты очень странно говоришь — задумался Клаус — и почему у тебя такой чистый немецкий.

— До того, как мутировала, я была, как бы сказать, очень умной.

— Вундеркинд?

Отвечать я не стала. Просто пошла вперед. Вольф и Клаус двинулись следом. Я не против поговорить, даже наоборот. Мне очень нравится разговаривать, пока я в трезвом уме и светлой памяти, но сегодня и в ближайшие дни мне будет не до разговоров. В последние часы я сильно приблизилась к своей норме, это необыкновенно радует, но вместе с тем, заставляет осознать, что я недолго пробуду в этом состоянии. Надо, как можно скорее помочь им и уйти подальше от всех людей. Я только на этом уровне мышления помню свою цель. Я больше не могу убивать людей ради их мозгов. Я хочу умереть. Пусть не телом, но как человек, окончательно потерять себя. жить так, как я живу сейчас — бессмысленно. Это не делает меня лучше — это убивает меня.

— Вибек, а почему ты не могла говорить с нами несколько часов назад?

— Тихо — шиплю я.

Клаус кивает. Конечно, я в состоянии справиться с инфицированными, но специально приманивать их на звуки, чтобы проверить свои умения нет желания. Чем больше сил я трачу на борьбу тем меньше у меня остается времени на войну со своим Голодом. Он ведь не уходит. Я просто запираю его на задворках своего разума. Это сложно. Очень.

Когда Клаус и Вольф понимают куда я их веду, они только переглядываются. Но, затем, Вольф все же шепчет:

— Там остался только старый грузовик, он не на ходу.

— Я знаю. Поэтому вы мне и нужны.

— Он сломан.

— Почините.

— Его невозможно починить.

— Пробовал?

— Нет. Там все время были мертвяки.

— Сейчас они не будут вас отвлекать.

Мы подходим к месту. Несколько инфицированным смотрят на нас. Я беру за руку Клауса, а затем Вольфа. Мужчины дергаются. Я шиплю. Инфицированные теряют к нам интерес.

— Это из-за тебя?

— Да. Я сильнее. Вы — моя добыча — объясняю я Клаусу одними губами.

Они ничего больше не говорят. Мы подходим к машине. Я убираю руки и открываю капот.

— Я буду говорить, что вижу. Вы скажите, что надо сделать. С теорией у меня неплохо, но на практике я ни разу не чинила машину — и не решилась бы, если бы не мой последний “ужин”, он был настолько сытный, что я смогла вспомнить многое.

— Попробуем — кивает Вольф.

Машина оказалась почти цела. Это было чистое везение. К рассвету нам удалось ее завести. Мужчины, кажется, были счастливы. Я обмазала капот сгустками своей почти черной крови и оставила их в грузовике. Осталось только привести других и можно ехать.

*Бог дает, Бог берет — вот и весь тебе сказ,
Что к чему — остается загадкой для нас.
Сколько жить, сколько пить — отмеряют на глаз,
Да и то норовят недолить каждый раз.
Омар Хайям*

-Она опять не разговаривает — шепот. Тихий, за спиной.

— Тише, не буди других.

Моя еда “отдыхает” рядом. Но я ее не ем. Глаза жжет от запаха. Внутри все сводит в судороге. Мое терпение казалось бы безгранично. Но, я не понимаю, почему я терплю. Зачем сдерживаюсь? Я хочу есть! Нет, не так. Я хочу пожрать их всех. Особенно, того сильного. Уже три раза падала красная штука. Глаза видели три раза хорошо. А я продолжаю терпеть. Скоро будет не удержать вторую стадию Голода. И тогда, я их съем. Их всех. Мои конечности тянутся ко рту. Я не замечаю, как начинаю есть пальцы. Пока не пальцы. А только пленку у самой их кромки. Ногти? Не знаю. Вроде, так.

Красный шар поднимается медленно. Очень медленно. Я оборачиваюсь. Живые. Встают. Смотрят на меня. Я протягиваю им свои конечности. Меня надо связать. Вторая стадия скоро начнет набирать обороты. Очень скоро.

— Was du will? (Что ты хочешь? прим.) — сильный смотрит на меня.

Что он говорит? Я не понимаю. Оглядываюсь. Нахожу веревку в железяке, на которой мы едем. Беру ее и опять протягиваю руки.

— Binden dich? (Связать тебя? прим.) — я не понимаю. Тыкаю его в живот веревкой.

— Gut. Deutlich (Хорошо. Понятно. прим.)

Он начинает связывать. Его глаза смотрят на меня, странно. Раньше сестра так же смотрела, когда я начинала поедать себя, не находя пищи. Я смотрю туда же, куда и живой. А... Я съела, пока они “отдыхали” часть своих пальцев. Другой живой поднял железную палку. Он хочет меня убить? Но, сильный схватил его за конечности и выдернул палку.

— Bei dir riepts wohl! (оставь меня в покое! прим.) — кричит что-то тот у кого забрали палку.

Больше я их не слушаю. Только изредка, пока трясусь в железяке на колесах, они повторяют одно и то же слово:

— Landkarte (карта. прим) — я не знаю, что это. Но, почему-то рада, что у них есть эта штука.

Когда красный шар стал совсем ярким. Я поняла, вторая стадия Голода падает и становится третьей. Я хочу жрать! Я хочу... Я...

— Как она? — Клаус озабоченно сжимал руль и старался объезжать выбоины на дорогах, ему казалось, что так он причинит меньше боли девушке в кузове грузовика.

А то, что ей больно он не сомневался. Она выгибалась под путами, которыми заставила себя окутать. Он связал ее крепко, она не могла попросить об этом, но ее глаза буквально молили, словно от прочности веревок зависела их жизнь.

— Плохо. Такое впечатление, что наше присутствие вызывает у нее дикую боль — с

сочувствием посмотрел на девушку Вольф.

Он так и не смог изжить в себе это сочувствие к слабым и больным. А по его мнению девушка была и больной и слабой. Тем не менее, она достойно держалась почти всю дорогу. Если бы не тот падальщик неделю назад... Возможно, Вибек и сейчас бы осторожно улыбалась им. Осторожно. Потому, что ее улыбка могла испугать даже Вольфа привыкшего за эти годы ко многому.

— Вибек заболела? — сколько раз Мария не спрашивала этого сидя у Фрица на коленях и доверчиво заглядывая ему в глаза, мужчина не мог ответить ей.

Фриц тоже глянул на скрутившееся в кузове тело. Она выглядела, как эпилептик в припадке. Страшно. Да, Вибек пугала его. Она убила его брата дважды и при этом не понимала, что плохого сделала? Как будто у нее были полностью отключены чувства. Она ничего не боялась и никого не просила о помощи. Неделю назад, она не пустила их к падальщику. Было страшно до судорог в коленях, когда та белесая тварь с дырой в месте лица и кучей червей внутри кинулась на них. Выследила, падаль!

Вибек бросилась на нее. Ни один человек не способен голыми руками убить падальщика. Да что там руками, человек вообще никак, кроме бомбы не способен справиться с падальщиком. А она получая смертельные удары один за другим методично расчленяла эту тварь. А когда закончила не смогла встать. То есть, не так. Она поднялась на четвереньки. Отряхнулась по собачьи и стянув с себя всю одежду, кроме майки и спортивных трусов, побежала к ним на манер дворняги. Это казалось совершенно невозможным. Человек, что еще три недели назад имел интеллект выше нормы, в тот момент был похож на умалишенного дауна.

Но, особенно ужасало ее тело, которое она перестала скрывать. Он выглядело, как у подопытного Франкенштейна. В немыслимых заплатках, местами без кусков мяса и рубцами грубо заросшей кожи. У нее не хватало ребер, четыре пары, не меньше. На ногах не было двух пальцев. Искалеченный труп, вот кого напоминала Вибек.

— Вам не кажется, все это странным? — если Мария задавалась вопросом о болезни Вибек, то Фриц спрашивал именно об этом каждый день.

— И что? Надо было ее прибить! Она же сейчас вылитый мертвяк! — принялся за свое Мангус.

Он не был жестоким, ну в пределах разумного. Вибек казалась ему очень опасной. Он первым перехватил ее взгляд на них. Голодный взгляд. Так на Мангуса смотрела его собственная младшая сестра. Затем отец и наконец мать. Он знал этот взгляд, постоянно встречая у своих друзей, родственников и просто знакомых. Этот взгляд жег его с момента, как его бабке вкололи какую-то дрянь в Хосписе. И эта Вибек смотрела на них также. Да, она сдерживала себя, но свой голодный взгляд сдержать у нее не получалось. Впрочем, в первый день их знакомства, когда она вернулась из леса, пахнувшая свежей кровью и мертвяками, Мангусу показалось, что он ошибся. Ее глаза мертвяка не горели голодом. Но, сейчас, спустя месяц он мог безошибочно сказать, что она — мертвяк.

— Если бы мы всех убивали за их внешность. Ты бы, Мангус уже давно в какой-нибудь канаве разлагался — усмехнулся Вольф.

— Она нас всех сожрет! Помяните мое слово!

— Не пугай ребенка! — рявкнул Фриц, заметив, как у Марии задрожал подбородок.

— Рхарх!

Это рычание заставило их замереть. Клаус первым понял, что рычит Вибек. Мужчины

оторвались от своих тяжелых мыслей и только сейчас заметили, что в сотне метров дорогу перегородила внушительная стая мертвяков. И что делать? Когда “Рубеж” уже в такой близости? Отступить? Нет! Они не могут повернуть назад.

Рык Вибек повторился. Она сильнее заизвивалась в веревках.

— Ее надо освободить, иначе позвоночник себе сломает.

— Ничего, не умрет! — беспечно отозвался на замечание Клауса Мангус.

— Куда она смотрит? — спросила Мария.

Вибек и правда, подняла голову и смотрела вперед. Ее ноздри хищно раздувались. Она оскалила зубы. Клаус замер. Он, как и остальные раньше не видел ее зубов. Острые, неровные, белые клыки. Они выглядели, как ножи. Так вот чем она рвала на части падальщика. Достойная замена любому кинжалу.

— Да на нас! Мечтает нас сожрать!

— Нет, Мангус! Она смотрит на мертвяков. Нам надо ее развязать.

— Если так не терпится быть сожранным — пожалуйста — сплюнул в окно Мангус.

Клаус затормозил. Вышел из грузовика. Когда Вибек увидела его в паре сантиметров от себя, она словно гусеница откатилась в бок и зарычала. Не хочет, что бы он подходил. Тогда, как? Мария!

Клаус не успел схватить девочку, она проворной рыбкой скользнула из его рук и приблизилась к Вибек. Девушка сжала зубы, прокусывая и без того изъеденную губу, но рычать прекратила. Мария осторожно, узел за узлом развязывала Вибек, пока последняя веревка не упала. Вибек перемахнув через коробку кузова, быстрыми скачками помчалась к мертвякам.

— Кажись твоя сестренка, приручила монстра — не удержался от язвительного замечания Мангус.

— Вибек — не монстр! — завопила Мария.

Клаусу сейчас было не до споров с Мангусом. Он смотрела на то, как Вибек, будто сторожевой пес отгоняла с дороги мертвяков, а те, послушными овцами уходили на обочину. Смотреть на это было не жутко, скорее любопытно. Еще никогда Клаус не видел ничего подобного. Мертвяки казались ему неуправляемыми тварями, не способными понимать ни одной команды. Но, Вибек доказывала обратное. Она их усмирляла, как если бы имела специальный свисток, которым могла заставить выполнять мертвяков команды.

Вибек встала на колени и замахала им руками. Пусть свободен. А затем, вместо того, чтобы вернуться в грузовик, помчалась по дороге. Значит, она наткнулась на след. Мужчины быстро вернулись на свои места и заведя мотор поехали следом. Им даже пришлось разогнаться, чтобы не терять из виду спину девушки.

— “Добро пожаловать в “Последний Рубеж”!” — прочел Вольф вывеску.

— Не может быть! Вы только посмотрите! Мы приехали! Мы добрались! — засмеялся Мангус.

И остальные подхватили его смех. Победа! Они оказались у людей! В месте, где их ждет безопасность!

Выстрелы прозвучали неожиданно громко. Оборвав смех. Ребята поняли, что что-то не так. Они выскочили из машины. Вибек! Ее решетили пулями. Десятки пуль. Она пыталась уворачиваться, но под таким “дождем” — это было бессмысленно. Стеной пуль ее развернуло в сторону мужчин, застывших в десяти метрах от Вибек. Она смотрела на них и Мангус даже не понял, как это случилось. Он не понял. Только его рука, с кольцом в

кармане, дернулась и вот, он уже тратит именные пули отца впустую стреляя. С такого расстояния в снайпера не попадешь.

— Пригнись, идиотка! — его крик ничего не дает, Вибек продолжает стоять.

Резкая боль отрезвляет. У снайпера была винтовка с оптическим прицелом? Он попал прямо в грудь. Мангус стал падать и словно в замедленной съемке наблюдал с какой скоростью подорвалась к нему Вибек. Неужели не выдержала и теперь сожрет его?

Такой рык он еще не слышал. Оглушающий, злой, полу-вой! Ледяные руки на своей необыкновенно горячей груди. И мертвые глаза. Вот так по-глупому подставиться... Из-за какой-то незнакомой мертвой девчонки...

Он мертв? Нет! Там стучит! Близко ко мне. Стучит! Пусть стучит! Я его не ела! Я держалась! Нет! Не останавливайся! Стучи!

— Бека! Бека! Отпусти! Все хорошо! Мы ему поможем! Бека! Сестренка! — запах знакомый. Я знаю этот запах.

Смотрю. Я знаю ее. Третья... Стадия... Бежать!

Майя смотрела на сестру. Узнавание проскользнуло в глазах Беки, а потом она отшатнулась. У сестры началась третья стадия Голода. Это плохо. Она сейчас побежит. И ее не остановить. В этой стадии Бека перестает чувствовать абсолютно все и даже тот десяток пуль, что в ней не остановит Беку. Она почти стала мертвецом.

— Куда побежала Вибек? — спрашивает маленькая девочка, прячась за спиной злых мужчин.

— Не знаю, но она вернется. Она всегда возвращается. А сейчас нам надо помочь вашему другу.

Бека привела здоровых и вменяемых людей к ним. Даже в неконтролируемом состоянии она смогла привести людей. Майя гордилась сестрой. По правде ей было наплевать выживет тот долговязый парень или нет. Ее заботило лишь, сможет ли Бека поест и стать нормальной? Обычно, сестра не позволяла себе доходить до третьей стадии. Но, сейчас она видимо сильно хотела доставить в “Рубеж” этих ребят.

— Майя! Аден кричит! — к Майе бежал Дарен. Его брат был чем-то похож на Беку, но Майя пока не понимала чем, может желанием быть рядом с ней? Но почему? И еще одно подозрение, теплилось в душе подростка, Аден впадал в неистовство стоило только Беки появиться поблизости. Вот уже два раза при Майе и три при Дарене, его брат так реагировал.

— Сейчас не до него! Вы человека подстрелили!

— Не переживай так, его только зацепило.

Они общими усилиями перенесли пострадавшего в госпиталь, где бился в кровати Аден. С не пострадавшими сейчас общались местные власти. Да-да, тут были власти, даже временное правительство. “Рубеж” не потерял порядков прежнего мира. Что не могло не радовать. Майя с содроганием вспоминала тех немногих людей, что видела до “Рубежа” и с уверенностью могла сказать, что то вовсе не люди были, а уроды какие-то. Здесь же все по другому и отношения между собой тоже. Беки бы понравилось.

Клаус смотрел на местного шерифа. Так он называл себя. Худой мужчина с ранней проседью в волосах, вполне дружелюбно улыбался им. Здесь вообще им все улыбались. Кажется, не только для ребят “Рубеж” был спасение, но и для жителей этого места ребята

были праздничным чудом.

— Мы и не надеялись, что в живых остались такие большие группы людей, да еще и ребенком на руках. Вы — герои.

— Не мы — тихо заметил сидящий в углу Фриц — нас спасла девушка, которую вы изрешетили пулями.

— Тот падальщик? Не смешите меня! Нам повезло, что оно оказалось ослабевшим...

— Ее зовут Вибек! И она не падальщик! Эта девушка привела нас к вам! Мы — немцы! Если вы не заметили и сами из разрушенного Берлина не смогли бы сюда добраться! Она привела нас сюда! — взорвался Вольф.

Ему было невыносимо мерзко. Не только из-за Вибек. Точнее, не столько из-за нее. Мангус. Он оказался не таким козлом, как считал Вольф. Парень бросился на защиту Вибек Единственный, когда остальные стояли и смотрели. Вольф мог тоже попытаться что-то сделать, но на него, как на сопливого мальчишку напал столбняк. Когда видишь, как перед тобой расстреливают человека и когда этот человек продолжает стоять и скрестись в ворота, только за тем, чтобы четверых здоровых мужиков впустили в убежище, по неволе нападёт столбняк. Но, Мангус в отличии от них быстро пришел в себя и поплатился за это. Если парень не выживет, Вольф свалит из этого на вид “Райского” гнездышка.

— Я понимаю, вы все на взводе, но не стоит больше об этом упоминать. Я вам, как друг советую, лучше считайте, что сами добрались сюда...

Вольф плюнул, поднялся с пола, на котором до этого сидел и вышел из комнаты. За ним последовал Фриц.

— Вы куда? — встал перед ними один из охранников.

— К парню, которого вы подстрелили!

Их не посмели останавливать. Но в госпиталь тоже не пустили. Там сейчас вытаскивали пулю из Мангуса. У дверей, на крыльце сидело трое. Девушка, скорее подросток, что успокаивала Вибек, когда та вцепилась в Мангуса. Мария и еще один незнакомый парень, кажется Дарен.

— Ты не думай, Бека хорошая, просто отличается от остальных — успокаивала девушка Марию.

— Я знаю. Я ее совсем — совсем не боюсь! Даже, когда она рычит. Она мне много сладкого давала. А еще пока могла говорит рассказывала сказки! Знаешь, она такая умная! Столько всего знает! — округлила глазки Мария.

— Знаю — улыбнулась девушка — Бека и мне рассказывала. Она — моя сестра.

— Настоящая? — усомнилась Мария.

— Ага. Она нас с мамой тоже привела сюда.

— Это правда? — подал голос Фриц.

— Конечно. Бека искала место, где бы мы с мамой могли остаться и нашла это — доброжелательно ответила она — Я, кстати, Майя.

— Фриц, а это Вольф.

— Немцы?

— Да. Как поняла?

— У англичан нет такого жуткого акцента — вместо девушки ответил Дарен.

— А ты, стало быть, британец?

— Ну да. Майя датчанка. В “Рубеже” собрались люди с разных концов планеты — угрюмо ответил Дарен.

— Слышал твой брат болен... Сочувствую — искренне произнес Фриц.

— Не стоит. Я рад, что он болен. Эта чокнутая...

— Она не чокнутая! — возмутилась Майя.

— Хорошо — покорно кивнул Дарен — это не чокнутая что-то сделала с Аденом. Его покусали мертвецы и он бы сам стал одним из них, но она что-то сделала и мой брат пока жив. если бы эти идиоты не открыли пальбу, я бы уже знал, что с ним! — повисил тон Дарен.

— Вибек перестала разговаривать неделю назад — бесхитростно произнесла Мария — она бы ничего тебе не сказала.

— Поверь, девочка я умею развязывать языки — оскалился Дарен.

— Ну-ну — фыркнула Майя.

Продолжить перепалку им не дал вышедший на крыльцо, уставший мужчина. Доктор. Понял Вольф.

— Как он?

— Жить будет. пуля застряла в груди. Я вытащил, продезинфицировал и зашил. Воспаления не должно быть. Организм здоровый. Так, что не думаю, что стоит волноваться — слабо улыбнулся доктор.

— Спасибо — поблагодарил Фриц — к нему можно?

— Он еще не отошел от наркоза. Но можете ненадолго заглянуть.

Мангус лежал перевязанный и бледный, но вполне живой. Пока они смотрели на парня, к ним присоединился Клаус. Он уладил все дела с местными властями и сейчас выглядел не лучше про оперированного Мангуса. Они все устали. Им не мешало бы помыться, поесть и отдохнуть. А уже потом решать, как быть дальше. Кажется, их жизнь начала налаживаться.

*Беспощадная судьба, наши планы круша.
Час настанет — и тело покинет душа.
Не спеши, посиди на траве, под которой
Скоро будешь лежать, никуда не спеши.
Омар Хайям*

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Тишина. Минута. Две. Три. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Тишина... И так по кругу. Почти два месяца только это и мог слышать Дарен сидя у кровати младшего брата. Это оказалось страшнее всего. Страшнее смерти, страшнее не-смерти. Страшнее всего, что с ними происходило. Это оказалось очень страшно. Сидеть, ждать и бессильно сжимать пальцы в кулаки. Он оказался не готов к этому. За восемь лет, что они выживали в Аду, никогда прежде Дарен не чувствовал себя настолько неподготовленным.

Его младший брат — Аден, всегда такой осторожный и, не в пример Дарену, рассудительный, не смог выстрелить. Ведь идущий на него мертвец оказался еще неделю назад вполне живым товарищем Адена. Его укусили и он не вернулся. Пока не стал одним из мертвецов. Аден колебался и поплатился за это. Его укусили. Дарен прекрасно понимал, что это конец. Для Адена и для него тоже. Ведь пока он, Дарен, жив, никто не посмеет убить его брата.

Дарен на чистом упрямстве дотащил себя и брата до “Рубежа”. Потерял сознание уже у ворот. Он не боялся, что Адена убьют сразу. Так тут никогда не делали. Предпочитали ждать, если сам человек того хотел, ждать момента, когда его человеческая жизнь оборвется. А уж потом... Потом, да, они убивали то, что заставляло совсем недавно родных людей нападать. Так было тут. Так жили сохранившие человечность люди.

Наверное, поэтому, “Рубеж” казался всем самым хорошим местом на Земле. Дело не столько в безопасности, которая, пусть и относительная, но имела место быть. Основное здесь — это отношения. Они не умерли с миром. Не изжили себя, как в других местах. В “Рубеже” все было по-прежнему. И благодарить за это можно только бывших военных. Эти ребята работали слажено и словно выполняя известные только им приказы. Да, порой они были упертыми и бескомпромиссными, но этого требовала ситуация. И Дарен понимал это лучше остальных. Когда случилось то, что случилось Дарен служил. Новобранец, записавшийся в армию потому, что не смог поступить в колледж. В отличии от Адена, что был настоящим “ботаником”, крепко сложенный Дарен, не сильный в математике, но обладавший сокрушительным хуком слева, мог рассчитывать на признание только в силовых структурах. Вот он и пошел в армию. На что-то еще просто не было средств. Они с Аденом — сироты. И должны были заботить друг о друге сами. И им удавалось. Правда, удавалось. Пока мир не сошел с ума.

— Она не пришла... Где она?..

Аден снова бредит. Он временами приходил в себя и твердил одно и то же. Возможно, только благодаря этому, никто не посмел попытаться убить брата. Ведь он говорил... Как и та тварь! Она тоже говорила. Ходячий труп умеющий говорить и даже мыслить. Если верить Майе. Красивая девочка, что появилась у их ворот вместе с матерью через день после изменений с Аденом. На самом деле их было трое. Но, та тварь, что пришла с ними

человеком уже давно не являлась. Майя кричала, плакала, просила и все время твердила, что тварь на самом деле ее сестра Вибек. И что без нее они с матерью давно бы умерли. Что без нее Аден бы уже умер.

А теперь еще и эти... Четверо новых людей. И опять эта тварь! Она привела здоровых, сильных и много повидавших людей к ним. И эти люди тоже защищали ее. Словно эта мертвячка была святой. Они в голос уверяли, что таких мертвецов, как она не бывает. И таких падальщиков тоже. Ну не могут они почти месяц спокойно путешествовать с людьми, заботиться о их безопасности, а потом до последнего пытаться привести живых в столь укромное место, как “Рубеж”.

Но, если все так, то... То это в голове не укладывается! Такая правда сносит на своем пути все выстроенные предположения. И сейчас хрипящий на койке Аден является частью этой правды. Он должен был умереть. Но, что-то пошло не так. Дарен очнулся слишком поздно, чтобы понять, что именно. Он увидел только светящиеся в темноте мертвым холодом глаза и Адена стонущего и тянущегося к твари. А потом, все что помнил Дарен, это как он стрелял в тварь. Стрелял, а она не умирала. Она даже не замечала пуль. Такое мертвецам не под силу. Пули их если и не убивают, то замедляют. А она продолжала двигаться, еще и антибиотики успела стащить. Как позже сказала Майя, для больной матери старалась. Как? Как такое может быть? Мертвец заботиться о матери? Это же сумасшествие!

Да что там... Дарен сам себе боялся признаться, что вовсе не это заставляло его вскакивать с кровати каждый раз, как сон пытался сморить его. Стоит только глаза закрыть и он видит, как маленькая фигурка на скакивает на громадных падальщиков. Она была безоружна и она их не боялась. Ни капли. Мертвецы и те, каким-то неясным чутьем обнаруживая поблизости падальщиков кидаются в рассыпную, в такие моменты, они даже о людях забывают. А тут одна девчонка (на тварь она тогда меньше всего походила) нападает на пятерых! Кто бы мог подумать, пятеро! Да они бы “Рубеж” в щепки разнесли! Но, появилась эта Вибек. Она хладнокровно убивала их, не обращая внимание на перевес сил, на нелепые попытки остановить ее.

А Дарен стоял и смотрел, как смертельные для толпы вооруженных людей, падальщики падают на асфальт один за другим от рук непонятного разумного существа. Но, больше всего его добил взгляд мертвых глаз. Она сего мгновение смотрела на его, но он успел понять этот взгляд. Болезненно — виноватый, отчаянный и совершенно разумный взгляд, полный сожаления. Словно, она не спасла их, а сделала только хуже. Неужели такие, как она способны чувствовать вину? Вину за содеянное? Если это правда, то страх никогда больше не покинет Дарена.

Клаус устал повторять одно и то же. Сколько можно? Прошли почти две недели с момента их прибытия сюда. И вот уже девять дней подряд Альрик — главнокомандующий здешней армией, мучает его вопросами. Клаус даже не успел сегодня навестить быстро идущего на поправку Мангуса. А все потому, что Альрику и его людям стала очень нужна Вибек. Которая, больше не появлялась в “Рубеже”. Да и сомневался Клаус, что еще когда-нибудь появиться. Она была на грани тогда, в их последний день совместного путешествия, а после нескольких магазинов пуль, полученных Вибек, она окончательно потеряла себя. Клаус видел это по тому, как бешено сверкнули глаза Вибек, как оскалился ее рот, приподнимая верхнюю губу и показывая полный набор заточенных зубов. Вибек переступила грань. И Клаус понятия не имел, что надо ей сделать, чтобы вернуться назад.

— Клаус, пойми. Она уже не первый раз приводит к нам выживших и она очень сильное

оружие против падальщиков, не говорю уже о мертвецах. Мне плевать, кто она и почему такая, но если это существо не убивает живых и способно завалить неживых уродов, она нам нужна! — увещевал Альрик, ходя из стороны в сторону по небольшому кабинету.

— Да понимаю я! Но и Вы поймите, главнокомандующий, я не знаю где она может быть! И сильно сомневаюсь, что после такого приема согласится прийти сюда еще раз добровольно! — начал злиться Клаус.

Он что ребенок малый? Разве не понимает? Все он прекрасно понимает! Но, как заставить нечто неуправляемое поддаваться чьим-то командам? Да Вибек совершенно безразличны их желания!

— Падальщика в этом году особенно быстро находят дорогу к нам. Они будто с цепи сорвались. Нападения происходят с небольшим интервалом. Я боюсь эту зиму мы не перенесем. Клаус, нам не выжить, если еще раз придет такое количество падальщиков, как полтора месяца назад. Мы бы и тогда не выжили, если бы это существо не напало на них. Я сожалею, что мои идиоты — новобранцы не послушались команд и напали на нее...

— Командующий, Ваши сожаления не мне надо приносить, а ей — усмехнулся Клаус, ведь и они когда-то по ошибке могли убить Вибек.

Как же это смешно, Мангус сначала чуть собственными руками не уничтожил ее, а потом сам же полез спасать. Дурак!

— Тогда нам остается только молиться — грузно опустившись в кресло прикрыл рукой глаза Альрик и Клаус, за столько дней впервые, был с ним совершенно согласен.

Мангус лежал и про себя вспоминал все возможные ругательства. Уже который день подряд ему не дают встать с койки, чтобы просто облегчиться. Для этого приносят таз. Унизительно! Особенно, когда через кусок старой простыни, служащей к качеству занавески, лежит полу-трупом какой-то мужик, а его братец чуть ли не ночует рядом с ним. Свидетели его позора. Ведь у Мангуса уже почти все зажило. Но, из-за этого “почти” ему не дают вставать.

Да знал бы этот Дорн — здешний хирург, что в прошлом году Мангуса дважды ранили и он сам выкарабкался, бе врача! А тут надо же! Нашелся умник! Нет, он не спорит, огнестрельное Мангус получал впервые, но все же обошлось! Вибек пережала ему вену. Он-то думал, она кинулась на него, чтобы сожрать, а оказалось... Спасти пыталась! Но, Мангус ясно видел, что она не прочь закусить им! Что же не так с этой девчонкой? Неужели она способна жрать саму себя, только чтобы не нападать на людей? Если так, но Мангус даже горд немного, что попытался защитить ее. Ведь, он видел, как люди, живые люди, кидаются на себеподобных! А она и не человек вовсе, но сопротивлялась собственным инстинктам. Жаль, что теперь ему вряд ли удастся сказать ей, что он сожалеет. Что ошибался в ней. Она спасла их. Помогла и ничего не потребовала взамен.

— Почему она вас привела сюда? — раздался хриплый голос из-за занавески.

— Клаус ее попросил — пожал плечами Мангус и тут же поморщился, зараза — болит!

— И она согласилась? — недоверие так и скользило в голосе.

— Согласилась! У нее от человека осталось побольше, чем у остальных людей — вдруг разозлился Мангус.

И было с чего. Они за эти недели достали его с вопросами о Вибек. И каждый раз услышав что-то хорошее о ней, только и были способный на очередную порцию недоверия. Конечно, Мангус не сильно отличался от них, но оттого было особенно обидно! Ведь прав был Вольф, Вибек судили только по ее внешнему виду, разве за это убивают? Да, убивают. В

этом мире убивают за все, что стало непонятным. Наверное, поэтому очень скоро людей просто не останется. Как можно выжить, когда не доверяешь своим же? Никак.

Уши болезненно пронзил звук сирены. Нападение! Вольф, как был, в чем мать родила, так и выскочил из душевой. Он с самого утра не находил себе места, будто чувствовал, что должно что-то случится. Фриц тоже поспешил выйти в раздевалку. Они быстро одевались. Впрочем и понимали, их присутствие мало что изменит. Но, лучше быть там, чем отсиживаться здесь. Так они хотя бы смогут видеть, что именно происходит. И не будут теряться в догадках.

— Как-то тут беспокойно — заметил Фриц.

— Да уж, это не город Ангелов — поддержал шутку Вольф.

Он смотрел на друга и понимал, что Фриц, будь у него сейчас в руках оружие первым бы кинулся в атаку. Его товарищ перестал ценить свою жизнь после смерти Яна. Словно, все ради чего он стремился жить рухнуло. Вольф не понимал этого, хотел бы, но не понимал. По жизни одиночка, Вольф никогда не имел ни братьев, ни сестер. Ему не довелось хоронить близких. Мать умерла, когда Вольф был еще ребенком, а отец получил огнестрельное в перестрелки с каким-то преступным синдикатом, поэтому к моменту, когда мертвяки по вылазили из моргов, у Вольфа просто не осталось родных. Но, их ему с лихвой заменили Клаус и Мария. А если бы им не повезло так же, как и Яну? Что бы тогда чувствовал Вольф? Ответить на этот вопрос он затруднялся, потому решил отложить его до лучших времен и поспешил к воротам.

— Ну, что тут? — заметив Клауса, крикнул Вольф подбегая к другу.

— Падальщики! Всех мертвяков разогнали и идут сюда — мрачно сообщил Клаус.

— Сколько?

— Трое. Сегодня умрет половина наших, если не все — произнес подошедший к ним Дарен.

— И что делать?

— Сражаться.

— Так выдайте нам оружие! — посмотрел Фриц на Дарена.

— Сначала пойдет наша команда — покачал головой Дарен — если, не удержим, тогда поговорим.

— Предлагаешь нам тут стоять и смотреть? — не поверил своим ушам Вольф.

— Вы с ними когда-нибудь сражались?

— Нет, но...

— А мы сражались. Новичок — это пушечное мясо. Пули их не берут, только злят. Мы попробуем закидать их гранатами. Если получится, то потом останется только добить. э

— А если — нет? — спросил Клаус, сжимая руки в карманах штанов.

— А если — нет, то оружие уже никому не понадобится.

— Смотрите! — звонкий голос отвлек парней от игры в “гяделки”.

Ребята посмотрели туда, куда указывал какой-то мальчишка.

Ее фигуру невозможно было не узнать. Вибек. Она стояла в паре десятков метров от ворот, спиной к ним.

— Не стрелять! — заорал с вышки Альрик.

Ну, наконец-то, он хоть в этот раз успел опередить своих дурных подручных, с каким-то облегчением подумал Клаус. Он цепко следил за фигурой Вибек. Она не двигалась. Ни назад, ни вперед. Просто стояла, причем, скорее сидела и ждала. Падальщики приближались, но

уже не так быстро, как минуту назад. Они замедлились. Неужели узнали? Старые знакомые? Узнать об этом можно было только у Вибек, но сейчас она явно не была настроена на разговоры.

Внезапно Фриц схватил пистолет с пояса Дарена и бросился к воротам. Вибек на мгновение обернулась. В ее лице даже с такого расстояния не было ничего человеческого. Эта была не та незнакомка, которую они встретили у бара кишачего мертвяками, и точно не та Вибек, которая помогала им чинить старый грузовик. То, что скалилось на них сейчас было лишено какого-либо разума. Оно не управляло собой. И сюда Это скорее привлекли падальщики, чем желание защитить людей.

Фриц не смотрел на Вибек. Ему было все равно, что она оказалась на дороге. Он шел и не особо целясь стрелял в падальщиков. Фриц только сейчас до конца осознал и понял, что у него больше ничего не осталось. Ему не за что цепляться в этом мире. И единственное, чего искренне хочется это умереть, но прежде чем это сделать, он заберет с собой, как можно больше мертвых тварей. И неважно, кто это будет — мертвяки или падальщики. Для него это больше не играет никакой роли.

— Вернись, идиот! — кричал Вольф.

— Фриц, уходи отсюда! — не уступал ему Клаус.

Но, Фриц упрямо шел вперед. Что такое наша жизнь? По сути — ничего. Просто, еще один бег в неизвестность, с вполне понятным концом. Жизнь имеет смысл только, когда представляет для кого-то ценность. Жизнь Фрица имела ценность для Яна. Но, Ян — мертв. Зачем, тогда жить? Бессмысленно трястись от страха и ждать, когда тебя убьет нечто? Фриц так не хотел. Он оказался не готов к подобному.

Сильный удар сбил его с ног. Вибек. А он думал, что она не обратит на него внимание. Ошибался. Ее мертвые глаза смотрели на него. Фриц, вдруг, подумал, что в этих глазах гораздо больше жизни, чем в его собственных.

— Не мешай. Я сам так решил — попросил он.

Она и не мешала. Отобрала пистолет и швырнула, его, как котенка к выступившем за ворота людям. Осмотрела их и рыкнув, отвернулась. Значит, это ее добыча и такие, как Фриц не имеют на нее права? А чего он хотел? Даже право убить брата, Вибек у него отобрала. Что уже говорить о каких-то падальщиках? Фриц, лежал не делая попыток поднялся и смотрел в пасмурное небо. Он смеялся, не замечая, как по вискам текут слезы.

Клаус с замиранием сердца смотрел, как Вибек медленно поднимается замирая напротив первого падальщика. Она всего секунду медлила, а затем бросилась в атаку. невероятно быстро взяв в захват ногами шею падальщика. Такого ужаса Клаусу прежде не доводилось видеть. Наверняка, никому из присутствующих не доводилось. Падальщик раскрыл огромную пасть, в которой оказалась рука Вибек. Она по плечо засунула ее твари в глотку, словно пытаясь отыскать там что-то интересное. И нашла. Нечто отдаленно напоминающее щупальцу.

Вибек соскочила с падальщика и потянула на себя щупальцу. Она все тянула и тянула, вместе с кишками и слизью, буквально выворачивая наизнанку тварь. При этом наматывая на руку щупальцу. А когда падальщик свалился, Вибек сунула часть щупальцы себе в рот. Откусила, остальное бросила в кусты.

Настал черед другой твари. Этой, Вибек с показной легкостью проломила черепушку и забралась в подобие головы обеими руками, копаясь доставала куски мозгов. Клауса замутило. Он заметил, что некоторые даже не отойдя стоял и блюют себе под ноги. Зрелище

представшее перед ними было явно не для слаонервных.

С третьим падальщиком Вибек сотворила совершенно невообразимое. Она просто начала отрывать ему конечности, которых к слову было не мало. Если кто-нибудь видел, как щенок играет с саранчой — он поймет, как выглядело то, что вытворяла Вибек. С каким-то непонятным энтузиазмом, она раздирала вопящего падальщика. А потом, когда отрывать стало нечего, Вибек оставило конвульсивно дергающееся туловище на дороге.

Она повернулась к воротам. Оскалилась и издав короткий вой, сорвалась с места. А следом за ней бросилось человек десять. И Дарен бежал одним из первых. Он должен ее поймать. Во что бы то не стало. Просто, обязан.

*Боже, если грехи я большие свершил,
То свои же я душу и тело губил!
Я в твоём милосердии твердо уверен -
Вот пришел с покаянием... и вновь нагрешил!*
Омар Хайям

Дарен смотрел в горящие голодом глаза и не понимал. Она кидалась на них, как дикий зверь. Покусала почти всех, у Сэдрика кусок кожи на ботинке вырвала. Разве так ведут себя разумные существа? Ответ один и определенный: “Нет”. Но, сейчас сидя в клетке и внимательно вслушиваясь в спокойную, ласковую речь Майи, она ни на кого больше не реагировала.

— А теперь, давай снимем это и посмотрим, какие у нашей девочки повреждения. Ты же не хочешь, чтобы было больно? Дай, я посмотрю.

Майя медленно и осторожно лишала Вибек одежды и осматривала грязное тело, с засохшей кровью и кучей сквозных ранений. Вибек шипела на нее, даже скалилась, но вырваться попыток не делала. А в какой-то момент, когда Майя избавила ее от пули в горле и вовсе высунув язык лизнула сестру в руку.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Майя улыбнулась сестре сквозь слезы. Оказывается, это очень больно, когда родной человек, такой умный и близкий человек, становится похож на комнатную собаку. Она же чуть ли не невидимым хвостом виляет, от радости и преданно смотрит в глаза. Такой Вибек Майя очень давно не видела.

— Она перестала нападать? — в помещение зашел Альрик.

— Да, сэр — кивнул Дарен.

— А твой брат?

— Усыпили. Пришлось ставить общий наркоз. Он сам себя калечил, когда пытался пробраться сюда.

— Майя! — окликнул Альрик девушку.

Вибек оскалилась, стоило только Майи потерять с ней зрительный контакт. Вода носом из стороны в сторону и словно принюхиваясь, Вибек зашипела смотря на Альрика.

— Ну-ну, тише, девочка. Я не собираюсь делать больно ни тебе, ни твоей сестре, да Майя? — смотря пристально в глаза Вибек, потребовал поддержки Альрик.

— Да, все хорошо. Я ненадолго. Посиди тут пока, а решетку никто больше запирать не будет — погладив Вибек по голове, Майя вышла из клетки.

— Она всегда такая? — отойдя на приличное расстояние, задал вопрос Альрик.

— Нет. У Вибек это последняя стадия. На этой стадии она больше не реагирует ни на кого, то есть ей без разницы, кто будет рядом, человек или монстр. Убьют любого.

— Но не тебя?

— Но не меня и мою маму. Я не знаю почему. Вибек что-то говорила о генном коде в нас, она говорила, что чувствует его и поэтому не воспринимает нас, как пищу или врага. Я точно не знаю — прикусила губу Майя.

Альрик осмотрел девушку. Конечно, вряд ли этот подросток может понять о чем

говорит. В момент катастрофы она Наверное еще и в школу не ходила, а если и ходила то в начальные классы, где генетику не преподают. Альрику нестерпимо хотелось привести эту Вибек в чувства, чтобы она сама ответила на все, так интересующие его вопросы, но вот как это сделать? Главнокомандующий не знал.

— Майя, можно заставить ее вернуться в нормальное состояние?

— Можно... Но, этот метод Вам не понравится — еще сильнее занервничала девочка.

— Ты для начала скажи, что надо. А потом уже будем решать. Ей нужно человеческое мясо?

— Генерал, Вибек — не мертвец. Она покусала Ваших людей только потому, что они пытались заставить ее сделать то, что ей не понравилось. Кстати, ее укусы не способны привести к заражению.

— Знаю, мы проверили людей, ничего. Как будто собака покусала. Но, если не мясо, тогда что?

— Я правда не знаю. Однажды я не сдержалась и проследила за ней. Вибек всегда убивает человека, а потом что-то ест из его спины — перевернула плечиками от воспоминания Майя.

— Покажи где — приказала Альрик.

— Здесь — прикасаясь пальцами к коже у поясницы, все же не смогла спокойно произнести Майя и всхлипнула.

— Костный мозг, генерал — послышался позади Альрика скрипучий голос.

— Мама! Зачем ты встала? — Майя подбежала к женщине, что опиралась на какую-то палку стоя на ветру в одном халате.

— Она питается костным мозгом. Чем умнее, моложе и здоровее донор, тем лучше она начинает соображать и держать себя. Один раз я даже почти увидела в этом животном свою дочку. Согласны на такой обмен, ради спасения своей шкуры? Судя по тому, как Вибек сопротивлялась, она была явно не согласна — договорив последнюю фразу женщина закашлялась.

Майя поспешила увести мать в дом. Альрик остался стоять с пришедшим к нему осознанием того, что он согласен. Да, он согласен на такую плату, но не ради своей шкуры. А ради таких вот, как Майя и ее мать. Слабых и беззащитных людей, что доверили ему свою жизнь.

— Дарен!

— Да, сэр.

— Позови ко мне доктора Шуйбэ, минут через десять.

— Слушаюсь, сэр.

Они додумались влить в меня две кружки не меньше этой дряни. Ну, зачем?! Зачем?! Я ведь дала себе установку больше не убивать людей и не питать себя. Я почти дошла до состояния, когда перестала себя осознавать. А сейчас что? Лежу прикованная цепями к каталке и эти идиоты кормят меня мозгами! Неужели у них так много людей, что не жалко потратить пару тройку на меня? Впрочем, я не знаю какое количество доноров им понадобилось, но после двух стаканов ко мне резко вернулся разум, так резко, что я еле удержалась и не взвыла от накатившей боли. Это выше моих трех стадий Голода. Это даже не четвертая, на которой я близка к пониманию себя. Это что-то новое. Неужели та самая пятая? Стадия, на которой я была всего один раз, за эти годы. Пятая стадия, когда мозг

работает в полную силу?

— Да убери ты от меня эту дрянь! — сплевывая остатки крови изо рта, рычу я на человека в марлевой повязки.

— Невероятно! — слышится приглушенный возглас.

— Невероятно, что вы до такого додумались! Опаивать меня насильно! Так и знала, что с “Рубежом” будут проблемы! — вырывая с кусками железа цепь и садясь, поделилась я мнением.

Стоят кучкой у двери и смотрят, как на восставшую из мертвых. Впрочем, я сейчас, наверное, так и выгляжу. Голая, грязная и руками пытающаяся достать пули, пока все не зарубцевалось. Потом же придется резать, чтобы выкорчевать эти чертовы пули. Сестра правильно сделала, что самые страшные убрала, я бы не дотянулась до тех, что на спине и на шеи долго бы искала. По мне ударило понимание, что Майя видела меня такой. Как стыдно и страшно! Никогда не хотела, что она могла собственными глазами убедиться, что от мертвецов отличает меня лишь дружелюбие к родным.

— Вибек? — поинтересовался незнакомый мужчина, осторожно вышедший вперед, самый смелый что ли?

— Нет, Папа Римский! — разозлено ответила я, даже не замечая, как перешла на английский.

— Альрик Джонсон, главнокомандующий передовыми отрядами базы “Последний Рубеж” — представился он тем временем.

— Не скажу, что приятно познакомится, полковник Джонсон.

— Уже генерал. И откуда Вы знаете мое звание?

— Так это Вы первым задействовали Британский военный флот и смогли спасти большинство людей. Не смотрите так удивленно, все, что фиксировалось камерами, пока спутники не отключили, я узнать успела — усмехнулась я, доставая из паха последнюю пулю, точнее надеясь, что эта была последней.

— Вибек, кто Вы такая? — окончательно потерял над собой контроль Джонсон и оттого стал говорить подчеркнуто официально.

— Вибек — пожала я плечами — накинуть ничего нет?

— Возьмите — снял с себя пиджак Джонсон и протянул мне, уже без особой опаски.

— Спасибо. А сейчас мне бы очень хотелось узнать, зачем Вы меня поймали и напоили чужими мозгами? И хочу заметить, от этого ответа зависят все мои дальнейшие действия — натягивая пиджак, прыгнула я с каталки и встала напротив генерала, он дернулся, но не отошел, видимо, не успел уловить момента, когда я так близко оказалась к нему.

— Падальщики — только и смог выдать он из себя.

— Модифицированные объекты — кивнула я, да уж, это явно не прихоть — и сколько их было?

— Почему Вы их так называете? — не ответил генерал.

— А почему Вы их называете падальщиками? — поиграем в евреев.

— Потому, что они жрут все подряд. Это твари даже не люди...

— А вот тут Вы ошибаетесь, генерал. Они — люди. Модифицированно-измененные, но люди.

Все, кто был в комнате потрясенно молчали и смотрели на меня. Неужели никто не знал? Даже Джонсон? Так я им, что правду открыла? А сколько они еще не знают? Или точнее, сколько знают? Продержаться такое количество времени и не подозревать правды —

это подвиг или дурная удача? У меня нет ответа на этот вопрос.

— Откуда у Вас такая информация? — прищурил глаза смутно знакомый человек, я его где-то видела, вот только где?

— Из самых верхов, только не говорите мне, что те, кто обстреливает вас сверху — инопланетяне — попросила я, прекрасно понимая, что скорее всего именно так они и думают.

— И кто же они по-вашему тогда? — очнулся генерал.

— Такие же люди, просто сообразившие смотреть с гибнущей планеты. А обстреливают они вас только, чтобы вы не смогли добраться до них и лишиться временного укрытия, ну и еще, чтобы инфицированным и модифицированным жрать было нечего и они передохли с голоду. Хотя, это уже мои догадки.

— Сэр, эта информация... — о, вот теперь я его узнала, это же мой недавний знакомец, кто винил меня в чье-то смерти.

— Не должна покинуть пределов этой комнаты, понятно? — повернулся к парню Джонсон.

— Да, сэр.

— А я вижу, у вас тут дисциплина — присвистнула я — что и мозги Вам так же по приказу сдавали?

— Да, что-то не так?

— И скольких убили?

— Ни одного, даже половины взятого не потребовалось, как мы думали — вклинился тот, с повязкой.

— Вы, Вибек, не совсем понимаете. Я стрелял в Вас и приношу свои извинения, но “Последний Рубеж” не то место, где убивают людей. Семь моих солдат добровольно решилось на донорство, после того, как Вы уже во второй раз спасли нас от участи стать кормом для падальщиков. Люди с радостью поделятся с Вами костным мозгом, чтобы не пришлось умирать их близким — какая прочувствованная речь.

— Генерал, ты кажется не понял — устала я с ним любезничать — я - не герой, который будет вас всех спасать. У меня нет никакого желания делать это и я не рвусь жрать мозги, чтобы быть в относительном сознании, я привела к вам своих родных только, чтобы они переждали зиму здесь. И на это время, я так и быть лишу вас близкого знакомства с инфицированными и модифицированными. Для этого мне не нужно быть вменяемой, могу и как инфицированные бегать вокруг. А как только наступил весна, я заберу сестру и мать и уведу их отсюда. Это понятно?

Генерал смотрел на меня не меньше минуты. Я понимала, что если бы он мог угрожать мне или приказывать, то уже сорвался бы и сделал это. Но, сейчас я сильнее и его, и его людей, которыми он так дорожил. Он ничего не может мне сделать.

— Эти люди умрут без Вас, Вибек. Они уже почти мертвы потому, что лишились веры в себя и свои силы. Когда Вы помогли нам, каждый в “Последнем Рубеже” снова стал чувствовать, что не все потеряно. Но, если Вы откажите нам сейчас, совесть мучить не будет? — подло, зато верно.

— Генерал, моя совесть давно загнулась в муках. Я убила две сотни людей сознательно и миллиарды бессознательно, думаете еще кучка что-то решит?

— Что Вы...

— Ничего я не имею в виду — махнула я рукой.

— Бека!

Сестра растолкала людей и бросилась ко мне. Я обняла малышку и прижала к себе. Сейчас я ее любила. Не помнила, что любила. А именно Любила. Мозг на данном этапе включает органы чувств и нервных окончаний, оттого мне было так больно вытаскивать пули. Все-таки это тяжело — быть почти человеком.

Майя выглядела очень хорошо, по меркам этого мира — просто замечательно. Чистая, в теплой одежде и со здоровым румянцем на щеках. Она и чувствовала себя тоже неплохо. Может, не настолько прогнило еще общество? Или возможно ЭТОМУ обществу просто повезло и они не успели опуститься на дно?

— Ты больше никуда не уйдешь? — голос дрожит от готовых хлынуть слез.

— Майя...

— Нет! Пообещай!

Я морщусь. Все же я — не человек. Приказы сестры, которые я с легкостью выполняю на трех стадиях Голода, я с такой же легкостью вынуждена выполнять и сейчас. Пусть мозг и противиться этому, но инстинкты сильнее. Я физически не способна ей отказать. Противно? Противно. Злит? Как не странно, но на Майю я не могу злиться. Она — моя сестра, она — мое спасение. Злиться на нее, так же грешно, как злиться на Бога.

— Обещаю. Я никуда не уйду.

— Правда?

— Ты же знаешь, тебе я не могу лгать.

Позади нас Джонсон не может скрыть вздоха. Вот и попалась. Может, он и не понял, что сестра отдала мне приказ, зато он осознал, что ее просьбы я не в состоянии отклонять. Дерьмо!

— Тебе здесь понравиться! А еще генерал сказал, что вылечит тебя и ты всегда сможешь говорить со мной! Представляешь?

Да уж, я представляю. Его лечение ни на секунду не даст мне забыть лица тех, кого я убила, словами не выразить, КАК я ему благодарна.

— Ты хочешь остаться здесь? — уже зная ответ, все же спрашиваю я.

— Да! Очень! Мы сможем жить, как раньше! Бека, разве не здорово? — улыбается Майя.

На самом деле, ради этой улыбки я готова пожертвовать забвением. Ради Майя, я готова на все. Я умою этот мир кровавыми слезами, чтобы только Майя никогда не переставала улыбаться. Я останусь.

— Здорово. А теперь, если тебе не трудно, сходи и найди мне какие-нибудь вещи, думаю генерал не будет против? — выразительно смотрю я на Джонсона.

Тот только кивает, Майя выходит за дверь. Вздыхаю, понимаю, что это было лишним. Пуля в легких и похоже не одна, больно. Ненавижу свое новое состояние.

— Сейчас сестра принесет мне одежду и для начала я избавлю это место от инфицированных — решила я начать с самой незначительной проблемы.

— Инфицированные — это мертвецы? — киваю на вопрос генерала — и как Вы намерены это сделать?

— У меня есть это — неровным ногтем разрезаю кожу на ладони, черная дрянь течет, капая на пол — инфицированные перестают интересоваться все, что пахнет этим. Я просто обведу периметр этой жидкостью и все, кто окажется внутри больше не будут интересны инфицированным.

— Это кровь?

— Не знаю, но воняет она мерзко — морщусь оттого, что рана начинает рубцеваться.

— Почему это происходит? — подает голос доктор, ну я так думаю, он же был в повязке.

— Никогда не слышали о стволовых клетках в костном мозге? Они ускоряют регенерацию, если их потреблять в огромном количестве, что я и делаю. Иначе, мой организм перестает восстанавливаться и как бывает с инфицированными дырки от пуль остаются на месте.

— Она пришла... Ты здесь...

Что-то мерзкое, в крови, которая почти свернулась и похожими на мои глаза, такими же мертвыми бросается вперед, что это? Человек? Или? Не знаю, но отмахиваюсь от этого, тело с глухим стуком падает в паре шагов. Кажется, в этом “Рубеже” все еще хуже, чем я думала.

*Были б добрые в силе, а злые слабы -
Мы б от тяжких раздумий не хмурили лбы!
Если б в мире законом была справедливость -
Не роптали бы мы на превратность судьбы.
Омар Хайям*

Это было ОЧЕНЬ неприятно. Пуля прошила мне печень. Они, что специально накачали меня мозгами, чтобы теперь я чувствовала, когда в меня стреляют? Глупости. Никто не знает, что я ощущаю боль. Я сама-то не знала, пока в меня не выстрелили. Посмотрела на смельчака. О, вот теперь я его узнала. Он уже не первый раз фарширует меня железом.

А та тварь, что я минуту назад откинула, с каким-то упорством ползет назад. Что это такое? Не человек, не инфицированный и даже не модифицированный. Что это такое? Вопросительно, хочется думать, что вопросительно посмотрела на Джонсона.

— Это Аден, брат Дарена — кивнул на стрелявшего Джонсон.

— Ты мне в печень попал — сообщила я Дарену. И засунув два пальца в пока еще не затянувшуюся дырку, нащупала пулю и не одну.

— Что Вы делаете?! Подождите! Рану надо обработать! — попытался подойти ко мне доктор.

— Уже не надо — сжав в руке три пули кинула их в Дарена.

— Она затянулась! — ахнул доктор и с интересом исследователя впился взглядом в мой бок.

— Не уверена, что все они твои, но ласково попрошу больше не стрелять в меня. Вытаскивать пули не самое занимательное дело.

— Ты что-то сделала с ним, тварь! — наставил на меня пистолет Дарен.

— Вообще-то, твой брат покусал меня. Инфицирование его организма на тот момент было почти окончено и я бы не удивилась, если бы он вцепился тебе в глотку, но он почему-то предпочел мою руку — продемонстрировала я внушительные следы от укуса на правом запястье.

— Укусил? — переспросил Джонсон.

— Именно и как его это изменило я не знаю. Он в сознании и говорит — это я вижу, сердце бьется семь ударов в минуту. И он не пытается напасть на вас. С такими симптомами не ко мне, а к генетикам — развела я руками.

— Аден реагирует только на тебя — неохотно признался Дарен и опустил пистолет.

— Загадка — оскалилась я, показав ровный ряд острых зубов.

Сам Аден к этому моменту подобрался ко мне совсем близко, его грудная клетка ходила ходуном, он жадно вздыхал мой запах, но не нападал. Понимание мелькнуло где-то на задворках разума. Но, проверять свою смелую догадку я при таком столпотворении не решилась. Если начинать экспериментировать, то желательно в одиночестве, еще неизвестно, чем потом это для меня обернется.

— Она пришла...

Заело его, что ли? Я не скрывая брезгливости посмотрела на творение своего мутировавшего генома. Так вот, что может произойти с тем, кто опробует моей “крови”.

Зрелище то еще. Вроде человек, а вроде — нет. Полумертвец — полуживой. И смотрит на меня так... голодно. Он не понимает чего хочет, зато я начинаю понимать. И это знание не прибавляет мне благодушия. Последний раз на меня так смотрели шесть лет назад и тогда же меня убили, сжирая заживо.

— Аден!

Видимо, что-то поняв по моей позе Дарен поспешил к брату и оттащил его от меня. Аден почти не сопротивлялся, он смотрел на меня и кажется, мое присутствие отвлекало его от остальных. Хорошо, что он не понимает, иначе... Нет, он бы не смог меня сожрать, но зато я бы разорвала его на куски и при стольких свидетелях. Сомневаюсь, что они бы после этого позволили меня уйти.

— Накорми его. Можешь кровью, а можешь попробовать сырое мясо — посоветовала я Дарену, ну не говорить же ему, что Аден с удовольствием полакомится костным мозгом, пока я не готова говорить о таком. Да и не уверена до конца.

— Человеческое? — только и спросил Дарен, похоже не далеко он ушел от моей сестры.

— Не обязательно, можно и животного. Я не уверена в своих предположениях. Но, поскольку генетиков тут явно нет, что-то тебе предложить никто не может.

В помещение зашла Майя. Джонсон кивнул и жестом указал всем присутствующим на выход. Не боится оставить меня тут с Майей? Впрочем, ему нечего бояться, сестра единственная, кому я точно не причину боли.

Майя принесла одежду. И даже попыталась помочь мне ее одеть. От помощи я мягко, но настойчиво отказалась, как и от трусов с лифчиком. Не сказать, что я забыла, как их носить, но отвыкла порядком и эта лишняя одежда была мне ни к чему. Так же, как и футболка с носками. Одеда только кофту, старую, растянутую, но чистую и грубые, мешковатые штаны. Последними натянула армейские ботинки.

— Бека, тут можно помыться — шепнула Майя.

— Зачем?

— От тебя пахнет — смутилась сестра — сильно.

— А... Потом — кивнула я.

Вдруг в глаза ударил яркий луч света. Кто-то вбежал внутрь. А через секунду меня обхватили маленькие руки. Прищурилась. Знакомый запах. Девочка. Малявка. Мария? Да, это она.

— Ты тут! Я так обрадовалась, когда брат рассказал! Я боялась, что ты больше не придешь.

— Извини, ребенок, но конфет у меня сегодня нет — расцепила я ее ручки.

— Ну и ладно!

Девчонка снова прильнула ко мне. Майя смотрела на нас с какой-то тоской во взгляде. Ей не нравится? Может, мне стоит держаться подальше от ребенка. Сестра, словно поняв мои мысли, улыбнулась:

— Бека, я просто ревную. Раньше я тоже могла вот так уткнуться тебе в живот, а сейчас я стала такая большая — пробормотала Майя.

Да, она стала выше меня и больше как-то. Майя растет. Она — живая. И она меняется. А я — нет. Только дырки от пуль и рубцы новые появляются. Я на самом деле довольно уродливо выгляжу. Лишившись нескольких костей и кусков мяса, с бугристыми шрамами, грязная и в засохшей крови, да еще и с глазами инфицированной — я могу представить насколько отвратительна. Но, моя внешность первое, что перестало интересоваться. Мертвым

товарный вид ни к чему.

— Майя, ты можешь обнять моего брата, он больше тебя — искренне предложила Мария, так и не отцепившись от меня.

Майя улыбнулась, похоже, ей тоже нравится этот ребенок. Наверное, и мне бы она понравилась, если бы я знала, как включить назад эмоции. Помнить, что такое симпатия и любовь или ненависть и неприязнь — я помню, а как это делать я не знаю. Природу не обманешь. Эмоции это отличные от мозговых импульсов, вроде инстинктов и органов чувств, ощущения. Их невозможно воспроизвести, когда тело функционирует на одних нервных окончаниях мозга. Я не подвержена аффектам, любое мое движение и мысль — четко сконструированный импульс мозга. Все мое сознание подвергнуто только мозговым волнам. Чем больше оно получает питания, тем лучше работает. И это неплохо, но и не хорошо. Просто, так есть и все. Точка.

— Ах, да, совсем забыла, вот возьми — Майя достала из кармана своих штанов очки.

— Спасибо — кивнула я, теперь не надо беспокоиться о том, что обожгу сетчатку глаз.

Я вышла первой. Джонсон оправдал мои ожидания. Он никуда не ушел, стоял у крыльца и ждал меня. Правда, не он один. Еще несколько людей, среди которых, как я и думала не было матери. Я не виню ее. Она просто не смогла, так и не смогла увидеть в этих мертвых глазах что-то знакомое, а я не смогла солгать ей и сказать, что осталась спрятана внутри, что сберегла себя, пусть и не целиком, но частично — точно.

Клаус, Вольф, Фриц и Мангус, они стояли здесь и смотрели на меня. А мне, вдруг захотелось сказать “спасибо” Клаусу, прежде чем ударить его. “Спасибо” за то, что не боится подпускать близко ко мне свою сестру, а ударить за то, что не боится ее подпускать. А если бы я была не в себе, а если бы захотела ее съесть? Глупый.

— Вибек?

Мангус подошел слишком близко. Насколько я помню, он мне не доверял и пытался убить. Что изменилось? Не знаю. Но, почему-то уверена, что что-то изменилось. Еще бы вспомнить что?

Я не стала отвечать, итак очевидно, что это я. Кивнула Джонсону и пошла к воротам. Генерал с пятеркой людей шли следом. Один из смельчаков протянул мне автомат. На что он мне? Стрелять в людей я не собираюсь, в инфицированных без надобности. Поэтому я лишь улыбнулась, не показывая зубы и вышла за периметр. Подав знак людям, пока оставаться у ворот.

Вспорола себе оба запястья. И начала обходить “Рубеж”. Он, как и помнился мне, оказался довольно большим и хорошо укрепленным. От модифицированных такая защита не поможет, а вот от инфицированных явно уберезет. Но, не те, не другие мне не соперники, в отличии от ньюмэнов.

Так называли себя те, кто обосновались в открытом космосе. Они могли одним прицельным ударом беспилотника уничтожить здесь все... Грязные ублюдки! Как я о них могла забыть?! Как?! Ведь именно они беспокоили меня больше всего!

Я даже благодарна Джонсону и его доктору, что накачали меня эктоплазмой до отказа. Если бы не они я бы так и не вспомнила о главной проблеме! Мой мозг не работал в полную силу, даже сейчас, но он приблизился к отметки “почти функционален”. И возможно это спасло жизни моей семье. Ньюмэны. “Рубеж” надо защищать от них.

— Вибек? — генерал стоял в паре шагов от меня и с удивлением смотрел на инфицированных, которые ходили рядом и не замечали его.

— Да. Теперь вы перестали быть для них приоритетной пищей. К завтрашнему утру они уйдут отсюда. Пока еще инфицированные слышат биение сотен сердец, но уже не чувствуют вас. Побродят тут и решат, что это какой-то посторонний звук, тогда и уйдут.

Я смотрела на свои запястья, где появлялись новые рубцы.

— Вы не устали? Столько... эм, крови потеряли? — осторожно подбирая слова, спросил Джонсон.

— Я давно перестала уставать, не помню, как это — пожала я плечами и взглянула сквозь солнцезащитные очки на генерала.

— Что дальше?

— Ничего. Будем ждать модифицированных, когда они придут сюда, точнее, если они еще придут сюда я убью их. Это не должно так сильно заботить тебя.

— А что должно? — уловил мысль генерал.

— Ньюмэны — смысла скрывать я не видела.

— Кто это? — не понял генерал.

— Те, кто обрекли свою планету на медленную смерть. Те, кто живут там — ткнула я пальцем в небо.

— Вы по-прежнему утверждаете, что в космосе живут люди?

— Можешь мне не верить, но это так. Нам надо выйти из зоны покрытия спутником.

— Нам? — кажется, генерал по-настоящему изумлен.

— Да. Нам. Моя сестра не хочет уходить отсюда, ее проблемы — мои проблемы. Значит и вы все здесь моя забота.

— А не слишком...

— Нет! Я не беру на себя слишком много. Я не младше Майи. Мне почти двадцать три года. Ты старше меня лет на семь не больше. И знаешь ты меньше меня. Конечно, это место принадлежит тебе и эти люди тоже твои. Но, если ты не воспользуешься помощью, что я тебе предлагаю, скоро здесь не кем будет управлять. К тому же, ты сам просил моей помощи, так вот она, получай — подошла я близко и от моего зловонного дыхания Джонсон поморщился.

— Я не могу верить на слово — выдавил кое-как Джонсон, ему явно было неприятно мое присутствие в такой близости.

— Достань мне компьютер и я покажу тебе все — усмехнулась я и Джонсон все же не выдержал и отпрянул от меня, чуть не ступив за кровавую черту.

Я схватила его и дернула назад. Перестаралась. Он качнулся и чуть не впечатался в каменную стену. Ничего не сказал, только кивнул. Мы оба знаем, что если бы я не ухватила его, какой-нибудь инфицированный уже укусил бы генерала.

— Без электричества и интернета — это невозможно.

— Генерал, не стоит спорить, просто достать компьютер, можешь даже не целый.

Последний раз окинув взглядом периметр, я направилась к воротам. Очень быстро. Не хочу, чтобы Майя волновалась и ждала меня. Поэтому, когда минут через двадцать генерал подбегал к воротам Майя вела меня в общую душевую. Генерал провожал нас взглядом и не только он. Мангус тоже стоял, прислонившись к стене и смотрел на нас.

Майя так и не отказалась от идеи отмыть меня. Почему-то сестре было очень важно сделать меня чистой. А мне было все равно. Хочет, пусть моет. Лишь бы она была рядом и в безопасности. И еще, я бы хотела, чтобы Майя перестала мне приказывать. Точнее, чтобы я прекратила слушаться ее во всем.

К примеру, сейчас мне хотелось, очень сильно, сбрить волосы на голове. Они только доставляли лишние неудобства, к тому же, за столько лет без ухода прекратились в непонятную гриву со вшами. Но, Майя промыла их лекарствами и расчесала колтуны, не позволил обрезать, сама подравняла. Она играла с моим телом, будто я была куклой и я не могла сопротивляться. Стоило только посмотреть на ее довольную улыбку и счастливое лицо.

Майя мыла меня не меньше двух часов. Мое терпение было на исходе и в какой-то момент я не выдержала и легко куснула руку с мылом. Сестра округлила глаза, фыркнула и... продолжила скоблить меня. Майя никогда не боялась меня. Никогда. И я любила ее за это. Помнила, как любила ее.

— Бека, ты никогда не встречала... — замялась Майя с усердием вытирая воду на моем теле.

— Кого? — не поняла я.

— Папу — совсем тихо произнесла сестра.

— Нет. Майя, я не могла его встретить. Он не был инфицирован.

— Но!..

— Нет. Я видела его тело. Уже после того, как меня убили...

— Тебя не убивали!

— Майя!

— Но это правда!

— Майя, меня убили и то, что сейчас живет — это не Вибек. Это ее тень. А отца почти не изуродовали, поэтому я смогла его узнать. Что-то не так с нашей кровью. Я проверяла, не только отец, бабушка и кузен. Они все были мертвы, укусы не инфицировали их, а убили.

— А как же ты? — обняла меня сестра так, что я уткнулась лицом ей в грудь, да, она выросла.

— Точно не знаю, но есть подозрения. Просто учти, я никому не позволю тронуть тебя и мать.

— Я знаю.

— Вот и хорошо.

Майя заставила меня надеть майку носки, но белье я все же не дала натянуть на себя. Кофту и штаны она тоже дала другие. И приняв меня ко мне нахмурилась.

— Что не так?

— Бека, ты не пахнешь.

— Конечно, ты так долго меня отмывала.

— Не в этом дело, ты совсем не пахнешь. Никак.

Я принялась, пахло мылом. Сильно. Что не так? Разве не так я должна пахнуть? Да пришло осознание, не так. У всех людей есть свой запах. Но, я не человек.

— Ничего страшного.

Успокоила я сестру и взяв ее за руку вышла из душевой. На дороге снова попался Мангус. Он с нескрываемым удивлением осмотрел меня. Присвистнул. Майя нахмурилась. Я только оскалилась.

— Вот теперь я бы тоже засомневался, стоит ли тебя убивать — усмехнулся он.

— Напрасно — показывая ровный ряд зубов, покачала я головой.

— Заговорила!

Я прошла мимо. Кивнула вышедшему из небольшого дома Вольфу. Тот настороженно

кивнул в ответ.

— Как Фриц?

— Плохо. Но больше не собирается кидаться на падальщиков — ответил Вольф.

— Это хорошо. В прошлый раз я чудом его не загрызла.

— Ты бы этого не сделала — раздался у меня за спиной голос Клауса.

— Не будь так уверен — обернулась я, не выпуская руки Майи.

Клаус не ответил. Стоял и смотрел на меня. Почему-то все они сильно удивились увидев меня. Хотя, четыре часа назад уже видели. Странно.

— Пойдем — потянула меня Майя.

Я кивнула, продолжая смотреть на Клауса. Он сейчас потерял свою привлекательность, как еда. Они все ее потеряли. Мне не хотелось их есть, а больше я не знала, что мне может хотеться от них. Если люди не еда — они не интересны. Сколько бы мозгов я не сожрала, мышление инфицированного не перебороть. Неопасная не еда. Вот и все.

*Я над книгою жизни упрямо гадал,
Вдруг с сердечною болью мудрец мне сказал:
“Нет прекрасней блаженства — забыться в объятьях
Луноликой красы, чьи уста, словно лал”.*
Омар Хайям

Я не уверена, что смогу долго сдерживать себя и не убью эту грудку полуживого мяса. Это существо доводит меня до иступления. Вчера я провела над ним несколько несерьезных опытов. Благо, Оно не отпускало меня. Всюду следовало за мной. Дарен пару раз уводил его, но оно все равно возвращалось. А если его не пускали, выло и билось в конвульсиях.

Омерзительное создание. Майя порывалась его помыть и одеть, но я не подпустила сестру к этому. Сама взяла шланг и несколько раз окатила из него водой существо. Оно стало чище, но не лучше. Пахло от него по-прежнему странно. Вроде мертвечиной, но вместе с тем и человеком. Для эксперимента я сунула ему штаны и свитер. И Оно безропотно оделось. Признак человека. Обувя я ему не дала и Оно даже не заметило. Признак инфицированного. Как тогда понять?

На людей не кидается, они его вообще не интересуют, даже Дарен. Лезет Оно только ко мне, но чего хочет — непонятно.

Пока никто не видел, я дала ему немного своей крови, готовая в любую минуту начать обороняться. Но, Оно покорно облизав кровь с моих пальцев, продолжило словно побитая собака жаться к моим ногам. Решилась на более неприятный эксперимент. Изворачиваясь проткнула иглой свою поясницу. Достала оттуда темно — бордовое, вонючее содержимое. Оно принялось к игле, снова лизнуло и по-прежнему полезло к ногам. Опять ошибка. Да что же ему надо?! Тварь такая!

— Ты говорить можешь?

— Можешь? — копирует мои интонации, повторяет, но не больше.

— Чего бы тебе дать такого, чтобы привести в сознание? Меня жрать ты не желаешь, других — тоже. Но, что тогда?

Я расхаживала по помещению, отданному под лазарет и не могла больше ничего придумать. Ведь я была почти уверена, что Оно захочет попробовать меня на зуб. Но, Оно не хочет. Остается последнее и если это тоже не сработает — я сдаюсь.

Достаю из кармана пробирку с костным мозгом. Генерал заставил меня носить ее при себе на крайний случай. При первых симптомах Голода я должна была проглотить это. Кажется, я придумала более достойное применение чужим мозгам. Откупорила и подойдя к сидящему в нечеловеческой позе, существу, расцепила его челюсти и влила красную жижу в его глотку.

Его взгляд мутнел, тряхнул головой. Вскочил на ноги и сморщился. Подействовало?

— Говорить можешь? — повторила я в сотый раз надоевший вопрос.

— Могу — кивнул он.

— Помнишь, кто ты? — мало ли, как оно подействовало?

— Я все помню, Вибек — его губы задрожали.

Кажется, все еще сложнее. Сейчас он перестал походить на инфицированного. Даже

запах. Он пах, слабо, но пах человеком. Жутко. Мозги действуют на него не так, как на меня. Он, определенно, новый вид.

— Я позову твоего брата — решила я спихнуть проблему на Дарена. В конце концов это его брат.

— Постой — он протянул ко мне руку, но не коснулся.

— Что? — посмотрела я в приходящие в норму глаза.

— Кто я?

— Понятия не имею.

Я вышла из комнаты и принялась. Дарен был в паре метров. Значит, за углом. Следит. Он боится меня больше остальных. Люди опасаются. Клаус и Вольф относятся нейтрально. Фриц не обращает внимания, он вообще ни на что не обращает внимание. Мангус слишком любопытен. Единственные кто полностью открыты ко мне это Майя и Мария. И если, понять Майю я могу. То, Мария для меня загадка. Дети всегда пугаются меня, но Мария постоянно пытается обнять. А я не могу ее оттолкнуть. Не знаю почему, но не могу.

— Твой брат пришел в себя — тихо произношу я.

Дарен меня слышал. Отхожу и он скрывается в лазарете. Пусть другие теперь разбираются с Аденом, я итак сделала больше, чем следовало. По дороге к дому, где разместили мать и сестру, натыкаюсь на Вольфа. Он явно шел в ту же сторону. Останавливается и словно раздумывает — продолжить путь или свернуть?

— Вибек — киваю.

— А я к вам шел.

— Зачем? — смотрю на пакет в его руках, оттуда пахнет жареным мясом. Несет еду? Зачем? Разве все здесь не едят вместе?

— Мне нравится твоя сестра! — опять киваю, почему-то Вольф дергается.

— Я знаю — после минутного молчания, все же произношу я.

— Знаешь? — не понимает Вольф.

— Ты сильно пахнешь, когда Майя рядом. Я могу не чувствовать, но я помню, как себя ведут люди.

— И ты не против? — недоверие в голосе меня удивляет.

— Нет. Если это нравится Майе, мне все равно. Ты — человек. Не сожрешь же ее.

Когда Вольф начинает смеяться, я не сразу понимаю, что с ним. Но, благодаря памяти осознаю, что это прозвучало двояко. Для человека.

— Прости, я понял, что ты имела ввиду.

— А я поняла, почему ты смеялся.

— Но, я подумал... Майе шестнадцать. А мне двадцать четыре.

— И что?

— Это ничего?

— Пока Майе нравится — ничего.

— Я — нормальный, ты не подумай. Я ее не обижу — потер подбородок Вольф.

— Конечно, ты ее не обидишь. Раньше я убью тебя — констатирую я факт.

— Спасибо за понимание — слегка улыбается Вольф.

— Не за что — усмехаюсь, вот теперь я пошутила, но он не понял.

Передумав идти к Майе, ей теперь есть чем заняться, я решила заняться кое-чем поинтересней.

Да уж, механиков им явно не хватает. Не спорю, что пару машин они смогли починить, но этого мало. В распоряжении людей было три вертолета, оба военного типа. Этим-то металлоломом я и занялась, как только смогла вырваться из-под опеки Майи и надоедливого доктора Шуйбэ. Для человека он был слишком любопытен и отстал только когда я отрезала себе мизинец. А через три часа на его месте вырос новый. Думаю, он испугался.

— Что делаешь? — запах Мангуса я учуяла несколько минут назад, но не стала обращать на него внимание.

Он за эти два дня мне порядком надоел. Никогда не думала, что люди могут быть настолько раздражающими. Мангус бил все рекорды. Вот и сейчас он стоял надо мной и раскачиваясь с пятки на носок наблюдал за моими действиями.

Я не стала отвечать ему. Разве не видно? Я пытаюсь починить вертушку. Вертолеты в неплохом состоянии. У одного помято крыло и выбито лобовое стекло, у другого пробит бак с горючим, которое давно вытекло, а у этого проблемы с вертушкой. Пришлось ее отсоединить. Это даже проблемой не назовешь, для мастера работы на день — два, а для меня — в теории изучившей механизм летных аппаратов понадобится около недели, если мозговые процессы не ослабнут. Но, судя по Шуйбэ такой поблажки я не получу. Эти люди ни полном серьезе вознамерились кормить меня, а хочу я этого или нет — никто не поинтересовался.

— Ты в этом так хорошо разбираешься и тогда машину тоже ты починила. Откуда столько знаний? — я продолжила его игнорировать. Мангус присел на корточки:

— Твоя сестра говорила, что тебе было четырнадцать, когда начался весь этот бред...

— Эко-генная катастрофа — автоматически поправила я.

— О! Заговорила. Какая разница, как это называть? Все равно, ведь ничего не изменится.

—“Этот бред” — не несет в себе смысловой нагрузки. Эко-генная катастрофа — это ситуация намеренно вызванная людьми. Человечество возомнившее, что они — Боги, уничтожило себя. Чувствуешь разницу? — заканчивая на сегодня с вертушкой, встала я на ноги.

— С тобой тяжело говорить — усмехнулся Мангус.

— Вот и не говори — пожала я плечами.

Очень старая привычка. Я при жизни часто так делала. После смерти только это и не изменилось. Повела носом. Джонсон где-то поблизости. Мне надо с ним поговорить. Сегодня я кое-что унюхала и мне это не очень понравилось. Стоит предупредить генерала.

Я обошла стоявшего у меня на пути Мангуса. Запах генерала приближался с востока, я шла, стараясь не смотреть вокруг. Хотя глаза и скрывали очки, солнце все равно резало сетчатку. Поэтому к Джонсону я подошла непозволительно близко, уткнувшись взглядом в его ботинки.

— Вибек? Ты что-то хотела? — генерал единственный, кто не вскидывал оружие и не пытался отойти подальше при моем приближении. Он не из пугливых.

— Да — подняла я голову, Джонсон — человек, ему неприятно, когда я прячу глаза.

Я посмотрела на Дарена, который был чуть позади генерала, его рука лежала на кобуре. Говорю же, они бояться меня. Все они. А Дарен особенно. Он не понимает этого, но его инстинкты все осознают и стараются оградить носителя от меня.

— Не хочешь говорить при свидетелях? — правильно оценив мое молчание, уточнил Джонсон.

Я могу сказать, что при жизни он бы мне очень понравился. И не только, как человек, но и как мужчина. В генерале не было особой красоты, по-правде сказать он совершенно некрасив. Слишком тяжелый подбородок, узкий лоб, глубоко посаженные глаза, тонкие губы и сломанный нос. К тому же высокий рост и мощное телосложение окончательно делали его похожим на монументальную скалу, а не на человека. По сравнению с утонченной красотой светловолосого Дарена Джонсон смотрелся устрашающе комично. Но, он мог бы мне понравиться, особенно, его запах. А вот это уже от мертвеца во мне. Генерал пах табаком, кожей и свинцом. Этот запах заставлял мое нутро коржиться от желания свернуть ему шею.

— Я могу рассказать, но не думаю, что ты бы хотел делиться такой информацией раньше времени — отвлеклась я от своих не лучших мыслей.

— Дарен, проверь постовых — отдал приказ генерал.

— Да, сэр — кивнул Дарен напоследок одарив меня полным опасений взглядом и развернувшись пошел к воротам.

— Так, что случилось? — заслонил Джонсон спину Дарена от моего пристального взгляда.

— Ничего хорошего — ирония — это еще один недостаток прошлого — Генерал, я не уверена. Возможно, вы уже пересекались к ними...

— С кем? — перебил меня Джонсон, напрягшись.

— Люди — снимая очки, я потеряла переносицу, кожа с непривычки сжималась под очками — хорошо вооруженный, могу предположить, боевой отряд. Сорок три сердечных ритма. То есть, сорок три человека. Они на машинах и с большой скоростью приближаются. И как бы странно это не звучало, с ними инфицированные.

Я сама понимала, что мои слова неправдоподобны. Именно, поэтому, учуяв их еще утром, я до обеда перепроверяла свои ощущения. Но, мой слух и обоняние выдавали одну и ту же информацию. И не выдержав, я решила поговорить с Джонсоном. Самовольно покидать “Рубеж” не решилась. Майя поднимает тревогу, если не обнаружит меня и люди отправятся на поиски, вот только вместо меня они наткнутся на непрошенных гостей. Этот вариант был худшим.

— Что предлагаешь?

Я удивленно вскинулась на генерала. Он не сомневается? Верит? Да. По глазам и запаху понимаю, что верит. И спрашивает совета у меня. Как это непривычно.

— У них много оружия — пожала я плечами.

— Как поняла?

— Просто. Запах. Он на многие мили разносится. Свинец, динамит и даже порох, еще газ. Думаю, угарный. И их машины. Это не обычные легковушки или грузовики. Военные хаммеры, а также прицепа, такие используют для перемещения базук и гранатометов.

— Серьезные ребята — слабая улыбка пробегает по губам Джонсона.

— Вашего вооружения и боевых единиц не хватит, если произойдет открытое столкновение. К тому же, они как-то используют инфицированных. Скорее всего, они натравливают их на живых. Не знаю, как им самим удастся при этом уцелеть, но весьма продуктивный метод борьбы без использования оружия.

Я начала стягивать куртку. У меня в голове уже оформился план. Осталось привести его в исполнение. А лишняя одежда будет только помехой.

— Что ты делаешь?

— Раздеваюсь. Я пойду на разведку — объясняю я.

— Зачем?

— Зачем иду? Или зачем раздеваюсь?

— И то и другое — еще одна улыбка.

— Иду — для того, чтобы понять наверняка, куда они направляются. К нам? Или дальше? Ты ведь уже понял, что эти ребята не с мирной миссией сюда едут или не сюда... Неважно. Главное, они попытаются причинить вред. Мне надо знать точно, что они намерены делать. А раздеваюсь я затем, что бы они не смогли меня засечь. Где ты видел чисто и опрятно одетого инфицированного? Да и людской запах на одежде лишь привлечет мертвецов.

Стягивая ботинки и следом за ними штаны, я осталась в одной длинной майке, сниму ее за периметром. Я прекрасно помню, как живые трепетно относятся к ногате. И генерал тому подтверждение. Стоит смотрит и бледнеет. Словно, он не видел меня позавчера полностью голой. Конечно, мое тело не вызывает ничего, кроме страха и неприятия, но и этого достаточно. Признаться, мне тоже я не нравлюсь. Совсем.

— Почему остаются такие рубцы? — все же любопытство в нем присутствует.

— Потому, что тело насильственно заставляют жить. Мой мозг посылает ему достаточное количество веществ для восстановления мертвых тканей и тело не способно им сопротивляться, но свое недовольство оно все же показывает. Впрочем, это только теория, как и все, что связано со мной — оскаливаюсь я.

— А если они нападут, как нам обороняться? Или стоит начать паковать вещи и бежать? — верная мысль. Джонсон продолжает меня радовать.

— Они не нападут — качаю я головой.

— То есть? — пытливо вглядывается в меня мужчина.

— То есть, я натравлю на них таких тварей, что они забудут о “Рубеже”, если останется чем забывать — мой оскал становится шире.

— Неужели падальщики? — расширяются глаза генерала.

— Модифицированные объекты — поправляю я — да, их и базуккой не усмирить.

— И ты это сделаешь ради своей семьи? — а вот теперь он не верит.

— Генерал, ты себе представить не можешь, что я способна сделать ради своей семьи. Но, тебе стоит взять это на заметку.

Разговор я считаю законченным и опираясь на руки набираю скорость. Этот мир — мои охотничьи угодья. А мои трофеи, я никому не позволю забрать.

*Что ты плачешь и стонешь? Я в толк не возьму.
Встань и выпей вина. Горевать ни к чему.
Долго ль будет глядеть светлоликое солнце
На несчастных, лицом обращенных во тьму?
Омар Хайям*

Я часто задумывалась, ну когда могла думать, неужели это все? Конец? Когда, я впервые увидела “Рубеж”, мне показалось, что это обычное скопище живых, трясущихся от страха, позже пришла мысль, что “Рубеж” — это последнее пристанище человечества. Но, за несколько дней, что я провела у них в качестве мыслящей твари, до меня дошло, что такое на самом деле “Рубеж” — всего лишь место, где люди могли оставаться людьми, они не выживали там, а жили. При этом прекрасно осознавая, что мир превратился в клоаку.

Если бы у меня оставались эмоции, я бы сказала, что “Рубеж” мне понравился. И мне хочется защитить этих людей, но во мне говорили далеко не эмоции. Голый разум, он уже просчитал насколько удобно оставлять в таком месте свою семью, как сильно Майе нравится там и насколько легко удастся поддерживать жизнь в матери, когда есть лекарства и доктор.

Поэтому, сейчас, кем бы не оказались идущие к “Рубежу” люди, я их остановлю. Любым путем. Они обречены на неудачу, ведь это мои территория. Возможно, не всем дано это понять, но на планету вернулись прежние первобытные законы и акры земли теперь делят так же, как в прошлом — отвоевывая.

Я задохнулась от запаха ударившего в нос. Вот почему они казались мне такими опасными. Этот запах, никогда его не забуду. Так пахнет только один вид и к моей радости, этот вид преобладает не на Земле, а в космосе. Ньюмэны. Но тогда, что они забыли здесь? Как это понимать? Тем не менее, это точно аромат ньюмэнов, я не могла перепутать.

Пробираясь сквозь кусты, я подходила все ближе к ним. Кавалькада машин остановилась, кажется у них закончилось топливо и они заправлялись. Четырнадцать вооруженных до зубов ньюмэнов и один человек. Вот тебе и сорок три сердечных ритма.

У ньюмэнов три сердца. Так устроен их мутировавший организм. Все это направленно на одну цель — регенерацию. Их обмен веществ ускорен в три раза, что позволяет им в три раза быстрее восстанавливаться. Ради такого новшества они убили планету, и выиграли себе лишние двести — двести пятьдесят лет жизни, ну и отменное здоровье в придачу.

И кого теперь стоит называть монстром? Меня? Инфицированных? Или модифицированные объекты? Мы лишь побочный эффект. Так сказать, результат равновесия. Все в мире гармонично и если нарушить гармонию, неизбежно получишь ответ от природы. Баланс, вот что правит вселенной и что создало нас — заразу, убивающую жизнь.

Но, это уже философия. А по делу. Я подобралась достаточно близко, чтобы окончательно увериться в своих опасениях. Нюх меня не подвел. Это они. Высокие, мощно сложенные, неправдоподобно грузные для людей, ньюмэны. Но их отличительная черта даже не телосложение — пластика и светлые, словно флуоресцирующие глаза. Эти существа слабее меня, но их больше. Одно, двух я способна убить почти незаметно, но

четырнадцать, человек не в счет, сомневаюсь. И что теперь?

Зачем они, вообще, здесь появились? Ньюэны не посещали землю больше восьми лет, что произошло сейчас? Или, быть может, они никогда и не покидали ее? Ведь вполне возможно, что эти просто не смогли попасть на орбитальную станцию? Впрочем, мне нет до их мотивов никакого дела. Я пришла посмотреть на них и по возможности убить, а не вести беседы.

— Дрэйк, ты уверен, что мы едем верно? Я среди этих елок, только макушки ходячих трупов вижу, никаких признаков населенного пункта.

Одна из ньюэнов, громко обратилась к другому, укладывающему канистру назад в багажник. Я прислушалась, это важно, к тому же мне повезло, говорят они на английском. Этот язык такой же родной мне, как и датский. Вообще-то с языками мне везло, я хотела иметь доступ к любой информации, а для этого надо было знать, как можно больше языков и я узнала. Окружала себе языковым вакуумом и учила один язык за другим. Большинство из них давались легко, какие-то сложнее, но я преодолевала все препятствия, когда собирала какую-то информацию.

— Да, ты же видела показатели датчиков? Они зашкаливают в этом районе, здесь рассадник живых людей. Нормальных. Как давно мы встречали их в последний раз?

— Когда нашли меня — подал голос человек, девушка, нет, женщина, но маленькая оттого я сразу не поняла.

— Вот именно! Мы почти отчаялись, а здесь живут люди. Обычные, нормальные люди. Мы можем остаться с ними, предложив защиту...

— Не будь таким максималистом, Дрэйк, раз они тут живут, значит, вполне могут сами за себя постоять, а десятерым вооруженным мужикам и пяти женщинам они вряд обрадуются — дельную вещь сказал еще один ньюэн. Да я ни за что не подпущу их к живым. Никогда.

Собственноручно отдать врагу свое — я не настолько отупела! Они не получают ничего здесь. Они должны уйти. Должны! Я не сдержала рыка и ньюэны схватившись за оружие стали озираться по сторонам, всматриваясь в густой лес.

— Уходим! — крикнул Дрэйк.

Ньюэны завели моторы и сорвались с места. Плохо, они подобрались слишком близко и у меня нет времени уводить их отсюда, также я не способна справиться с ними в одиночку, а “Рубеж” и подавно не сможет противостоять им. Натравить инфицированных? Не вариант. Ньюэны не пригодны в пищу инфицированным, они их просто не замечают, так же, как меня. Остается один вариант. Глупый. Мозг ему сопротивляется. И так сильно, что тело еле слушается команд. Но, больше ничего не остается. Я не могу позволить себе медлить, при условии, что на вывеску “Рубежа” они наткнутся через два часа максимум, учитывая, что инфицированные сбились в стадо на пути к “Рубежу” и ньюэнам придется расчищать себе дорогу.

К тому же, я ведь чувствую, что этот риск оправдан. Насколько бы сильны не были ньюэны, они бывшие люди, также, как я, но в отличии от меня, они не новый вид, всего лишь удачно модифицированные. Им не выстоять, а даже если и удастся кому-то спастись, с измотанными и ранеными я смогу расправиться. Риск в другом, вдруг кто-нибудь с “Рубежа” полезет спасать ньюэнов?

Я убедилась, что люди, ньюэнов до этого дня в глаза не видели, они могут принять их за своих и сомневаюсь, что Джонсон сможет переубедить всех своих солдат. Но, так же я

понимаю, что не успею остановить ньюмэнов на приличном расстоянии от “Рубежа”. Они подойдут слишком близко, чтобы быть замеченными. Да и все равно, мне ничего другого не остается.

Я приведу с собой модифицированных. Натравлю их на ньюмэнов. Вот и весь гениальный план. Пусть создания сожрут своих создателей. Ньюмэны большего не заслуживают. Если бы я только могла почувствовать, наверное, попыталась бы напасть на этих тварей сразу и сама. Проиграла бы, конечно, но получила бы удовольствие. И я знаю, что модифицированные точно получают удовольствие.

Они рядом, просто не понимают, как и я, что это не люди, их обманывает слух и легкий запах человечины. Но, стоит им приблизиться и они поймут. На это их крошечного мозга хватит.

Я помчалась в чащу, больше не раздумывая. Модифицированные прячутся в норах, под землей. Они не выносят тепло. Свет. Он для них не губителен, но неприятен. И еще кое-что, эти модифицированные прячут молодняк. Они способны размножаться. Как раз поэтому и сбиваются в кучу. Партнеров себе выбирают. Уж не знаю, как им удастся скрещиваться, но то, что они стали открыто нападать, говорит не только о голоде, но и о том, что им надо кормить потомство.

Церемониться мне с ними было некогда. Поэтому я просто повалила на их нору сухое дерево. Из норы появилось сразу трое. Мерзкие, похожие на слизняков, но взгляды осознанные. Они понимают, что я привлекаю внимание. Кидаю в их сторону неосторожно оброненный одним из ньюмэнов платок. Ловят трехпальными конечностями, принохиваются. В глаза вспыхивает понимание, очень злое понимание. Тот, что больше остальных особей рычит. Из норы появляется еще один модифицированный. Знакомый, она почти похожа на человека, смотрит на меня не мигая, припадает к земле. Она не поняла, зачем я пришла, думает собирают убить их. Но, тут слизняк роняет на землю рядом с ней платок. Нюхает.

— Агрх! — она хочет что-то сказать, но модифицированные не способны воспроизводить слова.

— Большая охота! Много пищи! — кричу я, неуверенная, что они способны понять.

Но, модифицированная понимает. Правда, ее не столько пища волнует. В ее глазах читается неприкрытая ненависть. Ей все равно, как. Она желает отомстить. И я знаю это чувство потому, что помню его. Знаю, как далеко оно способно завести.

Вскоре у норы появляется еще двое. Это более чем достаточно. Возможно, я даже не стану их убивать, после того, как они расправятся с ньюмэнами, если конечно, они не попытаются напасть на людей.

По моему взгляду, модифицированная что-то понимает и опять припадает к земле, должно быть хочет дать понять, что не пойдет против меня. Мило. Теперь я начинаю водить дружбу с “падальщиками”, что бы на это сказала Майя?

Киваю, в знак того, что поняла. И первая срываюсь на бег. Я уверена, они последуют за мной. Сейчас я их лидер, ведущий модифицированный на бойню. Не думаю, что ньюмэны так спокойно дадут себя убить, а значит, кто-то из модифицированных точно не выживет. Неужели это меня заботит? Вроде, нет.

Как я и предполагала, ньюмэны пересекли черту “Рубежа”. Их машины целенаправленно двигались к воротам. Но, не успели. модифицированные перекрыли путь. Вставая в ряд. Первые две машины они просто отбросили. Невероятная сила. Я не смогла такое проделать. Но, как тогда мне удастся убивать их? Теперь я не уверена, что знаю ответ

на этот вопрос. Возможно, дело в скорости и маневренности? Нет. В скорости они не уступают мне. Ведь мы появились у ворот почти одновременно. Тогда, что? Хотя, какая разница?

— Нападение!

Крик ньюмэнов разносится на сотню метров. Они выскакивают из машин и начинают стрельбу, пока кто-то из них готовит базуки. Лишь бы в “рубеж” своим оружием не угодили. Мне стоит вмешаться? Пока, нет.

Я стою ближе всего к воротам и наблюдаю, не столько за бойней, сколько за людьми из “Рубежа”. Нельзя допустить, чтобы они вмешались. Никак нельзя. Но, ко мне бежит Джонсон. Он, кажется, зол? Что не так?

— Вибек! Что это такое?! — орет на меня генерал.

— Модифицированные объекты — пожимаю я плечами.

— Я не о падальщиках! Почему они нападают на людей, а ты стоишь и смотришь?!

— Генерал, присмотришь. Разве, это люди?

Джонсон, поджав губы, обращает взгляд на сражающихся ньюмэнов, сначала ничего не замечая, но тут его глаза расширяются.

— Кто это?

— Заметил? Это — ньюмэны. Те, твари, настоящие, генерал, твари, что уничтожили наш мир и стерли с лица Земли почти всех людей. Ты все еще хочешь, чтобы я вмешалась? — оскаливаюсь я, не пряча зубы.

— Но, как же... Что они здесь делают? — Джонсон невольно, пытается прикрыть меня своим телом, все же этот генерал мог бы мне понравиться, будь я человеком.

— Подозреваю, у них кончились средства к автономному существованию и они пришли к нам, чтобы забрать то, что имеем МЫ, генерал — да, я причислила себя к людям, чисто номинально, но причислила, лгунья.

— Вибек, ты натравила на них падальщиков? — какой умный.

— Естественно, они численно превосходили меня, к тому же их оружие лучше и боевая подготовка. Ты бы не справился со мной командой, а я бы сдохла от прямого попадания базуки. Но, я никого не натравливала. Джонсон, ты должен кое-что понять, взглядишь в модифицированные объекты, у них есть примитивный разум и память. Они были людьми, генерал. А потом стали вот этим, благодаря ньюмэнам. Как думаешь, разве они не достойны отмщения? Им сейчас плевать на живых, единственные, кто их интересуется — это ньюмэны...

— Люди! Помогите! Прошу, вас! — меня прервали вопли Дрэйка.

Он серьезно? Я не заметила, как скрипуче засмеялась. Помочь? Вам? Я пока еще не выжила из ума, чтобы позволить людям влезть в это.

— Они так похожи на нас — раздался голос Дарена. И когда только успел, оказаться рядом?

— Внешне и все. Даже у меня больше общего с людьми, чем у ньюмэнов. Это сейчас они просят о помощи, но стоит им перестать трястись за свою никчемную жизнь и они перегрызут вам глотки — констатировала я факт.

— Все равно — это неправильно, позволять их вот так...

— Дарен! — я впервые назвала его по имени — приди в себя, если бы не они, не было бы ваших мертвецов, не было бы мертвецов, твой брат не заразился бы, а если бы он не заразился, то не стал бы чем-то иным! Не смей проявлять к ним жалость!

Возможно, на Дарена мои слова и подействовали, но как я и думала, солдаты не слушая приказа генерала, начали обстрел. Модифицированная повернулась ко мне на мгновение, я покачала головой. Все равно их пулялки не способны причинить вред шкурам модифицированных, не стоит обращать на это внимание.

— Они и правда тебя понимают? — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Джонсон.

— Они и тебя понимают — пожала я плечами в очередной раз.

— Тогда, почему...

— Нападают и пытаются сожрать? Голод — самое сильное их желание, оно перебарывает все остальное. О чем ты, генерал? Сейчас люди едят людей, что же ты хочешь от другого вида?

— Ничего.

Пока мы вели милую беседу и старались увернуться от случайных пуль, ньюмэны терпели поражение. Им удалось уложить только двоих модифицированных, а те в свою очередь уже расправились с десятком ньюмэнов. Убитых, как минимум восемь. Они проигрывают и заряды для базуки у них на исходе. Никакая регенерация не спасет, когда откусывают голову. И все бы было прекрасно, но тут я услышала прямую команду. Черт!

— Бека, пожалуйста, сделай что-нибудь! Спаси их! — закричала Майя, кто ее пустил за ворота?!

— О, нет... Нет, нет, нет — зарычала я, чувствуя, как мозг отчаянно сопротивляясь, принимает команду. Нет!

— Вибек, что с тобой? — генерал, подошел ближе.

— Не трогай меня!

По телу пробежала волна, такими темпами я переломаю себе все кости, пытаюсь удержаться от приказа. Бесполезно. Ноги уже несут меня к побоищу. Я смотрю на модифицированную с жалостью. Мне придется их убить. Они не отступят, пока не уничтожат всех ньюмэнов, а у меня четкая команда спасти этих существ. Я не могу колебаться.

Я старалась, правда, старалась, уйти, не слушать свое тело. Но, это было бесполезно. Вырывая сердца, разрывая глотки, и отрывая голову модифицированной, я чувствовала, ее боль. Я не помнила, а именно чувствовала. Они выполнили все условия, не нападали на людей, убивали врагов, они даже на пули летящие в них из “Рубежа” не обращали внимания, а я предала их. Убила потому, что маленькая девочка у ворот отдала мне приказ спасти своих убийц. Спасти убийц целой планеты.

Это было больно. Очень. И когда в мешанине из крови, земли и свинца, не осталось ни одного живого модифицированного, я под испуганные взгляды пошла навстречу к Майе.

— Бека, ты такая умни...

Договорить ей помешала пощечина. Резкая, не сильная, но болезненная, била я наотмашь. Майя пошатнулась, но устояла. На ее лице остался кровавый след моей ладони. Я смотрела на сестру и впервые за столько лет не понимала ее. Я ведь, все ей рассказывала, даже призналась, что стоит ей попросить меня о чем-то и я выполню это. Как она могла? Как?

— Больше никогда так не делай, поняла? — спокойный голос совсем не вязался с горечью внутри.

Майя мне не ответила, она заплакала и развернувшись побежала прочь от ворот. Я

ударил сестру? Из-за модифицированных? Я сошла с ума?

*Хорошо, если платье твое без прорех,
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо -
Жизнь дороже богатства и почестей всех.
Омар Хайям*

Джонсон ходил вокруг вертолетов, но я видела, что до моих успехов в их починке, генералу нет никакого дела. Он ходил туда — сюда только, чтобы успокоиться. Но, это не помогало, мужчина был на пределе. Не знаю наверняка, каким боком его настроение касалось меня, но я стала замечать, что отвлекаюсь на мощную фигуру, почти не уступающую своими габаритами ньюэнам.

— Что? — мой пристальный взгляд не укрылся от мужчины.

— Это я должна спросить — что? Почему ты тут ходишь, когда у тебя в лазарете лежат враги? — отбрасывая очередную непригодную для этой модели вертолета деталь, спросила я.

— Потому, что только ты можешь объяснить мне, что делать дальше. Но, ты молчишь! — а, значит, я виновата?

— Убить их. Можно усыпить, чтобы было легче и отделить голову от туловища, они умрут.

— Так просто? Да? Взять и убить?

— Ты же сам спросил — пожалала я плечами — что я еще могу тебе сказать? Ньюэны искусственно выведенные мутанты. Они были людьми добровольно прошедшими геномодифицированную обработку. Они сильнее, быстрее и живучей обычного человека. У них три сердца и убить их пулями почти невозможно. Им не грозит смерть от укуса инфицированных потому, что те просто не станут их кусать. Инфицированные не обращают внимания на ньюэнов. Единственный их реальный противник модифицированные. Силы в модифицированных объектах больше, но разума почти нет. Я тоже могу потягаться с несколькими ньюэнами, но рисковать не стану. Метаболизм и регенерация у этих мутантов зашкаливают, потому советую убить их пока они спят.

— Ты уверена, что они опасны? — перехвалила я генерала, глупеет на глазах, может его тоже покусали? Шучу.

— Бешеная собака опасна? — задаю я встречный вопрос.

— Конечно, она бросается на каждого, даже на хозяина.

— Вот и ньюэны — опасны. В них развили звериные инстинкты по максимуму. Дрэйк — вожак стаи, грубо говоря. Как он скажет — так они и поступят. Убить его одного — не вариант. Они просто выберут нового вожака. Вожак же не потерпит соперничества на своей территории. Ты и твои подчиненные — соперники. Это ваше место, следовательно, ньюэнам придется за него бороться. Прости, конечно, но ты слабее их. Это будет легкая победа. Следующий шаг ньюэнов — это избавление от больных, непокорных и бесполезных. Проще говоря, старики, молодняк и дети. Таких в “Рубеже” подавляющее большинство. Так скажи мне теперь, генерал, ньюэны — опасны?

— Откуда ты все это знаешь?

— Оттуда, что я сама читала список качеств, которые собирались вывести в людях. И он, признаться, меня впечатлял тогда. Я даже какое-то время считала, что небольшое количество, три — четыре сотни жертв, вполне оправданно. Пока не поняла, что они смогут достичь желаемого только убив миллиарды.

— Хорошо, допустим, я тебе верю. Объясни только одно, почему они все в голос твердят, что о ньюмэнах слышат впервые и вот уже лет восемь пытаются выжить на планете, а еще они не помнят ничего о себе за исключением этих восьми лет.

— Откуда мне знать? — отмахнулась я, наконец найдя нужную деталь — Джонсон не путай меня со шкатулкой всех тайн мира. Может, они врут, что не помнят, может не врут? Мне все равно. Это ньюмэны и они восемь лет уже такие. Их сила, знания и умения превосходят ваши. Не хочешь их убивать? Твое право. Я не стану тебя переубеждать, но помни, у тебя в отличии от них сердце одно и если его вырвать из груди, ты умрешь.

На остальные слова и вопросы Джонсона я не реагировала полностью заняв мысли починкой. Зачем повторять одно и то же, я сказала все, что могла. Даже при жизни не понимала, почему люди так любят повторять уже сказанное, обсуждать? Какой в этом смысл? Пустая трата времени.

Генерал еще немного походив вокруг меня, ушел. Вот и правильно, пусть сначала себя поймет, а потом уже пытается понять довольно примитивных ньюмэнов. У Джонсона слишком сильно развито чувства ответственности и благородства. Я помню, что это такое. И думаю, именно это не дает ему покончить с ньюмэнами так, как предложила я. Можно сказать, что Альрик Джонсон — хороший человек. Достойный. Но, мне удивительно, как он со своими принципами до сих пор не пополнил ряды инфицированных?

— Бека...

Когда я разбиралась с баком горючего, услышала тихий голос. Чуть головой не стукнулась о хвост вертолета. Так увлеклась починкой, что не обратила внимание на появление сестры. Я молча вылезла из-под вертолета и подошла к Майе.

— Что такое? — посмотрела я на уставшую сестру.

Майя не спала этой ночью, я знала — она плакала. Вот только, не была уверена, что мне делать? Наказать саму себя? Как? А утром, сестра избегала меня. Я решила, что не стоит к ней пока приближаться. Поэтому ее появление сейчас, здесь, взволновало меня. Ну, по крайней мере, я знала, что должна волноваться.

— Прости меня. Я так виновата! Прости — и она опять заплакала.

— Тебя кто-то обидел? Скажи, кто? — не поняла я, когда Майя вцепившись в меня, разрыдалась в мою рубашку.

— Я сама! Сама обидела себя! Такая глупая! Бека, я такая глупая!

— Не плачь. Мне не нравится, когда ты плачешь — неловко погладила я сестру по голове.

— Ты меня простишь? — подняла на меня заплаканные глаза Майя.

— За что? Это я виновата, что ударила тебя...

— Нет! Ты была права! Я просто не поняла! Я думала — это люди! Я же никогда не видела этих... ньюмэнов! А с ними была женщина — Гарсия! Я подумала... Я подумала, что ты не понимаешь и...

Да, она могла так подумать. Со стороны, наверняка, так и смотрелось. Моя маленькая Майя. Добрая. Не понимающая. Я ограждала ее от всего и всех. Она никогда не видела жестокости так близко и она испугалась. Приказала. Не обдуманно. Я поняла, что она

забыла. Просто от шока забыла, что может заставить меня сделать что-то, чего я не хочу.

— Я не сердилась на тебя. Просто... Майя, это очень тяжело, когда предаешь. Я заключила сделку с модифицированными и обещала им, что не убью при условии, что на нас они не нападут. И обманула...

— Бека! Неправда! Я заставила тебя! Если бы ты тогда не ударила меня... Знаешь, мне самой хочется себя наказать! Ты всегда, всегда защищала меня. Даже от самой себя. А я? Я поступила так плохо — и она опять заплакала.

— Майя, не плачь. Мне правда... больно, смотреть на это — прижимая к себе сестру, попросила я.

— Значит, ты меня простишь?

— Больше не делай так — поставила я условие.

— Обещаю!

Я успокоила сестру, как могла, а потом отправила спать. Она измучила себя. Из-за чувства вины. Я помнила насколько это чувство неприятно и мне бы не хотелось, чтобы сестра его испытывала. Но, я могу спасти Майю от всего, кроме ее чувств. И ее слезы, действительно, причиняют боль. Мне стыдно от осознания, что она винит себя в чем-то, что не является ее виной.

...Первый вертолет с протяжным скрипом завелся через час, после того, как я вернулась к работе. “Рубеж” заволновался от этого забытого за столько лет звука. Джонсон одним из первых поспешил к месту откуда исходил звук. Его глаза расширились, когда он увидел слегка поднявшийся над землей вертолет. Летать я не решилась. Знать теорию — это одно, а вот пробовать свои силы на практике — совсем другое. Да и если признаться, я так и не прочла инструкцию по посадке.

Проверив прочность, вертушку и работу приборной панели, я отключила двигатели и выпрыгнула из вертолета. Люди, что столпились здесь в огромную кучу, смотрели на меня с прежней настороженностью, но страх заменило восхищение. Они восхищались даже не мной, а моей работой, словно признавая, что не совершили ошибку подпустив меня к себе так близко.

— Готово — кивнула я генералу подходя ближе.

— Это невероятно! — его детская радость немного удивила меня.

— Пока еще осталось два сломанных — не разделяя такого веселья, посмотрела я на оставшуюся грудку металла.

— Вибек, мы тут уже три года и за это время даже не пытались починить вертолеты, а ты за три дня...

— Генерал, все просто. Нам необходима поддержка с воздуха. Больше нельзя подпускать модифицированных так близко к “Рубежу” надо избавляться от них на подходах. Да и ньюмэны с их беспилотниками... Они могут в любой момент посчитать возможным уничтожить это место. При наличии вертолетов, появилась возможность сбить их ракеты.

— Спасибо — только и сказал Джонсон делая шаг к вертолету.

Я пожалала плечами и решила, что самое время наведаться к доктору Шуйбэ. Из-за вчерашней бойни и моего интенсивного использования мозговых клеток, я ослабла — умственно. И заметила это только сейчас, толпа людей пробудила во мне часть Голода. Если кто-то из незнакомых людей дотронется до меня, я могу напасть. А это не есть хорошо.

Шуйбэ, как оказалось, сам меня искал. Аден, брат невзлюбившего меня Дарена, с утра почувствовал недомогания. И сейчас валялся пристегнутым к койке. Помимо Адена в

лазарете было четверо ньюмэнов. Трое в критическом состоянии бредили и метались по кроватям, а их главный — Дрэйк сидел на покосившемся стуле, удивительно, как стул выдерживал такой вес.

Мое появление встретили... шумно. Дрэйк подскочил и схватился за пояс, на котором сейчас не было оружия. Генерал додумался забрать у него оружие. Вот только, как Дрэйк позволил ему это сделать? Аден тоже перестал изображать бревно и рванулся в веревках. Весьма успешно потому, что через пару секунд он уже ползал у моих ног. Шуйбэ громко охнул. Остальные никак не прореагировали на меня. Думаю, дело в том, что они были в отключке.

— Доктор, мне нужна подпитка и ему тоже — ткнула я пальцев в Адена.

— То есть, как? — округлил глаза за старыми очками Шуйбэ.

— Я тебе не говорила, но Аден чем-то стал похож на меня. Его рацион теперь приблизительно, как мой. Правда, в отличие от меня, ему такое количество еды не требуется. Хватит и половины пробирки, которую ты мне давал — просветила я доктора.

— Понял — кивнул Шуйбэ и полез в свой стол, что ютился в углу помещения.

На Дрэйка я показательно не обращала внимания. Ведь стоит мне посмотреть на него и за последствия я не ручаюсь. Этого человека мой внутренний мертвец жаждал порвать на клочки. Ньюмэн вызывал неконтролируемую агрессию. А его напряженная поза заставляла принять выжидающую стойку.

— Доктор Шуйбэ, Вы ничего странного не замечаете? — тихо поинтересовался Дрэйк.

— А что такое, капитан? — искренне удивился доктор и подошел ко мне с тремя пробирками, не знаю, как он угадал требуемую дозу, но как раз столько мне и могло понадобиться.

— У Вас в лазарете ходячий мертвец — какой он наблюдательный.

— Где? — Шуйбэ не на шутку всполошился, чуть не выронил пробирки и невольно попытался спрятаться за мою спину. Смешно... Наверное?

— Доктор, разве Вы стоите не за спиной мертвеца? — сузил глаза Дрэйк и краем глаза стал окидывать взглядом помещение, ищет чем бы защититься, напрасно. Я его убью раньше, чем найдет.

— Не пугайте меня так! — выдохнул Шуйбэ и сунул мне в руки еду — это Вибек и поверьте мне, она гораздо живее некоторых людей.

Шуйбэ меня выгораживает? Что-то новенькое. Дрэйк окинул меня профессиональным взглядом убийцы. Не сомневаюсь, от него не укрылось ничего. Ни мой странный вид, одеваться в похолодание в рубашку и просторные бриджи, действительно странно, ни мои рубцы на оголенных участках кожи, ни мои глаза, которые с большой натяжкой можно назвать человеческими. И конечно же, он помнил, кто перебил, как мух всех модифицированных.

— Капитан Дрэйк Бизарис — представился через минуту ньюмэн.

— Номер? — стараясь не смотреть на него, что удавалось плохо, оскалилась я, какая мне разница, как его звали при жизни, теперь он, как и все ньюмэны имеет только номерной знак.

— Какой номер? — сделал вид, что не понял Дрэйк.

— Твой идентификационный номер — включилась я в эту глупую игру.

— Я не понимаю о чем ты — покачал головой капитан.

— Еще скажи, что ты не ньюмэн — предложила я продолжая скалиться.

— Что это? — он меня за кого принимает?

— Доктор, что ты ему вколол? — вдруг Шуйбэ тут эксперименты неудачные ставил?

— Ничего — развел тот руками — капитан Дрэйк утверждает, что он не помнит ничего, кроме последних восьми лет.

— Что-то новенькое — откупоривая пробирку, прошипела я и влила в себя первую дозу личной отравы.

Дрэйк наблюдал за моим питанием настороженно, но за пояс не хватался. Его фосфоресцирующие глаза меня безмерно раздражали и оттого ела я с особым аппетитом, словно Голод мстил мне за то, что я не выпускаю его против ньюэна. Лживого ньюэна, который делает вид, что он — человек.

Осенило меня только после третьей пробирки, которую я не допила и разжав челюсть не особо сопротивляющемуся Адену, влила в него остатки. Аден вздрогнул и сознание стало возвращаться к нему. Затравленный взгляд и вот полутруп уже отползает от меня. Отвращение и страх мечутся в его глазах. Но, эти чувства не обращены ко мне, он ненавидит себя. Впрочем, меня занимало другое.

Я не могла поверить в то, что вспомнила. Не укладывалось у меня это в голове. Я ведь была уверена, что та кучка из последней партии не выжила. Их не успели закончить к сроку и бросили. Тридцать седьмая партия. Они в составе из двадцати недоработанных ньюэнов плавали в стазисе в общем боксе одного из бункеров на Аляске.

Перед самой катастрофой, я по-привычке шерстила закрытые материалы и наткнулась на один из списков, на котором была жирная печать “Проект закрыт”. Меня эта надпись не остановила и я влезла в записи с видеокамер и запротоколированные списки дат. Оказалось, что эта партия должна была стать последней и не особо важной. Они были нужны, как дополнительная охрана вовремя отступления с планеты. Но, их преобразование требовало еще месяц, которого у ньюэнов не было. Поэтому проект в срочном порядке закрыли. По сути, благодаря этим данным я и успела спрятать семью. Поняв, что просто так ньюэны не бросили бы свои дорогостоящие эксперименты, я пришла к выводу, что самое время прятаться.

Неужели, эти недоработанные выжили? История сходится если учитывать такой фактор. Но, как они попали сюда? А вот это, как раз подозрений не вызывает. Материки соединились, ничего удивительно, что им удалось прибыть сюда, тем более за столько лет. Что тогда получается? Ньюэны не знаю, кто они? Думаю, подозревают, что не обычные люди, но не больше. Судя по их разговору на дороге... Чертовы мозги! В тот момент они уже начали давать сбой, желание уничтожить потенциальных врагов просто не дало ясно мыслить, да и не до мыслей мне тогда было.

— Вы с Аляски? — решила я уточнить у Дрэйка, когда Шуйбэ вышел помыть пробирки.

— Как догадалась? — удивился Дрэйк и вновь потянулся к поясу.

— Вы незаконченный проект — вместо этого произнесла я.

— Незаконченный? — приподнял бровь Дрэйк.

— Ваши создатели не успели внести вам в головы базовые знания о мире и о ситуации в нем, так же они не посчитали нужным корректировать восприятия. Вы по-прежнему осознаете себя людьми, а так быть не должно.

— Кто ты?

— Тебя не это должно волновать. В первую очередь задумайся кто ты, ньюэн?

Не опасны и в борьбе с ньюэнами, настоящими ньюэнами, бесполезны. Значит,

больше не стоит тратить на них свои силы. Я развернулась и вышла на улицу, когда меня схватили за руку. Инстинкты сработали быстрее, чем я ожидала. Развернувшись я поставил подножку и повалив противника на землю, прыгнула на него сверху, занеся кулак над лицом... Адена?

— Прости...те — прошептал Аден, закрыв глаза и обмякнув подо мной.

— Чего тебе надо? — убирая кулак, но не слезая спросила я, наклонив голову ближе к его лицу.

— Не уходи больше так далеко! — его испуганный голос слегка обескураживал.

— Почему?

— Мне... Я начинаю сходить с ума, когда ты далеко!

Не зная, как на это реагировать, я вскочила на ноги и перешагнув через Адена задалась очередным вопросом. Насколько это существо отличается от меня? И какие еще сюрпризы от него можно ждать?

*Вот снова день исчез, как ветра легкий стон,
Из нашей жизни, друг, навеки вышел он.
Но я, покуда жив, тревожиться не стану
О дне, что отошел, и дне, что не рожден.
Омар Хайям*

— Я не понимаю, сколько бы ты мне не рассказывала, не понимаю, как им удалось настолько засекретить проект, чтобы никто не знал! В конце концов, они же не новый вид растений придумывали, чтобы военная разведка понятия не имела...

Не думала, что наличие компьютера и подключение к серверу спутников ньюмэнов, так сильно шокируют генерала. Его состояние напоминало мне истерику, причем женскую. Конечно, закаменелый мозг военного не мог так сразу поменять уже устоявшееся представление о мире. Но, мне просто некогда спорить с Джонсоном о некомпетентности его начальства. Мне вообще некогда. Ньюмэны бежали от чего-то, они не говорят от чего, но запах с их грязной одежды, как предупредительный знак. Появились другие мутанты или ньюмэны спустились с небес на Землю и изменили свой код ДНК в очередной раз, я не знаю этого. А вот уверенность в том, что все происходит что-то страшное — я уверена. не для меня страшное, а для людей.

— Генерал, отвлекись от своих ненужных обид и подумай, что мы будем делать дальше. Игры в прятки закончены. У нас есть оружие, бойцы и неведомая опасность за спиной. Эта зима будет нелегкой — сделала я вывод.

— Я не могу снять людей с места. Это, действительно, последний рубеж, они не готовы идти дальше — в неизвестность — грузно опускаясь на стул рядом со мной, глухо произнес Джонсон.

— Поэтому я и говорю, что надо решать, как быть дальше. Как я поняла, можно было бы договориться с модифицированными, ну то есть, попытаться договориться, но...

— Что “но”? — посмотрел на меня генерал.

— Но, здесь ньюмэны. Пусть и дефектные, но ньюмэны, модифицированные скорее себе глотки перегрызут, чем будут их терпеть. Так, что это — тупик. Ньюмэны, тоже не вариант. Они ассоциируют себя с людьми и рассчитывать на существенную помощь — бесполезно — теребя пояс у штанов, объясняла я очевидные для себя вещи.

— Почему? Они сильные.

— Генерал, они не сильнее тебя. А о чем это говорит?

— О чем же — начала злиться Джонсон.

— Что они — бесполезны. Ньюмэны должны быть раза в три опаснее хорошо обученного человеческого бойца. Эти же, считают себя людьми и не могут преодолеть психологический барьер.

— Как это сделала ты? — мне не понравилась интонация в его голосе.

— Да. Как это сделала я. Как бы сильно я не была похожа на человека, я — не человек. Я что-то между, еще не мертвец, но уже не живая. И поверь, меня это устраивает. Пожалуй, это лучшее, что могло со мной случиться. Я не представляю, чтобы было с моей семьей останься я человеком. Хотя, нет, я отлично представляю. Мы бы уже были мертвы.

Я встала и прошлась по комнате, как это любил делать сам генерал. А что? Это правда. Кто-то должен подстраиваться под новую систему жизни. Мне повезло, я протянула еще шесть лет. Жуткие, грязные и голодные шесть лет, но это больше, чем ничего и меньше чем что-то. Джонсон должен понимать разницу между нами. Да-да, он ведет себя так потому, что не понимает.

Альрик Джонсон воспринимает меня, как человека. В отличии от своих людей, он судит не по внешности, а по содержанию. Мое содержание в его понимании не соответствует оболочке. Так вот, он не прав. Мозги не замена человечности. И никогда не были заменой. Я слишком долго пробыла в этом состоянии, чтобы понять... Оно — временное, а инфекция внутри меня постоянна. Инфицированные — паразиты и паразитируют они на людях. Нет людей — нет инфекции. Нет меня. Все просто. Предельно.

— Вибек, ты вбила себе в голову это...

— Нет. Генерал, это ты не правильно воспринимаешь меня. И это проблема. Если в течении месяца вы не будете накачивать меня мозгами, я вернусь в состояние примитивной инфицированной и сожру пару — тройку человек. Потом, я конечно, приду в себя и даже изображу раскаяние, буду тихой, исполнительной, но до первого нового срыва. Это Так работает, понимаешь? — склоняясь над продолжающим сидеть Джонсоне и опираясь руками на спинку его стула, спросила я.

— Ты бы этого не сделала — о, кажется, его заблуждения прогрессируют, но в конце концов, кто я такая, чтобы рушить его иллюзии?

— Сколько у нас продовольствия и оружия? — сменила я тему.

— Немного — тут же задумался генерал — хватит еще на месяц и того и другого. Такими темпами...

— В смысле?

— Раньше не было так опасно, люди тратили меньше боеприпасов, к тому же у нас за последние два месяца прибавилось народу. Как бы жестоко это не звучало, обычно мы только теряли людей и вопрос о еде не стоял столь радикально, теперь же, это место растет и чем больше живых тут появляется, тем меньше остается продуктов.

— Значит, нужна вылазка — подвела я итог — к тому же, мне необходимы детали для некоторых эм... проектов — не зная, как точно описать то, что я собираюсь сделать подобрала я более подходящее слово.

— Каких проектов? — заинтересовался Джонсон.

Я опять села на стул и даже вздохнула, хотя дышать это не про меня, возможно, генерал так на меня действует или его заблуждения? Хочется, соответствовать им, вопреки доводам рассудка.

— Я собираюсь экранировать сигналы спутников ньюмэнов, то есть быть вне зоны покрытия сети спутников. Это оптимальный вариант оставаться незамеченными, также для боевой поддержки нам понадобится больше людей. Затем я и чинила вертолеты. Надо доставить сюда как можно больше здоровых мужчин. И оружие легче будет искать. Ракетные установки и боевые комплексы, все это необходимо доставить в “Рубеж”. Ты ведь хочешь, чтобы эти люди не только продолжали существовать, но и старались жить? — вспоминая основные причины живучести человека, продолжила я размышлять вслух.

— То есть? — генерал боялся своего верного предположения.

— То есть, людям нужна цель. Первично это была цель выжить. Но, вот, они выжили и понимают, что не живут, а доживают. Вскоре они потеряют смысл жизни. А нам надо,

чтобы они стремились к чему-то. Например, к миру, где нет места инфицированным, модифицированным и ньюэнам. Чем не достойная цель? Чтобы выиграть войну, не обязательно иметь численное или физическое преимущество, важно иметь цель и волю, чтобы идти к ней. Поставим цель, наглядно покажем пару удачных стычек и появится воля. Воля побеждать и отвоевывать свою территорию.

Джонсон смотрел на меня странным взглядом. Я бы сказала, что в нем было восхищение. Но, не могу быть уверена в своих наблюдениях. Все-таки человеческие чувства для меня откровенные потемки. Одно я могу сказать точно, ему понравилась моя идея. Хотя, она и не моя. Я просто взяла некоторые исторические события, вспомнила, как удивлялась тому, что в ситуациях, когда победа была невозможна, люди плевали на логику, выживая благодаря воле и надежде. Сейчас им просто не хватает решимости, слишком много они потеряли, слишком долго они проигрывали. Значит, надо дать им возможность выиграть. Заставить их поверить в то, что они хозяева этой планеты, а не кучка мутантов и неудачных экспериментов.

— И с чего начнем? — деловито осведомился генерал.

— Никаких возражений? Попыток “образумить” меня?

— Я не враг себе самому. И я понимаю, что предложенный тобой план единственный возможный. Мы будем бороться. Хватит бежать.

Джонсон впервые за все время нашего знакомства сам притронулся ко мне, легко сжав мое плечо, словно не уверенный, правильно ли рассчитал силу. Наверное, мое удивление отразилось на лице потому, что генерал улыбнулся.

— Вибек, что бы и кто не говорил, ты — человек. Пожалуй, даже больше, чем другие люди.

Я промолчала, бессмысленно тратить слова на того, кто в них не верит. Да и разговор этот не будет нести никакой полезной информации.

Майя ждала меня в компании Вольфа у их с матерью временным домом. Вольф изменился за эти дни. Он стал моложе, наверное, или скорее усталость, что отражалась в нем, сейчас была почти незаметна. Отдых сильно меняет внешность людей. Я давно это заметила. Даже моя мать перестала выглядеть так, как раньше. Она стала больше походить на зрелую женщину, а не на старуху, как раньше. Только Майя не менялась, оставаясь юной девушкой — подростком.

— Бека, я его не понимаю. Совсем — пожаловалась сестра, стоило мне только подойти ближе.

— Почему? — не сразу поняла я.

— Он говорит или на родном языке или на английском, а я их не знаю — огорченно повела плечами сестра.

— Ты хочешь, чтобы я тебя научила? — предположила я.

— Нет, здесь есть учителя, они уже стали преподавать мне алфавит. Как я поняла, Вольф хотел о чем-то поговорить с тобой — Майя перевела вопросительный взгляд на Вольфа.

— Вибек, есть кое-что, о чем нам надо поговорить — подтвердил слова Майи Вольф.

— Хорошо, говори — кивнула я.

— Может, отойдем? — неуверенно предложил мужчина.

— Зачем? Майя все равно не понимает, что ты говоришь.

— Хорошо — кивнул Вольф — понимаешь, тут все немного, как бы сказать, не так, как

было раньше у людей.

— То есть? — не поняла я.

— Я так и думал, генерал ведь не стал рассказывать тебе о здешних порядках? — вздохнул Вольф.

— Думаю, у него просто не было на это времени. Так, что не так с порядками?

— Надеюсь, ты меня убьешь не сразу — словно не ко мне обращаясь, произнес Вольф и продолжил — мужчин в “Рубеже” больше, чем женщин. Поэтому, когда здесь появляется свободная женщина или девушка, она должна в течение недели выбрать себе кхм... мужа — Вольф после этих слов и моего откровенного оскала, окончательно смешался.

— Кто-то хочет забрать мою сестру и мать? — рефлекс сработал быстрее, я встала в защитную позу и оголила клыки.

— Не совсем так... Но, да — кивнул Вольф — люди бояться тебя, поэтому до сих пор никто не подходил к Майе, но сегодня утром я слышал, как переговариваются несколько идиотов из отряда.

— Кто?

— Вибек, ты же не собираешься...

— Говори! Если не скажешь, я узнаю все равно, на тебе чужие запахи, но их много, поэтому пострададут не только они — предупредила я.

— Идиоты! — пробурчал Вольф — это шестой отряд, там три молодых мужика. Они сейчас патрулируют территорию.

— Вот и молодец — похвалила я Вольфа — не пойми меня неправильно, они всего лишь станут примером для остальных.

— Только не убивай их — вдруг попросил Вольф и только сейчас я заметила, что у него синяк на скуле.

— Ты уже попытался с ними договориться? — догадалась я.

— Не то, чтобы договориться — хмыкнул Вольф и поморщился — я пытался им объяснить. Но, они не стали слушать.

— И правда — идиоты.

Обняв Майю и оставив ее недоумевать касательно предмета нашего разговора с Вольфом, я направилась к воротам. Майя и мать — мои! Чтобы подойти к ним надо попросить разрешения у меня. Вольф просил и я ему позволила, скорее всего потому, что в нем запах возбуждения перебивался другими ароматами. Схожими с моими. Он хотел защитить мою семью. Это мне понравилось. А вот попытка отобрать мое — мне не нравится. Поэтому им придется заплатить и показать пример. Нет, я их не убью. Правда, я их только не убью. За остальное ручаться не могу.

Генерал прибежал как раз в завершению воспитательных работ, стоит отдать ему должное, он даже не потянулся к оружию, как сделала я бы на его месте. Трое распятых на железных воротах мужчин, с переломанными руками и ногами, словно они кузнечики и их конечности вывернуты назад, но даже не от этого они так дико кричали, я привела к ним инфицированных, прямо у их лиц были смертельные зубы тварей, которых они боялись больше всего на свете.

— Что это? — только и спросил генерал.

— Наказание.

— За что?

— Они посчитали, что могут взять МОЕ без спроса — пожалала я плечами.

Клаус и Мария тоже были здесь, девочка вырвалась из рук брата и подбежала ко мне, уже привычно прижалась, уткнувшись мне в грудь:

— Они — плохие? — только и спросила Мария.

— Да, они хотели сделать больно моей семье — ответила я.

— Тогда их надо было убить — резюмировала Мария — я бы убила любого, кто хочет сделать больно моему братику.

— Они уже достаточно наказаны? — спросил Джонсон, в его глазах мелькнуло понимание.

— Не знаю — я и правда не знала, а достаточно ли?

— Они касались твоей сестры или мамы? — Клаус тоже приблизился, его глаза кажется выражали сочувствие, но не по отношению к мужчинам, а ко мне.

— Если бы они их коснулись, их кишки были бы разбросаны по всему “Рубежу”.

— Ну не х*** себе! — выразился подбежавший Мангус разглядев всю картину.

— Мангус! — одернул его Клаус.

— А что? Это и правда отвратительно! Все-таки не стоит злить милых, мертвых девочек вроде Вибек — усмехнулся Мангус, но я поняла, что эта картина не испугала его, какие-то они все же странные эти спасенные мною люди.

— Ты их не убила — выдохнул Вольф, тоже оказываясь рядом, в то время, как столпившиеся люди отводили глаза и старались исчезнуть отсюда.

— Ты оставил Майю?

— Нет, просто она захотела поговорить с твоей матерью — понятно, Майя устала от Вольфа, которого не понимает.

Визг заставил меня обернуться к оставленным висеть на воротах мужчинам. Фриц! Он отвязал раненных и позволил инфицированным наброситься на беззащитную добычу. Я же заметила всего за секунду до того, как пули выстрелили, что на Фрица нацелили автоматы. Наверное, Марии было больно, когда я откинула ее и бросилась к Фрицу. Семь, нет восемь пуль пробили мою кожу и угнездились в теле, а подо мной лежал неподвижный Фриц, они не успели его задеть. Но, он смотрел сквозь меня и просто лежал не делая попыток выбраться.

— Зачем? — рыкнула я.

— Ты переломала им ноги и руки, от них несколько месяцев не было бы пользы — он говорил это так спокойно, что на мгновение мне показалось, что это мой голос, а не его.

— Ты ищешь смерти? — вдруг пришло мне в голову.

— Да. Мне хочется принять ее. Я больше не могу...

Я встала с него, выдернула нож из его пояса, вложила Фрицу в руку и поднесла к своему глазу острием.

— Убей меня, потом можешь умереть — на полном серьезе заявила я.

— Что? — на секунду взгляд Фрица стал не таким мертвым.

— Давно, очень давно, я слышала фразу — “только через мой труп”, так вот, ты умрешь только через мой труп. Ведь из-за меня ты хочешь умереть.

— Что? — тупо повторил Фриц.

— Я убила твоего брата, дважды, я не дала умереть тебе, тоже дважды. Я причина этому. И не только этому. Хочешь умереть? Умри или за меня или после меня.

— За тебя?

— Да. В этом есть что-то. Я могу проголодаться и тогда мне понадобится живой. Ты —

живой, но уже мертвый, стань моим контейнером с едой. Здесь много людей, которые хотят жить, а я не всегда способна ручаться за их сохранность, и когда меня подведет выдержка, будь тем, кто меня накормит. Чем не смысл для жизни?

— Ты — сумасшедшая — прошептал Фриц, но нож опустил.

— Так, как? Согласен?

— Я не дам тебе сожрать меня.

— Это тоже неплохой смысл — кивнула я, переломав руками черепа инфицированным, которые только что сытно пообедали и пошла к людям, услышав шаги позади.

Джонсон не тронул меня, но Фрицу он врезал. Я почувяла, как кровь Фрица закапала из разбитого носа. Это лучше, чем умирать. Глупо умирать.

*Гонит рок нас по жизни битой, как мячи.
Ты то влево, то вправо беги — и молчи.
Только тот, кто устроил нам бешеный гон,
Он один знает смысл его скрытых причин.
Омар Хайям*

Люди очень странные существа. Вот, к примеру, сейчас. Они боятся, их страх физически оседает на моих плечах. Боятся, но все равно лезут в пасть своему страху. Проще говоря, генерал набирает группу для вылазки за периметр. Живым нужна еда, медикаменты и оружие. Много оружия. Мне же надо достать детали и топливо. Как можно больше. Плохо это или же хорошо, но я привыкла доводить начатое до конца. И раз обещала остаться и помочь, то останусь и помогу. Глупо? Еще бы. Правильно? Не знаю.

Лучше вернусь к мыслям о людях. Нужны были сильные, здоровые и выносливые... По крайней мере они выносливые, раз за эти годы не умерли. Здоровых половина из той дюжины, что нашел Джонсон, плюс тройка ньюэнов, способных стоять на ногах, оставить их в “Рубеже” без присмотра, я поостереглась. Увязался и мутировавший братец Дарена. Фрица тоже пришлось брать с собой. Вольфа и Мангуса удалось отговорить только, после просьбы — приказа позаботиться о моей семье. Клауса я оставила на Марию. Больше в бой никто не рвался.

— Что думаешь? — спросил генерал, когда наутро я освободившись из “заботливых” рук Шуйбэ подошла к экипированным людям.

— Ничего. Если половина выживет — уже победа — и это правда, люди не готовы лезть в драку, пока заведомо уверены, что проиграли. И это сыграет с ними злую шутку, уж я-то знаю, что нет ничего опасней, чем неуверенность.

— У меня нет выбора, брать всех лучших нельзя, кто останется здесь тогда? Опытные тоже не подходят, они нездоровы, а ты хотела здоровых...

— Не я — качаю головой — просто здоровым легче выжить и терять их будет легче, они молодые и особых привязанностей не имеют.

— Что ты этим хочешь сказать? — Джонсон прекрасно понял, что. Но, ему хотелось верить, что он ошибся.

— Ты видишь Фрица. Его особая привязанность к брату убивает. А представь себе, что у человека есть семья, дети и даже родственники, не один, а много. Я видела в “Рубеже” таких много. Мы же хотим вселить надежду, а не убить ее. Если на этой вылазке погибнут сильные и опытные, люди решат, что если выжить не удалось бывалым, они подавно не будут способны защитить себя.

— А если не выживут мальчишки?

— Ничего страшного, если умрет несколько неоперившихся птенцов, главное, что вернется большинство и не с пустыми руками. Уверяю тебя, такая уловка пройдет. Доказано опытным путем — не обращая внимание на протянутый каким-то смельчаком бронезилет, произнесла я.

— Это жестоко.

— Это сработает, не бывает битв без потерь, а войны без трагедии. В истории полно

таких примеров, мы идем по протоптанной дорожке.

— И все равно...

— Генерал, все это время ты только и делал, что прятался. И я не спору — это сработало, в то время и на тех условиях. Но, времена меняются и условия тоже. Ты больше не хочешь бежать и прятаться. Значит, надо прекратить быть жертвами. И это будет жертва. Ты — военный человек и должен был уже усвоить. На войне, как на войне — я не видела смысла прятаться за фразами или сглаживать эффект правды, тут ничего не поделаешь. Потерь не избежать.

Джонсон ничего не сказал, молча передернул затвор автомата и первым сел в военный хаммер. Я не сказала ему всей правды. Решила для начала посмотреть за реакцией на возможные смерти. Генерал проверку прошел, но с натяжкой. Если ему сказать, что я создала для них “полосу препятствий”, не думаю, что они обрадуются.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Последние две ночи я уходила из “Рубежа”. Проверяла местность, расчищала пути и протоптала дорогу к военной базе и складу продовольствия. Специально, не сунулась туда в одиночку. Потому, что не утерпела бы и прихватила нужные детали, тогда Джонсон мог что-нибудь заподозрить.

— Ты собираешься садиться? — выглянул из машины генерал.

— Нет, я поеду с ними — кивнула я на подошедших к машине ньюмэнов.

Джонсон только покачал головой. Я, по его мнению, слишком много времени уделяла ньюмэнам, при том, что не пыталась скрыть своего желания их убить. Выпади мне такой случай и я не раздумывая разорвала бы их на мелкие кусочки. Но, они не проявляли агрессии, не пытались причинить вреда и вели себя образцово — показательно. Их не в чем было упрекнуть.

— Не доверяешь нам, да? — спросил Дрэйк, когда я забралась на пассажирское сиденье рядом с ним.

Я промолчала. С ними я старалась не разговаривать, в основном потому, что с языка рвались только проклятия, а это бы не улучшило наших отношений. Возможно, мне сегодня повезет и их кто-нибудь убьет. Правда, это было бы невероятной удачей. Но, только для моих инстинктов. Ньюмэны отличные боевые единицы, они способны на большее, чем люди. Джонсон это понимает и я тоже. А вот мой мертвец внутри не очень.

Когда в машину забрались двое оставшихся и Джонсон махнул, подав знак, что пора двигаться, машины тронулись.

— Не пойми меня неправильно, но я сейчас убью ее — предупредила я Дрэйка.

Ньюмэн дернулся и обернулся назад. Его самка наставила на меня пистолет. Мне не нужно было видеть этого, я чувствовала. Так же, как чую страх и свинец. А еще я чувствовала, что никакой разум не спасет ее от меня, если она не уберет свою пугалку.

— Пуля в башку, даже тебя убьет, тварь — какие эмоции, какая экспрессия.

— Ошибаешься.

Слишком быстро, даже для ньюмэнов я вывернула суставы из предплечий, хватая руками ее за голову и с силой ударяя лицом о спинку сиденья. Хруст, вскрик. Кажется, сломала ей нос. Пальцами хватая выпавший из ее ладоней пистолет, я с хрустом вернула руки на прежнее место. Мертвец бушевал. Он грыз мои внутренности желая выбраться наружу. А я не знала, как его успокоить. Опасность. Опасность! Оно кричало во мне, оно выло и только когда я вкладывая всю силу, ударила себя пистолетом в живот, крик стал

стихать. Дрэйк не затормозил, но смотрел он не на дорогу, а на меня.

— Запомни этот момент, ньюмэн. Сейчас я била себя, чтобы не загрызть вас. Но больше я так делать не стану. Вы все умрете, стоит мне забыться — это не было предупреждением. Это было констатацией факта.

— Она мне нос сломала! Доэйк, сделай что-нибудь!..

— У тебя на редкость тупая самка — равнодушно заметила я — пытается убить ведущего, даже после предупреждения.

— Ведущего? Самка? О чем ты? — ах, да, я и забыла, что они не знаю о себе ничего.

— Вы — не люди. У вас свои понятия. Я говорю так, чтобы вам было легче, но бракованные объекты даже таких простых вещей не понимают — я специально провоцировала их, мне надо было убедиться, что не имея базовых знаний, Дрэйк все равно способен держать в узде свою группу и себя.

— Они больше не сорвутся, как и я — не ошиблась, понимает.

— Тогда следи за дорогой и набери скорость, мы далеко от остальных.

Дрэйк послушался, напоследок бросив свирепый взгляд на своих попутчиков. Нет ничего страшней, чем лидер не способный удержать свою группу. Но, хотя бы в этом он меня не разочаровал.

Инфицированных на дороге почти не встречалось. Конечно, я собрала их в кучу у целей. Зачем? Чтобы показать людям, с чем им предстоит сражаться. Обычно, они обходят столпотворение мертвецов, но им надо понять, что не всегда можно уйти от прямого столкновения. И что убийство одного — двух инфицированных — это не показатель. Научитесь биться с превосходящим количеством противником и тогда массой вас уже не задавят.

— Это тест? — вдруг спросил Дрэйк.

Догадливый, да я и не сомневалась. В отличии от людей, ньюмэны полагаются на инстинкты больше, чем на доводы рассудка. И они чувят инфицированных.

— Значит, тест — сам себе ответил ньюмэн — но, зачем? Ты хочешь их смерти? Они ведь не справятся с таким количеством. Эй, я с тобой разговариваю!

— А я — нет — пожалала я плечами, к чему мне что-то объяснять? Главный здесь генерал, но и ему не зачем знать всего.

— Это люди! Живые, нормальные люди! С ними нельзя так!

— А как можно? — перебил Дрэйка сидящий позади него ньюмэн.

— Ражек, только не говори, что ты ее поддерживаешь — все-таки они чувствуют себя людьми, никто не вправе перебивать или перечить командира из личного состава.

— Я никого не поддерживаю. Но, Дрэйк, если не научить людей сопротивляться, что с ними будет потом? Это бесчеловечно, я не спорю. Нет худшей участи для человека, чем смерть от зубов этих тварей. Но, мы с тобой видели, что бывает с беззащитными людьми. Они не справляются. Они умирают. Ни ты, ни я не можем защитить всех, надо, чтобы они сами могли защищать себя, хотя бы от зараженных.

Странно, в этом смуглокожем ньюмэне было больше от лидера и больше от самих ньюмэнов, но он не доминирует. Почему? Не хочет? Так не бывает. Любой ньюмэн желает быть главным. Командиром. Как они себя называют. Каждый командир — это сильнейшее звено группы. Его не выбирают голосованием и не назначают на пост. Командир занимает свою позицию путем силы. Боя.

— Это все равно ненормально. Людей слишком мало...

— И будет еще меньше, если они не изменятся — сама удивилась, когда произнесла это вслух — слабые на этой планете не выживают. Тормози, приехали.

Грунтовка заканчивалась куском вставшего асфальта. Он не давал машинам ехать дальше. Оставшуюся часть пути надо было идти. Люди начали выходить из машин и удивленно озираясь. Неужели были уверены, что так легко смогут добраться до пункта назначения?

— Вибек, ты не говорила об этом — подошел к нашей машине генерал.

— Она еще много о чем умолчала — не сдержалась и поддела самка, мало я ей врезала.

— Тут не о чем говорить. Убрать кусок асфальта даже мне не по силам, а идти все равно придется — оказываясь рядом с Джонсоном произнесла я.

Дрэйк протянул мне автомат. Думаю, мне хотелось усмехнуться, но вышел оскал, как обычно. Ньюмэн попятился. Решил, что я собираюсь его сожрать? Глупо. Скорее инфицированным закушу, чем это нечеловеческое дерьмо попробую. Брезгливость? Странно, раньше я такой не была. Или, мне раньше никто не предлагал откусить голову ньюмэну? Какая разница, если я все равно не собираюсь его есть?

— Так, что будем делать? — кашлянул Джонсон, отвлекая меня от разглядывания Дрэйка.

— План не меняется. Пошли.

И я первой обогнула неожиданное для людей препятствие. Инфицированные стали появляться у обочин дороги метров через сто. Естественно, люди так шумели. Шли неосторожно, да еще и переговаривались. Мне интересно, как они вообще столько лет выживали? Ведь не прошло и часа, а нас уже окружили. Стали слышны передергивания затворов.

— Не стрелять — прошипела я.

Только, когда мои слова повторил генерал, люди остановились. Их страх, липким слоем лег на меня. Учащенное сердцебиение, панические шепотки, шуршание гравия под подошвой ботинок и усиленные вздохи. Они сами обращали на себя внимание инфицированных.

— Вибек — посмотрел на меня Джонсон.

— Если я устраню их, затея потеряет всякий смысл, не находишь?

— Если ты их не устранишь, мы все — трупы.

Нелегкий выбор. Я повела головой в сторону Дрэйка.

— Что?

— Покажи, как убивать не используя оружия.

Дрэйк дернулся, но ничего не сказал и достал нож. Один прицельный удар в голову и инфицированный упал, окончательно умерев. Люди смотрели на это с восхищением и неверием. Неужели он все это время прятался за своими пулями? А когда не оружия? Как они спасались без него? Или не спасались?

— Главное не давать взять себя в кольцо — произнес Дрэйк убивая уже пятого.

Дарен первым решил повторить за ньюмэном. И весьма удачно, правда, нож застрял в череpe и парень с трудом вытащил его.

— Помните, громкий звук привлечет больше внимания и принесет меньше пользы. Оружие идет в ход только, когда нет другого выбора. Иначе вы подставите не только себя, но и того, кто будет рядом — мне понравились слова генерала, он дал понять, что от одного зависит жизнь всей группы.

Вообще, я тут заметила, что все больше думаю о Джонсоне, как о “своем”, хотя, какой

он “мой”? Альрик — человек, а я... Я, так, тварь, нарыв на поверхности земли. И стоит мне только убедиться, что моя семья в безопасности, или же потерять мать и сестру, как я пополнию ряды инфицированных. мое существование мотивируется жизнью близких. Пока они есть — есть я. Вот такая не хитрая арифметика.

Крик, отвлек меня. Обернулась, одного покусали. Люди растерялись. Да, люди. Но, не ньюмэны. Джонсон еще не успел подойти к своему человеку, а Ражек уже всадил перочинный ножик тому в затылок.

— Что? — пожал он плечами, когда Дарен нахмурился и подошел ближе к Адену, соответственно и ко мне потому, что Аден с того момента, как мы покинули машины держался в паре метров от меня.

Кажется, Аден и сам не замечал, что пытается оказаться рядом. Он не осознавал этого, а я не собиралась что-то предпринимать на этот счет. Да и что я могла? Убить? А зачем? В отличие от меня Адена не мучил голод, а когда ему не хватало сил, он побитой собакой полз ко мне, чтобы после очередной дозы костного мозга, с ужасом понимать, что недавно валялся у меня в ногах и требовал внимания.

Дарен в отличие от брата, все замечал. И увиденное ему не нравилось. Он боялся меня и почему-то не желал этого признать, оттого и злился, больше, чем следует. Мне до его злости было, как до Луны. Но, все же неприятно понимать, что за спиной живой, мечтающий всадить мне пулю в лоб и не уверена, смогу ли пережить, если он решится выстрелить. Я как-то помню, что пыталась уже провернуть нечто подобное, закончилось все тем, что я очнулась, а из виска торчала пуля. Застряла в кости.

— Это то самое место? — спросил Джонсон, когда мы подошли к базе.

— Да. Здесь есть оружие и продовольствие, ну и детали, что мне так нужны.

— Как мы это все потащим, сквозь толпу мертвецов? — озадачился молодой мужчина, кажется от товарищ генерала.

— Я подстрахую и не забывайте, что на вашей стороне лучшие из того, что можно было сделать с человеком — намекая на ньюмэнов, произнесла я.

— Ты говоришь о нас, как о вещах — заметил Дрэйк.

— Вы тоже много чего говорите обо мне — пожалала я плечами и пошла в ногу с генералом.

— Вибек, возьми хотя бы нож — вдруг попросил Джонсон — мне так будет спокойней.

— Ты же знаешь, что любое оружие будет только мешать.

— Все равно, на тебе нет бронежилета, ты отказалась от автомата, хотя бы нож — как я и думала, генерал воспринимает меня, как человека.

— Хорошо — решила не спорить и вытащила из-за пояса Джонсона один из ножей.

Альрик глубоко вздохнул и неожиданно улыбнулся. Мне. Он улыбнулся мне. Так странно. Кажется, один из людей сегодня точно вернется в “Рубеж” целым и невредимым. Уж я-то прослежу.

*Ты скажешь, эта жизнь — одно мгновенье.
Ее цени, в ней чернай вдохновение.
Как проведешь ее, так и пройдет,
Не забывай: она — твоё творение.
Омар Хайям*

— Это был кошмар! Сущий Ад! Куда мы потащились?!

Если он не заткнется, Богом клянусь — сверну ему шею! Как я вообще оказалась рядом с ним? Ах, да! Это все Аден. Он плелся за мной по инерции, а уже за ним следовал Дарен и вот теперь мы сидим в кустах и я слушаю вопли Дарена. И почему люди столь эмоционально реагируют на смерть? Дарен давно уже должен был привыкнуть к таким поворотам судьбы, не первый год подобное происходит. Да и погибли самые неопытные и трусливые. Таков закон природы, который всегда на стороне сильнейшего.

— А вы точно братья? — повернула я голову в сторону Адена.

— Что? — кажется, он не привык к тому, что я способна на шутки, впрочем я сама не привыкла — это все Шуйбэ виноват, он накачал меня под завязку своими новыми экспериментальными составами, после которых во мне открылся талант к юмору, черному юмору.

— Очень смешно! — зашипел Дарен, он в отличии от брата на любое мое слово реагирует колкостью.

— Чего отсиживаетесь тут, когда все доблестно бегает и даже отстреливаются? — какая нелегкая принесла Мангуса?

— А ты с какого приперся? — озвучил мой вопрос Дарен.

— Скучно — просветил Мангус и хитро, ну мне так показалось, посмотрел на меня — сразу было понятно, что ты задумала. Кстати очень неплохо. Это как конкурс красоты сейчас идет отборочный тур.

— Вот только на конкурсе красоты никому не грозит быть сожранным заживо — огрызнулся Дарен.

— Так и у нас не красотку года выбирают — хмыкнул Мангус и бесцеремонно пододвинув Адена уселся рядом со мной.

— Вибек, вот только честно, а почему ты сама не взяла все необходимое? Ведь можно было бы перепрятать продукты, пусть они бы побегали тут просто так, а то сейчас они кучу продовольствия просто так истоптали?

— Когда тебе дают конфету на что ты рассчитываешь? — любуясь тем, как переливается на солнце сталь ножа, задала я вопрос.

— Как на что? На то, что она вкусная!

— Не только, ты рассчитываешь на то, что стоит применить легкое усилие — снять обертку, а за ней будет сама конфета. Вот и они должны были применить легкое усилие и получить свою “конфету”, но вместо этого они попытались не снимая обертки добраться до лакомства и поплатились за это.

— То есть, их желание обойти мертвяков и не вступать в конфликт было заведомо ошибочным? — сорвав чудом уцелевшую желтую травинку, сунул ее себе между губ Мангус.

— Не так. Их желание, простой путь сделать еще более простым, было заведомо ошибочным. Нельзя искать или выбирать, если уверен, что способен справиться, а порой, когда и не уверен, все равно нельзя искать и выбирать. В этой вселенной подобное непозволительная роскошь. Если хочешь жить — живи, как можешь, а не как учили или умел.

— Да ты прямо философ — фыркнул Дарен.

Мангус в отличии от него, сидел и пялился на небо, но я точно знала, что далеко не серые облака занимают его мысли. В последнее время он стал не слишком крикливым и общительным, как было раньше. Клаус рассказывал, что до произошедшей катастрофы Мангус был весельчаком и вообще душой компании, потом он стал мнительным и не слишком милым. А после смерти Яна и попытки моего спасения, внутри Мангуса произошли гораздо более сильные изменения. Он стал куда более зрелым, если верить Клаусу. По мне, так как был занозой в заднице, так и остался. Джонсон куда лучше, впрочем если сравнивать Дарена и Мангуса, я проголосую за последнего, он хотя бы не стрелял меня, так, целился пару раз.

— И что теперь? Долго нам еще тут отсиживаться?

— Я тебя не держу — рыкнула я, все-таки терпения у меня не в пример меньше, чем у сестры.

— Я тут только из-за Адена! — ну, вот он опять орет.

— Боишься, что его съедят? Не переживай, скорее он сам кого-нибудь покусает — наверное, не стоило этого говорить, в отличии от меня, Аден сохранил остатки своих эмоций и ему было крайне неприятно вспоминать, что человек он чисто номинально.

— Аден, уходим! — привстал Дарен.

Аден остался на месте. Еще одна проблема на мою голову. Аден не слишком легко переживает разлуку со мной. Скорее болезненно. И как я начинаю понимать — это нормально. Мы с ним не слишком далеко ушли в развитии от модифицированных, у этих ребят та же история, какие-то особи между собой связаны, вот только по какому принципу я пока не разобралась. Как-то раньше не задумывалась, да и нечем было, мозги-то тогда находились в отключке, а теперь стало более менее понятно и вместе с тем любопытно.

— Ты его привязала к себе, что ли? — шепотом спросил на немецком Мангус, он все никак не может привыкнуть и периодически сбивается на родной язык, особенно когда не хочет, чтобы кто-то посторонний его понял.

— Нет. И была бы не против, если бы он ушел с братом, но это бесполезно. Он останется рядом — как будто в доказательство моим словам, Аден просительно смотрел на брата и с места не сдвигался.

— Сильно, однако — усмехнулся Мангус.

Дарен еще пару секунд ждал, а затем вздохнув, опустился назад на землю. Говорила же, что все эти попытки уйти с Аденом — бесполезны. Но, Дарен упорно пытается и пытается, похвально конечно, но несколько унижительно. Особенно, когда за этим наблюдает Мангус с таким живейшим любопытством на физиономии. Кстати, все никак не могу понять, когда успела так изучить их. Ведь я понимаю, когда кто издевается или смеется, с каким выражением смотрит и какие эмоции проявляет наблюдая. Для меня такая чувствительность непривычна, я с трудом понимала эмоции собственной сестры? Или это вовсе не я стала такой чувствительной, а просто новые препараты Шуйбэ имеют подобное свойство. Этот докторишка ставит на мне непозволительные опыты. Правда, я ничего пока не потеряла,

скорее даже приобрела.

— Не поделишься секретом?

— Каким?

— Чем она тебя привлекла?

Ну вот, теперь Мангус прицепился к Адену, хотя я не против — обо мне забыл. Мне, конечно, грех жаловаться, но факт остается фактом после того, как люди перестали так сильно меня бояться, они — обнаглели. Взять хотя бы Мангуса, какой был экземпляр! Он боялся меня до коллик и собирался убить при удобном случае, а что теперь? А теперь Мангус мало того, что ослушался прямого приказа и примчался сюда, подозреваю в грузовике с базуккой он нашел удобное местечко, так еще и ведет себя крайне раскованно и свободно.

— Хватит, убирайся отсюда! — не выдержал Дарен, странно, что он вообще столько времени терпел Мангуса.

— У нас гости.

Я даже не поняла, как оказалась спина к спине с Джонсоном, просто в какой-то момент его запах заставил меня выбраться и ямы и побежать навстречу.

Десять! Быть этого не может. Но, мои глаза, пусть и подслеповатые из-за солнца, не обманывали. Десять генетически модифицированных объектов и шли они все сюда. Целенаправленно. А еще это была засада. Не знаю, как им удалось настолько эволюционировать, но сейчас разум у этих монстров явно наличествовал и уже миновал стадию зачаточного перехода в состояние эмбриона. С такой скоростью они и до человеческого разума дойдут в ближайшее время.

— Скажи, что это тоже часть твоего плана — прошипел Джонсон.

— Сожалею, но нет. Это часть их плана — кивнула я на подбирающихся ближе модифицированных.

— Да ты издеваешься — выпуская первую автоматную очередь, продолжил рычать на меня Альрик.

— Не стоит так переживать, я с ними разберусь, а вот вам лучше убираться отсюда — толкая генерала в сторону бегущих к дороге на которой мы кинули машины, людей.

— Я тебя здесь не брошу! — как я и думала.

— Ты меня и не бросаешь, скорее позволяешь им упокоиться с миром — кивнула я на модифицированных.

— Нет!

— Уходи — к черту шутки! Они через несколько секунд подберутся совсем близко и тогда он точно не будет в состоянии уйти.

— Нет!

— Плевать — скорее вопросительно, чем утвердительно выходит я совсем не уверена, что мне плевать.

Тем не менее, одежду я с себя срываю быстро и без колебаний. Мне как раз хватает времени откинуть куда-то к обочине мощное тело генерала, заметить рядом двух ньюмэнов и отразить неуклюжий замах модифицированного.

А потом неожиданно для себя и для окружающих мир теряет краски. Не остается ничего, кроме меня, крови вокруг и моего Голода. Так, вот что называют рецидивом. Только сейчас я поняла значение данного термина. У меня случился рецидив. Шуйбэ слишком старался. Он искусственно снизил своими препаратами порог отвечающий за голод в моем организме, притупил так сказать аппетит, который при моем нынешнем положении

расправил заметно увеличившиеся “крылья” и собирался отправиться в свободный полет, попутно отправив в отключку мое сознание. Как знала, что не стоит даже надеяться избавиться от своего вечного спутника.

Все эти мысли проскочили за доли миллисекунд в мозгу и уже не мое вменяемое тело напало, а Голод оскаливший клыки и требующий законной добычи, рыкнул изнутри. Я боялась бессознательного состояния? Ерунда! Страшиться надо именно того, что со мной происходило сейчас. Я все понимала, даже местами чувствовала, но ничего не могла поделать. Желание рвать и разрушать не отступало. Модифицированные не успевали заметить меня и движения моих рук, что методично лишали их жалкого существования.

В этот момент я особо четко смогла провести грань между мной и другими, обычными — людьми, мертвецами, монстрами и даже ньюэнами. Я отличаюсь от них, от всех них. И похоже у меня есть только один последователь, чокнутый брат Дарена. Нет, он тоже не похож на меня, но и не так сильно отличается, что-то общее, дикое, непонятное, что-то за гранью реального и возможного объединило нас в тот момент, когда он попробовал моей крови. Но, это все лирика. Сейчас меня гораздо больше волнует другой вопрос.

“А сами ли модифицированные додумались сбиться в стаю? Что если это очередной эксперимент?” Бредовая, конечно мысль. Но, последнее время она все чаще приходит ко мне на ум. Ведь, по сути, если задуматься, можно провести параллели. Безусловно, они не заметны сразу, но все же... За столько лет это первая зима, когда модифицированные повывлазили из убежищ и так откровенно нагло нападают, это первая зима, когда люди пытаются открыто давать отпор и сбиваются в кучу. И меня не покидает ощущение, что все это неспроста. Почему именно сейчас? В прошлом году тоже все было ужасно, и тем не менее, ничего такого не происходило, так почему сейчас?..

— Стой! Вибек, хватит! — голос не принадлежал моей сестре и я могла вполне спокойно его проигнорировать, но почему-то не стала этого делать.

Джонсон склонился надо мной и ньюэном, которым я занялась после того, как закончились модифицированные.

— Больше никаких экспериментов с целью сделать из меня человека, понял? — не делая попыток встать с лежащего подо мной ньюэна повернула я голову в сторону вымазанного в грязи генерала, ах да, я же сама кинула его на землю.

— Что это было? — обведя взглядом ландшафт окрасившийся в красный и бордовый цвет, спросил подошедший Мангус.

— Это был мое плохое настроение — все-таки я поднялась с ньюэна напоследок оцарапав его щеку ногтями.

Люди странно на меня покосились и отвели взгляды. Наверное, боялись, что заблюют и без того пострадавшую местность. Голая, грязная, в крови и кишках, я вряд ли могла бы претендовать на роль супергероя.

Я попятилась и внезапно встретила своей спиной сопротивление. Аден. Он стоял позади и выглядел подозрительно невменяемым. Его руки, перепачканные кровью обхватили меня в области груди, сжали и над головой раздался утробный рык. Не ожидала, что вздрогну, но вздрогнула.

— Аден! — попытался подойти ближе Дарен.

Руки сжали еще сильнее, буквально вдавливая мою спину в его грудь, поясницей я почувствовала совершенно уж необычную реакцию Адена на меня. Я, конечно, все понимаю, но когда у чокнутого парня “встает” на мертвую мутантку. мир начинает играть новыми еще

более странными красками.

— Что с ним? — дернулась я в кольце рук, но внезапно поняла, что не могу освободиться, по крайней мере, одними дерганьями мне это вряд ли удастся, он как не странно сильный и что еще более странно он может посоревноваться в силе со мной.

— Без понятий — пожал плечами Мангус — это придурок рванул почти сразу за тобой и когда ты тут начала все громить, всячески помогал тебе, правда он больше на мертвяках отрывался, но одного монстрика точно завалил, я даже от боевого клича не удержался...

— Что ты сказал?! — мне это послышалось?

— Да говорю, что от радости орать начал...

— Не это, до того!

— Падальщика он убил — вместо Мангуса ответил Дарен.

— Быть такого не может — чужой нос с шумом задышал у меня над ухом.

Аден приняхивался и кажется ему нравилось, то, что он смог учуять, потому что он совершенно недвусмысленно начал дергать бедрами. и остальные тоже что-то поняли. Особенно Джонсон.

Никогда не видела, чтобы генерала так перекашивало. Он не обращая внимание на рычащего Адена приблизился к нам и попытался выдернуть меня из любвеобильных объятий Адена. Конечно, ему это не удалось. Зато я только сейчас осознав, раз этот идиот может чувствовать возбуждение, почувствует и боль, что есть сил дернулась и ударила пяткой Адена в колено. Хруст, вопль и свобода. Аден рыкнув, поднял на меня полные обиды глаза. Я оскалилась. Нет уж! Лучше еще одну стаю модифицированных перебить, чем попасть в подобные объятия.

— Выясним, что с ним — позже, а пока надо отсюда выбираться — начал отдавать приказы генерал, попутно снимая с себя остатки куртки и теплый на вид черный свитер. Куртку он закинул в кусты, а свитер внезапно оказался одет на меня и превращен в подобие короткого платья.

— Вибек, как ты? Идти сможешь?... Глупый вопрос — заметив, что на мне больше нет ботинок, Джонсон сделал совсем уж странную на мой взгляд вещь, он взял меня на руки.

Я уставилась на него и вдруг поняла, что ничего не делаю, только смотрю, как меня несет на себе человек и не пытаюсь вырваться, убежать от него или справиться голодом, которого, к слову, сейчас не наблюдалось. Очень странно.

Аден на это отреагировал весьма неоднозначно. Он попытался кинуться на генерала, а я уж совсем глупо и инстинктивно рыкнула на него. Так я обычно делала, когда кто-нибудь из инфицированных пытался приблизиться к моей сестре и всегда срабатывало, любой инфицированный тут же терял к моей семье всякий интерес. То же самое случилось и сейчас, Аден еще раз рыкнул и отошел ближе к Дарену, больше не пытаюсь приблизиться. Но, его глаза смотрели на меня так, будто давали обещание, что это не останется забытым.

— Как думаешь, что это было? — отвлек меня от переглядывания с Аденом, генерал.

— Организованная атака совершенно не соответствующая поведению модифицированных. Могу сказать только, что самое время нам начать учить вех старше пяти передергивать “предохранитель” на пистолете.

— Я был уверен, что ты так скажешь — усмехнулся генерал и сильнее прижал меня к своей оголенной, а потому начавшей замерзать, груди, даже его соски встали торчком и один из них сейчас терся о мою щеку.

— Может заберешь назад свой свитер, я его испачкала, но зато ты не замерзнешь —

попыталась я вернуть вещь.

— Оставь себе, не можешь же ты гольшом и дальше ходить.

— А я и не против — намекнула я.

— Вибек, хватит — вдруг совершенно искренне и с какой-то непонятной надежной попросил Джонсон.

— Хватит, так хватит — пожала я плечами и замолкла.

Остаток пути мы двигались в тишине, зато больше никто не пытался нас сожрать, что не можно не радовать.

*Благородство страданием, друг, рождено,
Стать жемчужиной — всякой ли капле дано?
Можешь все потерять, сбереги только душу, -
Чаша снова наполнится, было б вино.*

*Открытый космос.
Ньюмэн Адонис.*

Человечество оказалось не в состоянии пережить катастрофу, но почему-то выживать в условиях после ее наступления научилось. Странно? Очень. Но, мне все равно пока это не мешает моим опытам. В какой-то момент любой ученый начинает понимать, что самый грандиозный эксперимент можно проводить только на людях. Вот и я понял это. Жаль, что так поздно, но понял же.

Почти двадцать лет прошло с того дня, как я открыл весьма необычный и я бы даже сказал невероятный факт. В мире есть бессмертные. Они не просто есть — они живут среди нас. И узнал я об этом двадцать лет назад, когда еще будучи сопливым мальчишкой проходил свою первую практику в отделении скорой помощи. Туда поступила девушка с травмами несовместимыми с жизнью. Она попала под колеса грузовика и сбивший ее водитель привез умирающую к нам. Вот только она продолжала жить и восстанавливаться. Слишком быстро и слишком просто. По сути девушке была не нужна никакая медицинская помощь.

Я, уже тогда мечтавший стать в будущем кем-то вроде второго Менделеева, скрыл факт странного воскрешения незнакомки. Впоследствии выяснив много и одновременно так мало интересных фактов.

Девушку звали Мэри, было ли это ее настоящие имя или нет она и сама не знала. Впрочем, она вообще ничего о себе не знала и о том, почему она такая необычная. Мэри уже больше семидесяти лет жила так. Не старела, не болела и не могла умереть. Она в начале двадцатого века была найдена в Цюрихе одним из гвардейцев. Никаких признаков насилия или старых травм. Но, молодая женщина ничего о себе не помнила и даже не подозревала, что с ней что-то не так. Засомневалась она после первых десяти лет жизни без памяти. Мэри не старела. Еще лет через десять она поняла, что не только она одна замечает, что никак не меняется. И с тех пор Мэри только и делала, что пряталась и старалась выжить. Под грузовик она бросилась намеренно, хотела проверить умрет ли? Не умерла.

Наверное, это и стало первым толчком в моих исследованиях. Я выкрал Мэри из больницы и начал эксперименты. Позже нашел единомышленников и оброс связями. Я много работал, много времени отдавал поискам похожих на Мэри. В конечном итоге нашел еще двух.

Они были старше, умнее и хитрее. Вот только и я к тому времени уже двадцать лет занимался исследованием феномена бессмертия. Увы, я совершил одну маленькую ошибку. Не учел естественный отбор и индивидуальность иммунной системы отдельных индивидуумов. Результат — зараженные модифицированными генами. Гены меняли своих носителей под себя и кто-то становился сильнее, быстрее и долговечней, а кто-то наоборот разрушался на глазах. К сожалению, умирающих было подавляющее большинство.

Модификация просто убивала непригодных носителей, вот только смерти подвергался исключительно мозг жертвы, так сказать главный орган отвечающий за тело. Как только мозг терял контроль в действие вступал модифицированный ген. Он действовал примитивно — искал пищу и защищал носителя. Проще говоря, человек превращался в зомби. Но только если ген передавался не непосредственно через кровь. А вот если его вводили в кровеносную систему результаты оказывались самые неожиданные. Организм носителя мутировал и в зависимости от количества введенного гена росли и мутации.

Я не мог прийти в себя от того счастья, что испытывал получая новое творение. И к тому же, наконец-то появились результаты по продлению человеческой жизни. Удалось вывести идеальную формулу и стабилизировать гены для введения их в здоровый человеческий организм.

Моя мечта наконец сбылась. Вот только пришлось покинуть планету временно непригодную для жизни, но ничего страшного — после массовой зачистки мы — ньюмэны сможем вернуться на нашу Землю. Время людей кануло в лету и настали времена ньюмэнов.

Земля.

“Последний Рубеж”.

Альрику Джонсону не спалось. И если бы его мучили какие-то важные, неотложные вопросы не было бы так стыдно и неприятно. К сожалению, генерала мучил невероятный и крайне неуместный в таких жизненных обстоятельствах “стояк”! Иначе и не назовешь. И опять же, он бы понял если бы такое было из-за недавно найденного чудом сохранившегося журнала “Play Boy” или на худой конец из-за полуголых ньюмэнш, что не старались скрыть своей привлекательности прекрасно осознавая, что никто из людей не посмеет к ним приставать — жить-то всем хочется. Альрика все эти маленькие радости уже давно не особо возбуждали. Зато Вибек... Вот причина бессонницы Джонсона.

Он сегодня совершенно беззастенчиво лапал ее, пока нес к машине и потом... Он так и не выпустил ее из рук до тех пор, как команда не добралась до “Рубежа”.

Вибек из-за неудачной вылазки и каких-то очередных мыслей касательно ньюмэнов внимание на генерала не обращала, а на движение его рук — тем более. Джонсон давно заметил, что если Вибек не видит, мест за которые ее трогают, то и не реагирует на прикосновения. Она просто не чувствует. Вот Джонсон, как последний извращенец и пользовался моментом, под неодобрительные взгляды Дарена и Адена.

Когда это началось? Да сразу! Ему стоило лишь поймать ее и взглядеться в нечеловеческие глаза самой человеческой из всех знакомых Джонсону за последние восемь лет людей и не только восемь лет, пожалуй, за всю его жизнь. Вибек поражала Альрика.

Борец по своей природе, Джонсон способен заметить в толпе равному ему по духу и Вибек была такой. Она боролась, несмотря ни на что и ни на кого, она боролась и выживала. Жаль только подобная воля к жизни не была продиктована инстинктом самосохранения. Вибек поставила перед собой цель — выживание семьи. Приоритетная задача не дать инфицировать и всячески уберечь от травмирования свою мать и сестру. Пока план работал.

Осторожный стук в дверь заставил Альрика подскочить на жестких досках кровати (от матраца генерал отказался в пользу какой-то семьи с двумя ребятишками).

— Войдите! — произвольно в гулкой тишине голос Альрика был подобен удару гонга — такой же громкий и резкий.

— Генерал, не разбудил? — Альрик лишь вздохнул на очередную глупость Дарена.

— Чего хотел?

— Ничего, сэр. Это все новоприбывшие. У них там намечается не шуточный конфликт, сэр — отрапортовал Дарен.

— И в чем проблема? Разберитесь. Неужели и это нельзя сделать без моего участия?

— Никак нет, сэр. Нам не позволено разнимать дерущихся, сэр.

— И кто же не позволяет?

— Вибек.

А вот это уже серьезный аргумент для того, чтобы подняться и не обуваясь выйти из временного жилища.

Дрэйк Бизарис смотрел на своего некогда соратника, почти брата и не только по оружию и не мог понять, как у них дошло до этого? Как они могли настолько накалить ситуацию, что сейчас стоят друг напротив друга с оружием в руках.

— Последний раз спрашиваю — ты готов мириться со слабым командованием и присутствием на территории зараженных? — в очередной раз спросил Грассо.

— А ты — нет? — стараясь оттянуть время до решающих шагов, вопросом на вопрос ответил Дрэйк, впрочем, Ражек не был так либерально настроен:

— Брат, мы здесь гости и если нас что-то не устраивает — эта милая девушка — кивок в сторону демонстративно стоящей в сторонке Вибек — с большим удовольствием выставит нас за пределы “Рубежа” и не сомневаюсь, тут же попытается прикончить.

— Вы сдохните еще в процессе “выставления из “Рубежа”” — оскалилась Вибек теряя остатки человеческого облика.

Она итак не особо походила на девушку, но стоило потерять контроль, как сейчас и полное сходство с зараженными становилось очевидным, только у них бывает такое “одухотворенно” голодное выражение на лице. Скольких она именно с таким лицом убила? Скольких покалечила? И скольких оставила в живых?

Дрэйк не знал ответов, но в отличии от проявляющего откровенную глупость Грассо, Бизарис точно знал, что не способен тягаться с этой ходячей машиной убийств. Она напоминала Дрэйку новенькую, только что смазанную маслом гильотину — тронь и остро наточенное лезвие опустится на твою никчемную голову.

Но, Дрэйку пришлось отвлечься от созерцания Вибек и обратить внимание на помощника генерала — Дарен, кажется?

— Разойдитесь! — расталкивая толпу людей вышел он вперед — на территории “Рубежа” запрещены драки между собой.

— Правила существуют, чтобы их нарушать, разве ты этого не знаешь, малыш — плавное, слитное движение, которое ни одному человеку не под силу разглядеть и вот Вибек уже стоит перед Дареном и касается своей когтистой рукой его скулы.

— Это прямое неподчинение! — последняя попытка начинающего отступить Дарена.

— Надо же — пытается изобразить удивление на лице Вибек — вот незадача — я никому не подчиняюсь.

— Я вынужден вызвать генерала.

— Ну, сходи, разбуди, беднягу Альрика — если бы Дрэйк не был уверен, что Вибек не способна на настолько человеческие эмоции, не сомневаясь бы заметил, что она вот уже с минуту издевалась над Дареном, заставляя некоторых из зевак посмеиваться в кулак.

Гроссо за это время поменял цели. Дрэйк после случившегося так и не сможет понять “почему”? Или на тот момент его бывшему другу стало жаль бывшего командира или ему просто показалось, что цель проще... Тем не менее, Гросс прицелился и выстрелил прямо в затылок Вибек, а потом еще раз и еще...

— Вибек! — крики генерала и сестры Вибек слились воедино вместе с победным кличем Гроссо.

Тело почти обезглавленное упало на землю перед расступившейся толпой. Джонсон склонился над ней, а Майя попыталась обнять. Вибек или точнее то, что от нее осталось не двигалось. Ну еще бы, после стольких выстрелов в голову никто не выживет.

— Если останутся шрамы, ты — труп, впрочем ты по-любому труп.

Она медленно вставала и вытаскивая из быстро зарастающих ран пули, качала головой. Последний патрон Вибек выплюнула и не давая трогать себя ни генералу, ни сестре оторвала плохо приросший клочок волос. Посмотрела на Гроссо, у которого кончились патроны и он сейчас пытался трясущимися пальцами перезарядить пистолет, неудачно, к слову сказать:

— Тупой ньюмэн, научись проигрывать — когда Гроссо схватился за автомат висящий у него на бедре, вздохнула Вибек и молниеносно приблизилась к нему, один вздох и Вибек уже стоит за спиной у ничего не понимающего Гроссо.

— Попробуй отнестись к этому философски — ты попытался, но не получилось — и она почти нежно прильнув к нему, обняла, резко пробивая пальцами грудную клетку, ломая кости и одним рывком разрывая Гроссо напополам, окунаясь с головой в фонтан из крови и мяса.

Те, кто смотрел фильм “Кэрри” (классический фильм ужасов 1976 года, снятый по одноименному роману Стивена Кинга), и помнит финальную сцену, где героиня была с ног до головы облита кровью, сможет понять, как именно выглядела Вибек, но в отличии от героини фильма, Вибек, как показалось Дрэйку была абсолютно счастлива и не дай Бог ему сейчас обратить на себя ее внимание. Дрэйк не был уверен, что одним Гроссо Вибек удовлетворится, а после такого представления — жить хотелось, еще как хотелось!

— Бека, твоя одежда — бедняжка Майя попыталась зацепиться сознанием за что-то еще, кроме как публичной казни.

— Прости, Джонсон даст мне новую — продолжая счастливо скалить зубы и с каким-то отстраненным вниманием наблюдать за бывшими единомышленниками Гроссо, отступающими назад, произнесла Вибек.

— Вибек, не смей — прошипел Альрик.

— Дрэйк не будет против — даже не глядя в его сторону ответила Вибек.

— Можно помочь? — неужели и Ражек туда же?

— Одного тебе, остальные — мои.

— Да без проблем — фыркнул Ражек и двинулся следом за рассекающей толпу Вибек.

— Куда это они? — не поняла Майя.

— Ражек поможет Вибек уб... — поняв кому и что говорит Альрик тут же исправился — убрать следы крови на одежде.

— Но почему он? Я бы могла, она его совсем не знает и вообще он же...

Дальше Дрэйк слушать не стал. Он попытался нагнать эту парочку. Вот только не учел, что никто не способен отследить Вибек, если она сама тоже не желает тем более, когда у нее такое паршивое настроение.

Опять шрамы останутся.

Глава 17. (Тот же день, глазами Вибек)

*Я научу тебя, как всем прийти по нраву,
Улыбки расточай налево и направо,
Евреев, мусульман и христиан хвали -
И добрую себе приобретешь ты славу.
Омар Хайям*

Я тут заметила, впрочем, я давно это заметила, но раньше меня не заставляли отмываться от крови и потому, как-то не особо обращала внимание на это — кровь сложно смыть.

Больше часа пытаюсь избавиться от следов, но чем больше я стараюсь оттереться, тем больше розовых разводов оставляю на тряпках и полотенцах. Особенно волосы, они не промываются, я уже успела выдрать клоч и не один, но волосы продолжают выделять красноту.

А все Майя! Стоило мне только переступить порог ворот “Рубежа” и Майя потащила меня в душ. Но, сестру позвали помогать на кухне в общей столовой и она ускакала, попутно наказав мне отмыться от крови и переодеться. Чем я была занята до сих пор.

Запах ходячего полутрупа я при всем своем желании ни с каким другим не перепутаю. Он такой один, аромат гниения с постоянной регенерацией. Мерзко, однако, действительно.

В отличии от меня, которой приходится штопать себя или наоборот поспешно вытаскивать пули из рубцующихся ран, такому как Аден, подобные ухищрения ни к чему. Его тело чем-то напоминает постоянно работающий инкубатор, то есть его клетки периодически созревают, но они не способны регенерировать, как мои. Аден вроде змеи, что периодически сбрасывает старую кожу и примеряет новую, а я наоборот не способна избавиться от прежней оболочки. Мы разные. И я пока не могу сказать, кто лучше, но определенно в подобной игре лучшим будет тот, кто выживет.

Правда, сейчас меня интересовали не особенности организма Адена, а причина, по которой он решил, что может вот так спокойно приближаться ко мне на расстояние нескольких миллиметров и прижимать свои ладони к моему животу.

Его дыхание сбилось еще при первом вздохе и сейчас он судорожно раздувал ноздри и принюхивался. Я тоже принюхалась, но ничего кроме шампуня не учуяла. В принципе, я прекрасно знала, что собирался делать мертвец сидящий в теле Адена со мной. Тут дело не в каком-то глупом сексуальном акте. Это просто желание подчинить, показать, кто главный. И думаю, у Адена были бы все шансы, не стань я мертвецом лет восемь назад. Прошло слишком много времени с того момента, как я была способна бояться кого-то и подчиняться кому-то.

Пока я раздумывала, над причинами, Аден перешел к действиям. Он, как и все хищники посчитал самым уязвимым местом на моем теле живот и естественно подобравшись к нему поближе попытался прокусить кожу зубами, оставив тем самым метку доминирующего.

— Пошел прочь — видимо, я не учла того, что пол в душевой был мокрым и скользким, и когда ударила Адена в плечо толчок оказался слишком сильным. Итог: Аден оказался в противоположном углу, валяющемся в отключке. А я с удивлением только заметила, что мыться больше нет нужды, кровь оттерлась.

Аден захныкал, приходя в себя, щура глаза, он остановил мутный взгляд на мне. Сейчас он был гораздо осмысленней. И его опять затрясло, он не попытался подняться с пола, а только подобрал под себя ноги и обхватил плечи руками, словно сильно мерз.

— Я успел что-то сделать, да? Последние дни это выходит из-под всякого контроля... Стоит мне немного расслабиться и я уже не способен себя контролировать. Что со мной? — хотелось бы и мне это знать, впрочем я почти уверена, что знаю.

— У тебя активная фаза — конечно, теория не моя и не мной подтвержденная, да и не к таким, как Аден применялась, но все же.

— И что это значит? — дрогнул голос Адена.

— Если я не ошибаюсь, твой организм стал чем-то схож с телами ньюмэнов, поэтому началась активная фаза, она присуща всем только вступившим в силу ньюмэнам. Это состояние при котором особи противоположных полов неосознанно тянуться к друг другу и путем физического контакта решают, кто будет доминировать в их паре, а кто так и останется пассивным партнером. Пару выбирают путем идентичного набора генного кода в организме избранника. Все просто, но только для ньюмэнов — пожимаю я плечами и начинаю обтираться полотенцем.

— И как они с этим справляются?

— Никак, им этого не требовалось. На данной фазе ньюмэнам вкалывали какую-то сыворотку, которая снимала “симптомы”, а после прохождения стадии активности ньюмэн становился почти нормальным. Но, при условии, что ему искусственно подбирали идеальную самку, иначе агрессивности и ненужного бунта было бы не избежать.

— Искусственно? — переспросил Аден, непроизвольно сокращая между нами расстояние.

— Ну да, на основе генов ньюмэна выводят идеально гармоничную ему пару. Грубо говоря, из ребра Адама создают Еву — вспомнилась мне библейская история.

— А что мне делать? — однако, Аден уловил суть — молодец.

— Откуда я знаю? — пожимаю плечами.

Если быть откровенной, я сама теряюсь в догадках. Мало иметь представление о проблеме, нужно видеть решение, а я его к сожалению в упор не вижу. Отсюда и вывод — ничем не могу помочь и не важно хочу я этого или нет.

Ньюмэнов создавали лучшие умы человечества, особенности их качеств и стремлений развивали гении, против которых я — никто. Даже в голове не укладывается весь масштаб проделанной работы, что уже говорить о каких-то действиях.

За такими мыслями, я успела одеться и даже волосы заплести. Руки действовали на автомате, хотя пальцы и отвыкли от некогда привычной работы. Я как будто училась заново столь простым для человека вещам и столь сложным для меня.

Аден наблюдал за моими манипуляциями слишком пристально, напоминая змею, что готова к прыжку в любой момент.

— И не смей больше скалиться на меня — выходя из душевой, обернулась и кинула последний взгляд на Адена — еще одного такого срыва я не потерплю.

Да, я могу позволить много, но попытку доминирования надо мной — никогда. У меня уже есть один хозяин и приобретать еще кого-то в этом качестве нет ни желания, ни сил. Быть пустой и бессознательной машиной убийств для сестры — это одно, а давать кому-то контроль над собой в любом состоянии — это совсем другое. Я не готова к подчинению.

Я заметила боковым зрением, что обитатели Рубежа завидев меня шархались в

стороны. Неужели до них дошло с кем придется делить территорию? И что теперь? Выгонят?

— Смотрю, поклонников у тебя прибавляется — Мангус.

Я даже головы не повернула в сторону этого млекопитающего.

— Вибек, не строй из себя тупого мертвяка! Ты же прекрасно меня слышишь — очевидно ему не с кем пообщаться.

Наверное, мой путь бы так и продолжился под раздражающие вопли Мангуса, если бы не ньюмэны. Точнее, один из них. Ражек. Он идет навстречу мне и его фосфорицирующие глаза сейчас были сосредоточены на мне. Чего ему надо?

Абсолютный доминант и самый сильный из всей шайки отходов изобретательских умов. Он сильно выделяется. Пах иначе, смотрел иначе и говорил иначе. А еще он относительно, но все же, осознавал, что больше не человек, а нечто иное, не поддающееся классификации. И его это устраивало, как и меня устраивало, что Ражек не глава ньюмэнов. Думаю, в противном случае “Рубежу” бы не поздоровилось.

Это не мнительность, которой я совершенно не подвержена, просто сегодня я специально позволила Ражеку идти со мной на зачистку и видела достаточно, чтобы оценить по достоинству силу этого ньюмэна. Быстр, решителен, внимателен и самое опасное — всегда на чеку. Его нельзя застать врасплох. Мы похожи. Это очень плохо.

— Надо поговорить — бросает отрывистую фразу Ражек и продолжает следить за мной.

Он ждет реакции. Почему-то никто не пытается учитывать то, что обычно сначала нападают на меня, а уже потом я начинаю реагировать, но никак не наоборот. Вот и сейчас, он будто ждет, что от одного предложения я попытаюсь перегрызть ему плотку. Или попытаюсь? Когда узнаю причину.

— Мангус — обращаю я внимание на полного любопытства человека.

— Да понял, понял, уже ухожу — подозрительно быстро отступил этот неугомонный.

— Учти, я чую запахи за три мили — предупредила.

— Черт!

Донеслось уже из-за поворота. Все-таки жаль, что я не встретила Мангуса лет десять назад, мы могли бы стать друзьями.

— О чем ты хотел поговорить? — не сходя с места, а точнее с дороги, спросила я.

— Я нашел пару, или, как ты выражаешься самку — и к чему это признание? Да еще и вид столь настороженный.

— Какое мне до этого дело?

— Это твоя сестра — прямолинейно — впрочем, мне было бы все равно, любой с таким набором генов подошел, но увы вас тут только трое. И твоя мать отпадает первой, она стара и уже имела мужчин, ее запах скорее отталкивает. Остаешься ты и твоя сестра. Ты на подобное никогда не согласишься. Вот я и выбрал Майю, она быстро привыкнет...

Я не поняла, как это случилось, но через секунду ньюмэн валялся на дороге со сломанной челюстью, которую, впрочем почти сразу вправил.

— Только тронь — убью! — мертвец внутри меня встрепенулся, почувствовав скорую бойню.

— Брось — отряхивая штаны, покачал головой Ражек — все просто, или ты отдаешь мне ее, или я заставлю тебя отдать.

— Интересно, как? — невольно ощущая, что внутри меня все корчится от ненависти, я

продолжала удерживать себя.

— Я сегодня окончательно убедился в своей теории. На деле все оказалось так просто. Невероятно просто. Она ведь тебе приказывает, а ты не в состоянии послушаться, особенно в этом состоянии, когда ты разумна.

Я вздрогнула, всем телом. Ведь знала же, что рано или поздно кто-нибудь узнает. И когда узнает попытается воспользоваться этим секретом в своих интересах, но право слово, не ожидала, что это будет вот так.

— Это ложь — я понимаю, что хватаюсь за соломинку, понимаю...

— Не стоит притворяться, тем более так неумело. И раз мы прояснили этот вопрос, давай подумаем вот о чем — стоит твоей сестре приказать и ты исполнишь что угодно, даже обольешь себя бензином и подожжешь. Не так ли?

Именно так, кусок собачьего дерьма! Я знала, с самого начала знала, что ньюмэны уроды, ублюдки этой планеты, не способные существовать бескровно и не причиняя боли.

— Не пойми меня неправильно, ты даже начала мне нравится Вибек, но я видел, как двое подобных мне кидались на любых женщин, насиловали их, убивали, а со временем сходили с ума и превращались в бесплатную кормежку для падальщиков. Я не хочу кончить также, не могу позволить себе скатиться до скотского состояния, только потому, то какая-то девка не даст себя оттрахать. И не сжимай так кулаки, это для тебя Майя — любимая сестра, для меня она всего лишь девка.

Девка значит? Ну, тогда:

— Сестру не отдам — это не был ультиматум, просто констатация факта — о наших отношениях с ней тоже никто не узнает и о нашем с тобой договоре.

— Любопытно — потер подбородок Ражек — что ты собираешься дать мне взамен, о каком договоре речь?

— Взамен на эти условия, ты получишь меня. В качестве самки — приблизилась я вплотную давая себя чувствовать.

В конце концов мое тело жрал не один десяток мертвецов, оно получило в себя полцентнера свинца, меня резали, били, ломали и уродовали. Так, что секс с Ражеком по сравнению с выше описанным? Ничто. Совершенно ничто. Я даже не пойму, не почувствую и не вспомню (без пицци) об этом.

— Даже так? — рычащие ноты в голосе выдали Ражека с головой, он хотел меня, сильно, бешено, как настоящий самец хочет самку.

— Именно так — рывком прижимаясь к нему, прошептала я в приблизившееся лицо.

— Я согласен. Никто не узнает. И даже больше, уже знающих тоже не останется.

Его губы приоткрылись, Ражек высунул язык и совершенно некрасиво облизал мою кожу на шее в том месте, где у обычных людей артерия. У меня же там нет ничего интересного. И потому совершенно не вызывает эмоций.

— Сегодня придешь ко мне, после отбоя.

— Почему я к тебе?

— Потому, что я не собираюсь давать всем ньюмэнам в палатке.

Его пальцы на моем затылке напряглись после этой фразы, шею сдавило.

— Никому ты себя не дашь!

— Это почему? — ничего такого, чистое любопытство.

— Чужого запаха не потерплю и...

— Я пошутила — оборвала я изливания Ражека, почуяв запах генерала. Надо срочно

избавиться от ньюмэна. Не знаю почему, но мне не хочется, чтобы Джонсон видел Ражека рядом со мной, да еще и вот в такой позе.

— Иди — толкая Ражека и выскальзывая из его рук, махнула я.

— Настолько не нравлюсь? — это вопрос?

— Нет, просто ненавижу ньюмэнов всех и тебя в первую очередь. Иди, встретимся ночью.

Ражек, окинул меня напоследок светом своих мерзких глаз и развернувшись продолжил свой путь. А я с наслаждением вдохнула воздух пахнувший Альриком. Почему-то сейчас он мне стал казаться гораздо приятней, чем обычно. Или все дело в ньюмэне, что посмел поставить меня на колени.

И все-таки... мне нужна одна только возможность и от Ражека не останется даже пятна вонючей ньюмэновской крови.

*Увядающая сила!
Умирать так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.*

Темнота накрыла “Рубеж” резко. И не ясно, как бы я протянула еще минуту, оставаясь в подвешенном состоянии. Мое тело отказывалось подчиняться и шагать в направлении собственного угла. Стоит только представить, кто меня ждет там и всякое желание идти отпадает. Желание? Хм, раньше у меня такого не было. То есть — желания. Обычно, все сводится простому — “надо” или “не надо”. Видимо, эти чужие мозги имеют какой-то побочный эффект, иначе и объяснить не могу с чего бы сейчас рассуждала, как типичный человек из плоти и крови.

Дверь из-за старых и не смазанных петель скрипнула. Ражек был уже здесь, кто бы сомневался, стоял у окна и на звук обернулся. Его мощная фигура не вызывала страха или трепета, только дикое желание убить. Изничтожить. Но, вместо этого, я должна буду лечь под него. Не очень приятно. С человеческой позиции. Крайне выгодно с моей. Живые существа чрезвычайно уязвимы в подобные моменты близости. Да, я понимаю, что не смогу убить его сегодня, но ведь не вечно же его будут окружать другие ньюмэны. Мало ли ситуаций, кого разорвут модифицированные, кто-то просто пропадет, а кого-то убьют сами люди. И когда это произойдет, Ражек останется один и вот тогда, я его уничтожу. А пока он неформальный лидер ньюмэнов, способный меня шантажировать, мне придется сделать вид, что такой, как он способен усмирить такую, как я.

— Знаешь, это очень интересно — подходя ко мне и вглядываясь в полумраке комнаты в мои очертания, произнес Ражек.

— Что?

— Наблюдать за тобой. Ничто не выдает в тебе не человека и уж тем более не живого человека. Ты — красива, очень. Даже эти шрамы и раны не способны испортить тебя — его руки касаются моего лица.

И вот тут я отключаю себя. Да, такое тоже могу. Точнее, мой мертвец может. Выключить себя. Полная потеря тактильных и мануальных ощущений. Неплохая вещь, если слишком часто получаешь сотню-другую пуль на десерт. Правда, делать это возможно только, когда в теле бурлят чужие мозги, именно их структура способна приостанавливать и контролировать мозговые волны, что посылаются по телу.

— Что это было?

Он улавливает легкую дрожь и не понимает. Ему нравится, вижу по глазам, чую по запаху. Ньюмэн склоняется надо мной, принохивается и... кусает. Да, не так, как это делают инфицированные и не так, как хотели бы модифицированные. Он кусает меня, словно метит. В шею. Я не пытаюсь его остановить. Ражек шумно вздыхает, целует место укуса. Оттягивает ворот кофты, просовывает руку, сжимает левую грудь, затем правую, рык, сосок не напрягается, мнет его, но не получает должного эффекта, вздох.

Еще один вздох и меня валят на пол. Он рвет мои штаны, заметив, что больше нет преград — рычит громче. Пальцы царапают сухую кожу, теребят и сминают.

Раздвигает мне ноги, сильно. Будь я человеком сухожилия бы уже порвались. Но, я не человек. И кажется, искренне рада. Да, я рада, что здесь, сейчас нахожусь именно я, а не Майя. Улыбаюсь и ощущаю движение внутри себя, сначала только один палец, затем два. Это, как лечить зуб, но при анестезии, вроде и не больно, но все равно что-то да чувствуешь.

— Узкая, такая узкая — хрипит он.

Спускает свои штаны, направляет себя в мое лоно. Замирает, чувствуя соприкосновения плоти, рывок, еще один, вошел целиком, расслабляется на секунду и тут же начинает двигаться, как отбойный молот. Моя спина елозит по грязному полу. Опять придется мыться. И штаны новые, наверное, тоже надо будет искать. Кофту ньюмэн не рвет, только задирает, сжимает грудь вновь, трется о нее лицом, целует, кусает, сосет и лижет. Гадко? Нет. Не знаю. Не чувствую.

— Хочу сзади — рычит он.

Пожимаю плечами и оказываюсь на четвереньках. Мне не больно и не противно. Мне все равно. Потому, что я уже мертва и вот это — ничто. Ничто по сравнению с десятком рвущих меня когда-то инфицированных. Ничто по сравнению с пулями впивающимися в тело. И совершенно ничто, если вспомнить кого Ражек хотел Так использовать.

Он целует меня в затылок и двигается, двигается, двигается...

Не меньше четырех часов. Пытка. Зато уже все. Зато теперь я могу выползти из-под него. Спит? Вроде. Встаю, дрожь в ногах, меня шатает. Ну и пусть. Я все равно хочу уйти, мне надо уйти.

— Куда? — не спит.

— Мне надо помыться и одежду новую найти.

— Иди сюда.

Это приказ. Прямой. Он лежит на моем матрасе. Подхожу. Я думала, что уже все. Дергает за руку, укладывает рядом, прижимается и целует в губы. Я не против, какая разница?

— Останешься со мной до утра — еще один приказ.

Пожимаю плечами и не двигаюсь.

— Тебе противно?

— Нет.

— А было?

— Нет.

— Почему тогда не отвечала?

— Мне не противно, мне просто все равно — и это правда.

Удар по щеке, кажется, злиться.

— А сейчас?

— Также — смотрю я на него, мертвыми глазами.

— Зачем ты так?

— Не понимаешь, да? — конечно, он не понимает — если бы я чувствовала что-то, никакие угрозы бы не помогли. Я бы кинулась на тебя и убила. Разодрала лицо, выпотрошила и сожрала бы мозги. Ты — тварь, которую я ненавижу больше всего. Все еще хочешь, чтобы я чувствовала?

Он отпускает меня. Не знаю почему, но отпускает. Встает и одев штаны, уходит. Молча. Минута, другая... И я слышу это. Вой, крик и выстрел. Интересно, кто остался в живых и чем это обернется?

Когда Майя ворвалась в дверь, я уже успела подвязать разорванные штаны и даже более устойчиво встать на ноги. Глаза сестры выражали такую бурю эмоций, что мне стало не по себе, я как раз перестала сдерживать себя и вполне естественно прореагировала на сестру.

— Бека! Там такое!

— А точнее?

— Аден пытался убить Ражека, но тот ему чуть голову не оторвал и тогда... — у сестры задрожали губы.

— Милая, можешь не говорить, если...

— Дарен стрелял в Ражека, а тот... Тот, ему шею сломал! Дарен мертв!

И она разрыдалась. Глупенькая, какая разница, я все равно рассчитывала, что кто-то кого-то прибьет. Жаль, конечно, что умер именно человек, но что поделать, в схватке с ньюмэном у человека нет шансов.

Я обняла сестру, потом отстранилась вспомнив, что слишком грязная для того, чтобы прикасаться к Майе и это не фигурально выражаясь, а буквально. Ражек постаралась облизнуть и пометить меня всевозможными способами. Не хочу, чтобы на Майе был его запах, потом же самой противно будет.

— Пойдем, посмотрим — обхватив тонкое запястье сестры, повлекла я ее за собой.

Мда, меньшего я и не ожидала. Драма на лицо и не только на него. Аден обезумел от горя и кидался на всех подряд не подпуская к телу брата людей. Ражека обступили ньюмэны, теперь он для них приоритет и биться будут до последнего. Джонсон, похоже единственный, кто совершенно не понимает сути происходящего и только украдкой трет красные глаза. Или недосып или так смерть Дарена повлияла? Скорее первое. Ко мне поспешил Мангус и Фриц. Вольф подошел сзади и мягко, но демонстративно положил ладони на плече Майи, которая даже не дернулась. Мария восседая на руках брата, прятала лицо у того на груди. Зачем ребенка-то притащили.

— Ну не х** себе! Я-то было думал, что малышка — Бека просто преувеличивает сс своей ненавистью к этим парням, но видеть собственными глазами, как этот урод ломает шею Дарену достаточная причина для понимания правоты нашей мертвой девочки.

Мангус! Наверное, он второй после ньюмэнов в личном топе самых отвратительных существ. И почему не он попался под руку Ражеку.

— Я тебя прошу, милая мертвячка, не строй таких рожиц, нас могут неверно понять.

— Заткнись — я почти благодарна Фрицу.

Мы так и стоим в стороне от разворачивающейся драмы пока... Пока две пары глаз не скрещиваются на мне. Аден и Ражек. Я же поднимаю глаза на Ражека. И еще слышно, на грани шепчу:

— Назови мне хоть одну причину — обвожу глазами периметр, мать рядом с Джонсоном, а рука Майи по-прежнему сжимает мою.

Пусть ньюмэн мне назовет хоть одну причину, чтобы я не убивала его прямо сейчас. Ведь я не вижу ничего, чтобы могло меня остановить.

— Тревога! Тревога! Сюда направляются неопознанные летающие объекты!

— Что б я сдох на месте, если это не те самые человеческие монстры!

Крик Мангуса заглушается паникой людей, после прозвучавшей тревоги. Однако, Ражеку невероятно везет. Но, так будет не всегда.

А сейчас у меня есть вполне реальная проблема и совершенно точно, что она ни капли не надуманная. К нам летят настоящие ньюмэны.

*Когда над лесом свет взойдет
И боль,
И кровь,
И смерть
Придет...*

Иногда на меня находит странное состояние. Знаете, как в замедленной съемке. Кругом неразбериха, летят в стороны ошметки кишок и кожи, хрустят под ногами кости рук, ног, голов, в воздухе витает аромат крови, гниения и чего-то еще до боли знакомого.

Именно в этот момент во мне происходит какое-то замедление. Словно, я — муха, увязшая в варении и оно не дает мне ускориться. Вот и сейчас я шла. Попутно, с мясом вырывая чужие конечности. При этом казалось, что время вокруг замедлилось.

Мои цели находились невдалеке, совершенно незащищенные и такие соблазнительные, грязно притягательные, будто созданные лишь затем, чтобы сдохнуть от моей руки. Я смотрела на них и... и узнавала. Каждого, каждую.

А еще час назад Джонсон уговаривал меня попытаться с ними наладить контакт. Ага, попытался, идиот. Ньюмэны на части порубили парламентаров. И кусками их тел выложили послание, где в крайне вежливой форме потребовали, чтобы мы свалили отсюда к такой-то матери, ведь им срочно понадобился наш “Рубеж”. После подобного ответа на жест доброй воли, генерал таки решился на резню.

Правда, выводить из игры Ражека с остальными ньюмэнами и Адена в придачу пришлось все же мне самостоятельно. Идея обезвредить их и не дать вмешаться в ход событий возникла у Мангуса. Расчет прост. В бою не такие уж и важные они элементы, а вот отвлекать вполне могут, как и мешать. Особенно Адена.

Он совершенно обезумел после потери Дарена. Кричал и кидался на меня с просьбами излечить его братца, будто я в состоянии воскресить мертвеца. Реального мертвеца. В итоге поняв, что я не способна помочь, пошел в открытую на Ражека. Конечно, ньюмэн не совсем беззащитен, но все же. Будь у Адена хотя бы третья часть моей силы и Ражек — труп. А как только он превратится в хладное тело, ньюмэны “немного” сойдут с ума, что в теперешней ситуации ай, как не хорошо.

Сарказм? О, да этого даже смерть отнять не в состоянии. Но, без лишнего юмора ребята приняли местную анестезию моего личного приготовления. И рядом улеглись в одном из сараев. Думаю, мне стоит оказаться где-нибудь подальше, когда они проснутся.

Но, пока я шла и думала... Да-да, думала, что все происходит в замедленной съемке и этот мир погряз в ярко-красном клубничном джеме, сквозь который я пытаюсь пробиться. И ради чего? А точнее, кого?

Вон той троице? Ньюмэны высшего порядка. Никогда прежде они не показывались общественности. То есть, раньше, будучи еще людьми они, конечно, жили среди себеподобных. Но после того, как первые успешные клинические испытания на них окончились триумфально (по мнению придурков — ученых) эта тройка подопытных прекратила контакты с людьми. Точнее они решили, что стали выше всякого сброда вроде земного населения.

Но я помню, как их ломало, как эти тела потрошили и как они блевали кровью, а от каждого спазма в желудке, расслаблялся их кишечник и они дружно обделялись под себя. Также из памяти не сотрется мое первое секс-видео с их непосредственным участием.

Как и все ньюмэны они тоже были подвержены чрезмерному желанию иметь все, что под руку попадет, а им попадались исключительно они сами. И вот эту групповушку я и наблюдала. Две лысые, с еще не до конца зажившими шрамами девки и ужасающий меня (на тот момент) мужик невероятных габаритов. Впрочем, было весьма и весьма познавательно. Я поняла именно в тот момент, что они больше не люди. Скорее на грани непознанных тварей и диких животных. Жуткие ублюдки.

И вот, сейчас, казалось бы, в другой реальности, мы снова встретились, правда, лицом к лицу. Да и теперь я не могу сказать с точностью, кто из нас большая тварь — я или они?

— Люди! Мы все еще можем договориться! Просто отдайте нам ваше оружие и провизию — орет Адам, да-да первый удачный из ньюмэнов стал Адамом, а блондиночку переименовали в Еву, брюнетка — Лилит. Издевательство над Библией.

Интересно, а на что он рассчитывает, выкрикивая слова Такого перемирия и при этом паля по по каждому.

— Ах, ты, сукин сын! — Альрик на пределе, он еле сдерживает себя, стараясь не кинуться в гущу.

— Даже не думай! — хватает его за руку Шуйбе. И то верно, если “Рубеж” сейчас лишится командира можно будет смело ставить на этом месте крест.

Все эти мысли проскальзывают мимо, как и люди, что двигаются чересчур медленно. Хотя... Я начинаю думать, что не они медлят, а это я слишком ускорила. И мне нравится это. Очень. Особенно, как расширяются зрачки Адама, когда он изумленно смотрит на меня, стоящую в паре шагов. Да, этот глупый ньюмэн не заметил моего приближения. Он наводит на меня пистолет. Стреляет. Мимо. Еще. И опять мимо. Один прыжок и мы вплотную друг к другу.

— Всегда хотела попробовать на зуб первого ньюмэна — оскаливаюсь я.

Что-то хрустит, рвется. Опускаю взгляд, на груди расплывается пятно, толчок, по инерции оборачиваюсь. Ева. Сука. В ее руке мертвым обрубок застыло мое действительно мертвое сердце. Я только глаза сузила. В прошлый раз это самое сердце мне пришлось в срочном порядке пришивать леской. И она была довольно прочной, где еще одну такую достану?

— Тебе своих сердец мало, что ли? — шутка не очень, впрочем дальше будет весело.

Пока Ева странно застыла, я метнулась к ней. Три удара. Три удара ее сердец и вот уже я жонглирую одним из них. Ева визжит. Попутно я еще и кисть руки отхватила, в которой было зажато мое собственное сердечко. То-то Ева орет словно свинья резанная. Ах, как я люблю такие звуки. Не удержалась и откусила добрую часть ее теплого, парного сердечка. Не вкусно, зато эффектно. Ну, ньюманов точно пробрало, а вот людей “Рубежа” этим уже не особо шокируешь.

— Что это за тварь?! Убейте ее! — о, Лилит подключилась.

Они кинулись вместе и на секунду... Да-да, на целую секунду мне показалось, что этим ничемным созданиям удастся уложить меня на лопатки. Только секунда. А потом в воздух своеобразным фейерверком полетели сердца. Мне почему-то до жути нравились их дикие глаза, когда я дергала за последнее из сердец и подкидывала еще бьющуюся плоть в небо. Чистый экстаз... в котором заходилась мой мертвец. Твари, что загубили мир, твари, которые

для неясной цели уничтожили цивилизацию, все они сейчас заходились в агонии, все...

О нет... О нет, нет, нет!!! Майя! Что она, черт побери здесь делает?! Нет!

Эта дурочка вышла за ограждения и вместо того, чтобы прикрыть голову и слиться с ландшафтом сестра высматривала кого-то. Меня. Увидела. Нет, пожалуйста! Не иди сюда! Кто-нибудь!

Раскидывая ньюмэнов, инфицированных и просто людей, я побежала к ней. Выкрикивая непонятную тираду, только, чтобы она оставалась подальше. Это не действовало. Майя лишь сильнее устремилась на встречу.

А потом... Потом был выстрел. Один, бл*дский выстрел. И я перестала двигаться. Застыла. Пуля попала. Не в Майю, а в мою мать, которая оттолкнула сестру.

Меня накрыло.

Ньюмэн Ражек.

Ражек Дробжеш никогда не отличался особой чувствительностью к подобным зубодробительным картинам, что сейчас предстали перед его взором. На самом деле Ражек к которому, в отличии от остальных из группы, почти полностью вернулась, утерянная перед экспериментом память, еще с раннего детства, проведенного на семейной скотобойни, привык к запаху свежего мяса и синевато бордовому виду вываленных кишок. Но, то, что Ражек видел сейчас даже его несколько шокировало. Что уже говорить о скорчившихся на земле людях.

— Кто?

— Вибек! Что б ее! Кто же еще! — кажется, этот долговязый особенно бесил Вибек.

— Мангус, давай потом будешь высказывать свое недовольство — одернул его товарищ, трепетно прижимая к себе сестру Вибек.

Майя за это время только и могла, что беззвучно рыдать. Сильнейший шок от внезапной смерти матери вкупе с кровавой баней устроенной у нее на глазах и не абы кем! А собственной сестрой. Майя просто старалась не давать пониманию проникать в заторможенное сознание.

— Куда она могла пойти? — не смущаясь осуждающих взглядов перед Майе встал, чуть ли не нависая цементной стеной Джонсон.

— Куда угодно — прошептала девушка.

— А более точно?

— Генерал!

— Не ори на меня Вольф! У тебя еще будет время успокоить девушку, а вот отыскать обезумевшую Вибек — вряд ли. Чем дольше мы тянем, тем дальше она уходит.

Какой рациональный подход невольно восхитился Ражек. Но, его все эти разговоры не особо интересовали. Ражек прекрасно знал в каком направлении ушла Вибек. Нет, он не чуял ее запаха, ведь Вибек ничем не пахла, зато кровь, которую она проливала и забыли смыть давала вполне точные координаты и ньюмэн в ближайшее время собирался ими воспользоваться.

Дробжеш просто не мог остановить себя и свои инстинкты. Внутри него все кипело, особенно остро реагируя на дальнейшее расстояние самки. Конечно, Ражек мог долго и даже красиво распинаться перед Вибек о том, как она его восхитила, как поразила и наконец покорила, но ньюмэн сразу понял, что подобные слова, да и любые действия подобного

порядка ни к чему не приведут. И все потому, что дама его сердца попросту вполне спокойно может обходиться и без его сердца и без своего собственного. Что она сегодня и продемонстрировала.

Вибек за долгое время прибывания в состоянии полутрупа забыла что такое обычные человеческие чувства и отношения. Она не могла любить, не могла страдать и уж подавно не была способна злиться. Зато она помнила, как ненавидеть. И Ражек на собственной шкуре испытал ее ненависть.

А потом еще и эти космические захватчики. Они отвлекли их. Заставили отодвинуть отношения на второй план и в итоге Вибек сбежала.

Конечно, Ражек понимал, что сейчас не о отношениях думать надо. Но понимать и делать две разные вещи. И он продолжал вспоминать шелковистые волосы, сухую, но теплую кожу, поджатые губы и равнодушные глаза.

Дыхание слегка сбилось, оповещая его о том, что позади осталось километров семь — восемь. Далеко же она забралась!

Спустя сутки и еще сутки, день за днем прокручивая эту сцену в воспоминаниях Ражек укорял себя. Ненавидел. Но, понимал, что если бы все можно было вернуть назад, он все равно поступил бы точно также.

Вибек лежала на лысой, холодной земле посреди какого-то поля. Лежала, с широко раскрытыми глазами и даже не пыталась имитировать дыхание. Всем своим видом она давала понять, что от нее следует держаться подальше и по возможности подольше.

Ражек не обращая внимание на ее порывивание, когда перекидывал с земли к себе на грудь и сжимал бедрами ледяные ступни Вибек (скорее для самоуспокоения, ведь Вибек не чувствует холода) прижал ее мокрую от крови голову к своей шеи и опустил на макушку массивный подбородок.

— Я не боюсь тебя. Ты мне не противна. И я знаю, что такое — одиночество. Я хочу тебя, наверное, люблю и скорее всего никогда не смогу оставить в покое, ну разве что ты убьешь меня? Послушай, девушка — война, ведь твое имя означает войну? Я не могу обещать тебе ничего, кроме одного. Я отомщу за твою мать, за твое прошлое и за твое настоящее, если ты мне это позволишь — спокойно, стараясь не обращать внимание на рычании при упоминании матери и мести, произнес Ражек.

— Я хочу тебя убить. Прямо сейчас — односложно сообщила Вибек на все, как и думал, бесполезные излияния Ражека.

— Но ты этого не делаешь.

— Ты. Защитишь мою сестру. Я. Отомщу!

И Ражека пронзила острая ни с чем не сравнимая боль. Он сжал руки и понял, что не может удержать силу, ослабевая и заваливаясь на бок. Сквозь пелену на глазах, Ражек наблюдал за тем, как Вибек пошатываясь поднимается, а в ее руках бьется что-то слизкое и бордовое.

— Извини. Твое сердце. На время. Мое — она просунула руку в зияющую дыру в своей груди, которой Ражек не заметил за ворохом лоскутов.

Что Вибек сделала дальше ньюмэн уже не смог увидеть потому, что банально потерял сознание. Напоследок подумав — “А жизнь, в сущности, была совершенно никчемной”.

*Совсем не знак бездушия — молчаливость.
Гремит лишь то, что пусто изнутри.
(Уильям Шекспир)*

Я и при жизни не любила говорить. Точнее, у меня почти не было слушателей, за исключением Майи. Правда, моя сестра редко понимала о чем именно я говорю, а потому как-то не получается засчитывать ее в свою персональную команду собеседников. Вообще-то дело было во мне. Впрочем, с возрастом начинаешь понимать и воспринимать все несколько иначе.

К примеру, раньше я считала, что мои родители, ровесники и все остальные, прочие люди просто глупее меня. Сейчас я могу признать, что большую часть времени сама тупее любого идиота, но разве такая вещь заслуживает презрения? Разве, имеет кто-то право пренебрегать другим человеком только из-за разницы в умственном развитии или социальном статусе, физических признаках, половой принадлежности? Думаю, что — нет.

К чем я об этом подумала? И как у меня это получилось? Ну, столь связно мыслить и рассуждать? Ответ оказался на поверхности — ньюмэны.

То, что они забрали у нормальных людей. Нет, не привычную жизнь или здоровье. Ньюмэны забрали саму суть. То, что делает нас людьми. Я не знаю помогла бы пересадка органов модифицированным, но лично мне сердце ньюмэна принесло ясность сознания. Хотя, забирала я его сердце совсем для другого. И даже вспомнила зачем я это делала. Есть база. Засекреченная база ньюмэнов с посадочной площадкой и если повезет, с шаттлом на ней.

Я хочу попасть на нее. И не только. Думаю, самое время мне спустить с Небес на Землю ньюмэнов, в прямом смысле этого слова. Вот только, допуск на базу открыт лишь для ньюмэнов. Система защиты скоординирована на сердечном ритме ньюмэнов. Поэтому Ражеку и пришлось побыть донором органов.

С другой стороны, ему крупно повезло. Я не убила его. А как хотелось... Дело в том, что как я ранее упоминала, у ньюмэнов традиционно три сердца. И для каждого есть свое место. У человека, пусть и у бывшего, не может быть больше одного сердца. То есть, запихать в себя три сердечка я способна, но заставить работать — нет. К сожалению, сердечная мышца на подобное не способна. Вот и пришлось позаимствовать только одно сердце и оставить биться два других. Системе защиты все равно на каком расстоянии друг от друга бьются идентичные сердца.

Откуда мне это известно? Вспомнила.

Именно этот недочет был у злого гения выстроившего базу. Впрочем, он мог просто не представлять, что кто-то будет способен столь оригинальным путем проникнуть на сверх охраняемый объект. Я и сама считала, что подобный вариант один на ноль-ноль десятую из миллиона. Это везение, если кто-то еще в него верит.

Сейчас я стояла у бетонных ворот, огражденных колючей проволокой. Мир претерпел немислимые изменения, но некоторые вещи так и остаются прежними. К примеру, колючая проволока. Чисто символическая преграда, по сути еще ни одного инфицированного такой железкой не остановить. Но, человеческий тип мышления ничем не перебьешь. Наверное.

Я подошла к тепловому визору и наклонилась так, чтобы грудь казалась на одном уровне с ним. Загорелась красная лампочка, через секунду сменившая свет на зеленый. Допуск разрешен. Совершенно бесшумно распахнулись, на вид проржавевшие, ворота.

То, что я увидела следом пробудило очередную ноту ненависти и сдавило спазмом горло. Модифицированные. Прикованные к балкам по всему периметру. Хромированные цепи на основе титана были в состоянии удержать их. И не просто удержать, двое уже были мертвы — задохнулись, пытаюсь освободиться.

Ньюмэны держали модифицированных для защиты от людей и инфицированных. Проще говоря, одни бывшие люди поработили других бывших людей. Как это все... по-человечески.

Эти модифицированные странным образом были похожи между собой, они сильно смахивали на полулюдей полуживотных. Хоботы, лапы, пасти, хвосты из гибких позвонков. Они не были отвратительными, скорее уродливы.

Я отпущу их. И на этот раз рядом нет сестры способной указывать мне. На этот раз умрут действительно плохие парни.

Оскалившись, я стряхнула с себя остатки ненужных тряпок, пропитавшихся запахом крови на которой и реагировали модифицированные и пошла к ним. Первыми я освободила самок, показывая самцам, что не намерен причинять боль. Правда, “освободила”, звучит слишком гордо. Я просто вырвала из земли балки. Увы даже мне не под силу разорвать титановые цепи. Но, модифицированным этого и не требовалось. После того, как на свободе оказались трое из них, самки стали деловито расшатывать звенья и теперь только ошейник напоминал о их сторожевой деятельности.

Самцы смотрели на меня с опаской, но позволили себе помочь. Я же осознала, что они достаточно разумны, значит, постоянно питаются. Скольких же эти милашки сожрали?

Стараясь не поворачиваться к ним спиной, я открыла еще один тепловой замок. Уже в ангар. Двое модифицированных зарычали. Утробно и предупреждающе. Правильно, они в своем праве. Хотя, будет жаль, если пострадает техника и боеприпасы. Но, надо быть конченным идиотом, чтобы пытаться им мешать. Поэтому мне осталось только посторониться и махнуть рукой.

Ньюмэны не ожидали. Совсем. Модифицированные порвали охрану и двинулись дальше. Я шла следом чавкая голыми ступнями по кровавой каше. Похоже, сегодня мне не достанется ни одного ньюмэна. Не сказать, чтобы я сильно расстраивалась по этому поводу, но и радости не испытывала. Скорее полное и абсолютное равнодушие. Равнодушие... Пока не ощутила его. Запах. Не человеческий, не ньюмэновский, не модифицированных и даже не инфицированных. Тот запах, что забил мои ноздри и наполнил мертвые легкие смрадом своего аромата, принадлежал такому же как и я. Недочеловеку. И эта особь направлялась прямо ко мне, оно тоже почуяло.

Время замерло, когда я увидела первого обезглавленного модифицированного. Нет, вид меня не шокировал. Другое. Оно стояло над трупом. А черные непроницаемые глаза смотрели на меня. Оно не было разумно, не было развито. Высокая, скелетообразная фигура, голый череп с множеством шрамов, словно его (а это определенно было когда-то мужчиной) мозг не раз вынимали из головы и клали обратно. Руки этого существа нервно подергивались, будто ему было необходимо постоянно что-то сжимать в атрофированных пальцах.

Он кинулся прежде, чем я осознала. Невероятно быстрые движения, блок успела

поставить в самую последнюю минуту. Впрочем, это не особо помогло. Мощь удара я ощутила всем телом и даром, что пыталась ослабить его. Существо снова ударило, и снова. Я не успевала отражать удары, что уж говорить о том, чтобы попытаться наносить их в ответ.

— Bravo! Номер Девять, ты — великолепен — невольно я обернулась на голос.

Ньюмэн! Но, не тот, не такой. Адонис. Я не знаю, как его зовут на самом деле, только позывной. Главный разработчик ньюмэнов. Человек уничтоживший Землю, людей и будущее. Человек убивший меня.

Адонис.

Бесподобно! Моя информация оказалась верна. Она существует. Та, кому не нужно было искусственное внедрение клеток. Естественная эволюция, по средствам мутации.

Она восхищала, перечеркивала все мои представления о идеальном человечестве. Живое совершенство. И мой лучший подарок!

— Bravo! Номер Девять, ты — великолепен — не сдержался я, привлекая к себе внимание.

Мне хотелось, чтобы она увидела меня. И она увидела. Полный ярости и узнавания взгляд резанул по мне. Так непривычно, так будоражище.

— Адонис — прошипела она, делая шаг ко мне.

Говорит! Еще не один созданный с кодовым номером не разговаривал, они сразу утрачивают речь. Но, она не такая. А еще она, кажется, по-настоящему зла.

Девятый заступил ей дорогу, снова нападая. В следующую секунду я понял, насколько несерьезно продвинулся в исследованиях. Она, до этого защищавшаяся, одним слитным движением руки сломала шею Девятому и дернула его голову на себя. Раз, другой, хруст, чавкающий звук и вот голова моего лучшего на данный момент эксперимента уже летит куда-то за спину прекрасной незнакомки.

— Могу я узнать, как зовут столь прелестное создание? — попытался я быть вежливым.

Девушка явно не оценила, оскалившись она кинулась на меня... И провалилась сквозь мое эфемерное тело.

— Прости, дорогая, это всего лишь голографическое изображение. Я пока еще не готов к встречи с тобой напрямую.

— Сукин сын!

Богиня! Она — совершенство. Я, определенно, хочу ее... Во всех отношениях.

— Вибек! — о, новое действующее лицо, правда, должен признать я не помню среди своих ньюмэнов этого солдата.

— Ражек! Какого черта ты здесь делаешь?!

Моя Богиня с поистине божественным именем Вибек, что означало войну, временно забыла обо мне. Модифицированные эксперименты, что планомерно громили базу, сейчас кинулись на ньюмэна. Видимо, этот конкретный ньюмэн был чем-то дорог Вибек. Еще одно открытие, она подвержена чувствам.

Вибек встала перед ньюмэном и совершенно не по-человечески зарычала на модифицированных. Впервые я видел, как самые сильные существа на планете бросились врассыпную. Невероятно! Пару лет назад я начал эксперименты с созданием полуживых исключительно за тем, чтобы быть с состоянии дать отпор модифицированным. Я думал, что создаю нечто новое и даже более идеальное, чем ньюмэны. Но, как же ошибался. Идеальный организм уже был создан.

Я ведь помню, с каким изумлением выслушивал доклады своих подчиненных о странно уничтоженных модифицированных. Тогда я подумал, что между этими тварями была обычная борьба за территорию и пищу. Но, только наблюдая за тем, как показательно Вибек изодрала одного из модифицированных, отказавшегося поддаться инстинкту выживания и кинувшегося на нее, я наконец сложил все разрозненные факты в одну картину.

— Прости, милая, но кажется, моя голография разряжается. Если, пожелаешь мы можем встретиться на моей территории. Скажем, через недельку. Я пришлю за тобой корабль прямо к воротам того скопища ущербных людишек. А пока — до встречи.

Эта тварь исчезла! Чертов Адонис! Чертов Ражек! Зачем он притащился сюда! И зачем я полезла его защищать?!

— Вибек!

Ньюмэн прижался ко мне. Шумно задыхался. Я почувствовала его кровь. Рана на груди не регенерировала до конца, а он успел нагрузить оставшиеся сердца и вот к чему это привело. Идиот.

— Зачем ты пришел?

— Я чувствовал твою ярость и боль — приглушенно выдохнул Ражек мне в волосы.

— Идиот.

— Знаю. Но, это ничего не меняет в моем отношении к тебе.

— Знаю — задумалась — нет, не знаю, а чувствую.

— В тебе мое сердце.

— Вернуть?

— Не стоит.

Джонсон с остальными ньюмэнами застали нас именно так. Стоящими в обнимку и произносящими явный бред.

*Жизнь ведь только, как звук,
Как удар молотка,
Как неожиданный испуг -
Так она коротка.*

Это несколько странно возвращаться в место, которое прежде желала покинуть. Сейчас стоя у ворот “Последнего Рубежа” я не была уверена, что мне хватит смелости переступить грунтовую насыпь и снова окунуться в мир почти нормальный и полный людей.

Впрочем, сегодня здесь было сверх мрачно, думаю все дело в том, что хоронили убитых. А еще в том, что Адам и Ева — основные бойцы ньюмэнов под транквилизаторами валялись в одиночных камерах, куда их определил Джонсон.

Сам генерал крайне недоволен и я бы даже сказала осуждающе косился на нас с Ражеком. Хотя, единственное, что делал ньюмэн — это крепко держал меня за левое запястье. По-моему ничего предрассудительного. Но, Джонсон продолжал сверлить нас взглядами далекими от добрых.

— Ревнует — предположил Ражек склонившись к моему уху.

— Не интересно.

— Почему тогда так пристально на него уставилась?

— Он мне нравится — пожала я плечами и тут же почувствовала, как хватка на руке усилилась.

— Даже так?

— Даже так. Все время боюсь, что могу забыть и укусить его.

Я вздрогнула. Этот раскатистый шум стал для меня полной неожиданностью. Похоже, именно так Ражек смеется. Странно и немного пугающе. Хотя... мне нравится. Определенно.

— А я тебе нравлюсь?

Нелепый вопрос.

— Нет, конечно.

— И не секунды сомнений — еще больше развеселился Ражек и придвинулся ближе так, что мое плечо касалось его руки.

Я высматривала в толпе Майю, но не находила. Где же она? Надо бы отделаться от Ражека и найти сестру. Только, вот как? Ньюмэн явно не собирается оставлять меня в покое. Кажется, лишившись одного из сердец Ражек стал более м... человечным?

— Ты чего, как зверек, мечешься из стороны в сторону? — Ражек остановился и придержал меня за локоть.

— Я не могу найти Майю.

— И не найдешь. Майя скорее всего у Шуйбэ в импровизированной больнице, она... сильно переживает утрату, ну ты понимаешь...

— Нет — покачала я головой.

— Правда? — прищурился ньюмэн.

— Правда.

Я, правда, не понимаю. Вот, только не уверена. Толи из-за того, что растеряла все

человеческое? Толи потому, что в глазах своей матери я давно стала монстром, а она для меня не больше, чем объектом защиты? Это сложно понимать и принимать человека, когда этот человек намеренно, осознанно отталкивает тебя.

— Бека! — маленькая фигурка вынырнула из толпы собравшихся и кинулась ко мне.

Так себя ведет только один человек — Мария. Подхватив девочку на руки я огляделась, Клаус и Мангус как раз пробрались поближе к нам.

— Вибек! Как я рад, что ты в порядке — кажется, искренне обрадовался мне Клаус.

— Наверное, ты тут один такой... радостный — подобие усмешки отразилось на моих губах.

Я сама не поняла, как настоящий, слишком реальный сарказм сорвался с моего языка. Неужели? Да не может быть... Разве, его сердце способно оказать такое влияние? Не верю! Не верю? То есть сомневаюсь? Черт! Злюсь? Бред!

— Что с тобой?

Словно издалека позвал меня голос Ражека. Что со мной? А что со мной? Я впервые не могу точно ответить на этот вопрос.

Видимо, осознание и шок так сильно отпечатались на моем лице, что Ражек сильнее сдавив мой локоть, дернулся и потащил нас сквозь толпу. Вначале я не поняла куда именно. Но, приглядевшись осознала, что в сторону места, где я предпочитала время от времени уединяться, пока была в “Рубеже”. Старый похожий на сарай закуток. Мой персональный номер с видом на стену из колючей проволоки, ну ни мило ли?.. Вот опять! Не было, такого раньше никогда не было!

Ражек буквально заталкивает меня внутрь и запирает дверь на засов. Я осматриваюсь. Все как и до моего триумфального ухода. Даже порванные штаны на месте. Я смотрю на них. Ражек на меня. Морщиться. Штаны летят в разбитое окно под потолком.

— Это из-за моего сердца ты такая странная? — хмурится он.

— Я бы не сказала, что “странная” — поправляю я — скорее чересчур человеческая.

— То есть ты становишься человеком? — это ведь не надежда в голосе? Нет?

— Прости, но подобное просто невозможно. Я не кошка, у меня не девять жизней. А всего одна... была. И кончилась довольно давно. Человеком я уже никогда не стану. А вот мутировать в благоприятной среде или же наоборот в неблагоприятной способен любой организм начиная с простейшего и заканчивая млекопитающим, то есть мной.

— Мутировать? — какой же он все-таки непонятливый.

— Именно. По сути я все тот же мертвец, но ко мне возвращается эмоциональная сторона. И к слову, я не только могу понять чувства, но и ощутить их в ответ. К примеру...

— Я сам хочу проверить.

В принципе, вполне ожидаемо. Ражек сделал шаг ко мне и склонившись поцеловал. Признаться, мне понравилось... Пока я не почувствовала этого.

Голод!

Дикий, бешеный голод! Всепоглощающий и снедающий изнутри. Я чувствовала, как кровь приливает к деснам, набухают губы и подрагивает язык. Я распахнула глаза, которые успела прикрыть во время поцелуя. Дернулась. Раз, другой. Ражек и не думал меня отпускать.

Терпеть не было сил. В какой-то момент я поняла, что сейчас мои зубы сомкнутся на его языке и прокусят. Мне надо избавиться от столь аппетитных объятий.

Толчок и удар, сильный. Ражек не устоял и упал. Я смотрю на него лежащего и

понимаю. Всё. Я всё понимаю. Особенно, свою ошибку.

Его сердце не способно спасти меня. Уже не способно. Если бы на пару лет раньше... Если бы правильно синтезировать формулу, а прежде выявить штамм... Ах, сотни этих “если бы”. Бесполезно. Бессмысленно. Его сердце просто работает эффективней, но от этого и насыщаться придется гораздо чаще и больше. Готова ли я? Нет. И не секунды на раздумья.

Мое место не здесь, не с ним и не с людьми. По сути с каждым моим шагом к ним, я только подгоняю свой голод. Заставляю мертвеца внутри выкручиваться и сильнее желать поработить меня.

— Вибек — пытается подняться Ражек.

— Мне придется вернуть его.

Да. Это больно, не столько копать в очередной раз внутри себя и вырывать почти приросшее сердце, сколько понимать, что скоро я снова опущусь до уровня одноклеточного организма. Мерзко это.

— Нет!!!

Ну и вопль. Пытается меня остановить, но не успевает. Я быстрее, сильнее и лучше. Никто не сравнится со мной в желании выжить.

Кстати, мне было больно. Ну, ровно до того момента, как я не вынула его сердечко. А потом с каким-то оцепенением или скорее безразличием пришлось констатировать, что я осталась без сердца и надолго. Не могу же я позаимствовать жизненноважный орган у обычного человека, ньюмэны мне не подходят, экспериментировать с модифицированными нет особого желания, а мертвецы просто не интересуют.

— Что ты наделала?!

Кто-то недоволен. Его право. Ударила, когда он попытался схватить меня. И бросила в него сердцем, что держала в руке до этого.

Принюхалась. И только сейчас поняла. С этой чертовой человечностью я перестала использовать возможности тела. Поэтому и не поняла. В “Рубеже” смешалась куча ароматов разного характера и содержания. Но одного запаха я так и не учуяла.

Запаха своей сестры.

Майи здесь не было. И уже давно.

Адонис.

Я заметил, что скука, вызванная отсутствием разнообразия приводит любое мыслящее существо в состояние поиска. Да-да, начинаешь искать что-то интересное и увлекательное, а главное способное развеять скуку.

У каждого свое представление о такой дряни, как скука и методы по ее избавлению. Лично мне показалось самым гуманным — метод шоковой терапии. То есть, просто заставить кого-нибудь испытать шок от моих действий, а самому пронаблюдать сей занимательный процесс. И под руку весьма удачно попала сестренка Вибек. Здоровая, сильная и молодая. Как раз то, что нужно для интересного эксперимента. К тому же, Вибек будет намного проще склонить к сотрудничеству с таким-то аргументом.

Стоит все же заметить, что поимка Майи, так зовут миленькую сестренку, была чистой воды удача. Просто она вышла за периметр, в поисках Вибек, как раз когда мои разведчики поднимались в небо. И я не смог устоять.

Уже позже на базе выяснилось кого ко мне занесло. Она так кричала, требовала освободить, грозила самой сильной и непобедимой сестрой. И когда я понял, кто эта

сестра, только результаты анализов Майи спасли ее от немедленного эксперимента.

К моему глубочайшему сожалению, она была полной противоположностью своей сестры. Ее геном ничем не отличался от среднестатистического человеческого. Очень, очень обидно. Увы, но такие как Вибек невероятный и совершенно неповторимый экземпляр. Как и все уникальное в природе. Можно создать нечто похожее, но все же не такое же. Можно попытаться дублировать...

Вот для этого-то она мне и нужна. Хочу дублировать ее ген. Столько раз, насколько хватит материала. Это будет удивительно. Ну, а пока самое время проведать Майю. И послать шаттл за Вибек. Хочу, чтобы она по достоинству оценила мое новое творение.

Вибек.

Есть! Я. Хочу. Есть! Сейчас! Сильно!

Эти мысли преследовали меня первые сутки буквально неотрывно. Потом Шуйбэ сбил эти ощущения. Накормив целой тарелкой “красного супа”. Полегчало. Но, не намного. Я пришла в себя, вот только голод не пропал. Последствия моего эксперимента с сердцем Ражека. Кстати о нем. Сердце ему Шуйбэ под моим чутким руководством приштопал назад и вколов убойную дозу морфия, чтобы не дергался, пристегнул цепями к каталке у себя в госпитале.

Я же жду. Джонсон не смог ничего сказать по поводу исчезновения Майи. Это и понятно, генерал был слишком занят пытаюсь восстановить порядок и помочь раненым. А вот постовой на воротах рассказал, что видел мою сестру. Она вышла за периметр якобы заметив меня. Поскольку Джонсон не отдавал приказа не выпускать людей за ворота, постовой пропустил Майю.

Дура! Эта глупая девчонка скорее всего у Адониса. А урод не спешит на встречу со мной. Еще день и я начну искать способ самостоятельно добраться до него. Ну, а пока жду. Попутно развлекаюсь с Мангусом. То есть, он всячески меня бесит, а я не поддаюсь и не пытаюсь его сожрать. Игру нам придумала Мари. Конечно, с подачи Клауса. Тот же в свою очередь полагает, что если меня потренировать я смогу вернуться в прежнее состояние и не буду через каждые семь — восемь часов требовать кормежки.

— Вибек, ты редкостная тварь!

— Патетично, но не раздражает — с равнодушием глянула я на Мангуса, который нависал надо мной.

— А может на тебя как-то иначе воздействовать?

— И как же?

— Ну... Вот так, к примеру — и он обхватил меня руками за плечи, прижав к себе.

От Мангуса приятно пахло, но не более, тепло и немного жестковато, вот собственно и все, что я могу про него сказать. Пожирать его явно не хотелось. Вот прибить — это, да. Но, скорее это были человеческие эмоции, а не то, что чувствует мертвец.

— Отодвинься, это не сработало — почти печально вздохнула я.

— Заметил — хмыкнул Мангус и отлепился от меня.

— Ну? Как у вас тут дела?

Джонсон подошел еще минутой назад и зачем-то пытался скрыть свое присутствие. А сейчас его разбирает любопытство напополам со злостью. Спрашивается с чего бы? Вроде, еще не успела довести его.

— Никак — первым отреагировал на Джонсона Мангус, глянув мне за спину и даже

сделав шаг назад. Неужели у генерала лицо перекошило? Может, стоит обернуться?

— Совсем?

— Совсем. Я даже обниматься к ней полез, но нет, не отреагировала. А стоит только Кому-нибудь постороннему приблизиться, особенно ньюэнам и она без разбору кидается.

Ну, вот, еще одно нововведение. Я стала куда разборчивей. Теперь люди меркнут в своей привлекательности, нет, не все, но те, с кем я хоть сколько-нибудь знакома перестают быть для меня главным блюдом, зато ньюэны стали зверски хороши в качестве свежего мяса. А в связи с последними событиями, боюсь вместо того, чтобы спасти сестру или пытаться помочь людям из Рубежа, я просто раздеру своих врагов сразу и в клочки.

Впрочем, уже все равно. Судя по звукам с неба, Адонис соблаговолил отправить эскорт за мной.

— Шуйбэ, мать Вашу!

Доктор пока я отвлеклась умудрился вколоть мне очередную дозу “витаминов”, как он эту дрянь называл.

— Попрошу матушку мою не трогать — оскорбился эскулап — мои витаминчики тебе не повредят, а может даже и подействуют.

Нда, даже для меня звучит двусмысленно. То есть, не повредят, если не подействуют или если подействуют — не повредят? Но, выяснять не стала. Некогда. Соскочила с ящика, на котором до этого сидела и слегка отпихнув Мангуса направилась к воротам.

— Кстати, деточка, а что делать с твоими друзьями?

Я от подобной формулировки даже споткнулась и почувствовала... удивление? Какие еще друзья? О чем это Шуйбэ? Или совсем его переклинело на старости лет?

— Это наш доктор о Адене и Ражеке. И если второго усыпили относительно недавно, но Аден уже четвертые сутки валяется под морфием — благодушно сообщил Мангус.

— Предлагаете их разбудить? — изогнула я почти не существующую бровь (как-то неудачно опалила) — а я-то думала мы пытаемся избавиться от ненужных жертв.

Шутку оценил только Мангус. Причем хохотал он весьма заразительно. Увы, Шуйбэ покачал головой, а Джонсон поджал губы. Весьма привлекательные губы... А? Не поняла.

— Доктор, что п идее должен был сделать со мной Ваш препарат? — решила напоследок поинтересоваться.

— Ну... у нормального человека был бы нервный срыв и тактильный шок. В твоём случае небольшой эмоциональный дисбаланс.

Все-таки вот такие гениальные врачи — зло.

— Теперь кроме того, что я буду желать растерзать ньюэнов, я еще и спрашивать у них стану, понравилось ли им?

— Думаю, останется только гадать, но ты все же спроси, хотя бы будут ли они полезны прежде чем приступать к расчлененке — хихикнул Мангус.

— Обещаю — вполне серьезно кивнула я, продолжая сверлить взглядом доктора.

— Вибек, этот препарат уменьшит жажду — пояснил-таки Шуйбэ, но я уже была достаточно зла? Ну, да, зла и потому не прощаясь рванула к воротам, где пытался приземлиться шаттл.

Мангус — молодец, он смог, как и доктор перевести мои мысли в другую плоскость. Сейчас я была не настолько сосредоточена на желании убить встречающих меня ньюэнов. Впрочем, они тоже не стремились провоцировать меня.

Молча я вошла в открывшийся люк шаттла и не стала оглядываться на окрики позади.

Эти люди мне не интересны больше. Приоритет — Майя, а они, так — на последок и лишь в том случае, если Майя будет настаивать. Я помню зачем пришла в Рубеж. Это было только для защиты сестры и матери. Одну из них я потеряла на территории Рубежа, а другую за его хлипкой оградой. Место оказалось совершенно не пригодным. Я встретила людей. И что? Они попытались убить меня сразу, да и не оставили бы своих попыток, знай правду обо мне и моем прошлом.

Да, возможно мне будет жаль несколько человек, но большинство их них я воспринимаю, как кусок резервного мяса и не больше. Поэтому не думаю, что мы сможем когда-нибудь “стать семьей”, как пела очень давно Pink.

— Эм — один из ньюмэнов осмелел и сделал ко мне шаг — мы взлетаем, не могли бы Вы присесть вот сюда — указал он на одно из кресел.

Я оскалилась и клацнула зубами. Надо же какие пугливые! Вздрогнул, попятился, а было бы больше места для маневра вообще наверное, отскочил. Интересно, что им про меня Адонис навешал, раз ребятки так трясутся?

В кресло я все же села и даже ремнем себя пристегнула. В голову пришла нелепая мысль, а если бы меня выкинули в открытый космос, я бы умерла? Нет, наверное. Жаль.

— Взлетаем — донеслось откуда-то спереди.

Мой враг сам приближает свой бесславный конец. Такую комфортную доставку мне организовал. Неужели всерьез верит, что сможет управлять мной через Майю? На месте Адониса я бы уже начала молиться. Не думаю, что после нашей первой и последней встречи он останется жив.

“Люди вообще стыдятся хороших вещей, например — человечности, любви, своих слёз, тоски, всего, что не носит серого цвета.”

Константин Паустовский

Но, больше всего люди стыдятся своих действий по отношению к хорошим вещам. Все время человек боится, что-то сделать, ведь наступят последствия и при этом боится ничего не сделать, ведь тогда все может остаться по-прежнему.

У меня было достаточно времени, чтобы подумать над поступкам Адониса, сравнить их с моими собственными и наконец понять... Да, я поняла, в этом уравнении жизни мы две противоположности. Адонис тот, кто делает и ждет последствий, а я та, кто не делает и ждет, что ничего не изменится.

Только сейчас стыкуясь к станции Адониса, я осознала, что зря столько времени испытывала муки совести. Даже начни я какие действия они бы ни к чему не привели. Планета, какой мы ее знали, никогда не сможет снова быть прежней. Люди, какими мы их помнили, никогда не вернуться. Но, главное, мир, к которому привыкли просто не сможет существовать в рамках новых условий.

Адонис встряхнул Землю. Дал ей возможность очиститься от людей и вреда наносимым человечеством. Мы были избавлены от разделения на расы и нации, Третьей Мировой не случилось, ядерного оружия и генных продуктов больше нельзя будет произвести по — новой, да и наркотики, алкоголь, табак и прочее прочее, что порицалось обществом теперь канет в лету. Разве не к такому миру стоит стремиться?

Да, погибло невероятное количество людей, по улицам городов бродят мертвецы, а в лесах обитают модифицированные. И да, человек наконец занял достойное место в пищевой цепочке. Но, с точки зрения тех радикальных лозунгов, с которыми постоянно устраивали шествия разные слои населения, планета стала именно такой, как они и мечтали. Жаль, что большинство не дожило, но это обычная практика в эпоху перемен.

— Мы стыковались, сейчас откроют шлюз — вставая с капитанского кресла сообщил ньюмэн.

— На этом ваша миссия завершена? И вы мне больше не будете полезны? — я ведь обещала Мангусу, что спрошу.

— Да, наша миссия завершена.

Не скажу, что мне очень понравилось убивать почти беззащитных, из-за невозможности маневра, ньюмэнов, не скажу... Потому, что мне не очень, а безумно понравилось! Истинный восторг я испытывала наблюдая, как на лицах этих идиотов появляется то самое выражение, которое когда-то было у меня и еще у шести с небольшим миллиардов людей на планете Земля. Grimаса обреченного, нестерпимого ужаса. О да, я наслаждалась и не сразу поняла, что шлюз открыли.

— Bravo! — он хлопал в ладоши и улыбался.

Он стоял словно король, бархатный камзол обшитый золотом, не много не мало — Король Солнца. Впрочем, Адонис себя королем и считал — в центре просторного светлого ангара, никакой охраны в помещении не было. Обманка? Или уверен, что я ему не угроза? И

это после того, как стал свидетелем убийства ньюэнов?

Я, конечно, представляла, какой сумасшедший Адонис, но и не думала, что все настолько плохо. Он, действительно, совершенно не в себе. И еще он не ньюэн и не человек, черт знает, кто он. Впрочем, такая мелочь не мешает мне убить этого уroda.

Отряхнув руки от остатков кожи и мышц, я даже обтерла ладони о спинку одного из пассажирских кресел, когда проходила к шлюзу. Вот такая я чисто плотная, а Майя сомневалась.

— Где она? — а Мангус еще сомневался. Я вполне способна не убивать сразу же, даже поговорить готова.

— Ну, милая, ты же не думаешь, что я отвечу... Хотя — словно задумавшись Адонис провел рукой по своим светлым волосам — она сейчас в операционной, отходит после наркоза-а-ах-кх-х...

Ну, да я не сдержалась. Метнувшись к Адонису я схватила увлеченного собственной речью гада за глотку. Мысль растерзать его на месте — мелькнула и пропала. Потому, что секундой позже я отлетела к стене ангара.

Он отмахнулся от меня, как от безвредной мушки. Что это? Впервые за восемь лет, кто-то смог дать мне отпор. Невероятно. Просто невозможно. Как?

Тряхнув головой, я начала подниматься и обнаружила, что Адонис сломал мне позвоночник во время удара.

— Твое тело никуда не годится — скривился он, заметив, как я не способна удержать равновесие, ну еще бы! Сам бы попробовал, когда сломан основной стержень в организме, стоять ровно.

— Где она?

— Я уже уже сказал, она в операционной. И хватит о твоей обычной сестре — одним слитным движением, лучше чем у меня выходило, Адонис оказался рядом, он не трогал меня, только смотрел сверху вниз и цокал языком:

— Совершенно никчемное и испорченное тело. Ему место на свалке...

Я ударила. Промахнулась. Он сломал мне обе руки. Паршиво. Но, ноги-то целы. Были Недолго.

А потом Адонис взял меня на руки. Поморщился:

— Не могла работать аккуратней? Весь костюм теперь будет в дерьме моей бывшей команды пилотов.

Ответа от меня он не дождался.

— Молчишь? Ну, молчи — Адонис вынес меня из ангара и не замечая моих попыток ударить его руками, что пока не особо регенерировали, продолжил беседу сам с собой — а ты знаешь, я и представить себе не мог, что твое тело настолько слабое. Как же ты, бедняжка, смогла так долго продержаться? Хотя, это уже прошлое. Теперь я дам тебе лучшее тело и лучшую жизнь. Ты рада?

Усиленная регенерация тратила мои внутренние резервы с огромной скоростью. Надо признать, мне давно не требовалось столько сил на восстановление. Восстанавливать было нечего. Поэтому я и забыла, как это. Терять разум за столь короткий период.

— Скоро — оскалилась. Да, он ничего не добьется. Скоро я отупею окончательно и тогда мой мертвец станет сильнее, быстрее и его целью будет только одно — защитить свое, а своим он всегда считал Майю.

— Что “скоро”?

Я молчу. Не зачем мне тратить силы на речь.

— Ладно. Тогда я тебе расскажу одну интересную историю — усмехается Адонис и сворачивает из коридора в какое-то серое помещение.

Большой железный стол и каталка с инструментами — либо пыточная, либо лаборатория. Разница несущественная для меня.

— Когда-то я провел достаточно удачный эксперимент над собой и был уверен, что теперь способен любого превратить в бессмертное божество. К сожалению, я сильно ошибался. Да-да, заметь, я способен признавать ошибки. Далеко не каждый может стать таким, как я или как ты. Правда, в твоём случае природа поиздевалась. Понимаешь ли, Вибек, твоя генная цепочка, как и моя и еще человек ста, не больше, на планете, сильно отличается от остальных. Так сильно, что людьми нас изначально было бы глупо называть. Понимаешь ли, эта планета постоянно эволюционирует, мутирует и изменяется, как и все живые и не живые на ней организмы. Правда, прежде чем начать изменения, природа выпускает для проверки пару — тройку экспериментальных образцов. Вроде этих.

Адонис уложил меня на железный стол и совершенно не опасаясь меня, впрочем при таких возможностях это было бы нелепо — опасаться, подошел к одной из белых панелей на стене, набрал код и стена отъехала в сторону. Картина появившаяся перед глазами особо эффекта на меня не произвела. Ну подумаешь несколько трупов плавающих в физ. растворе. И не такое видела...

Поторопилась я с “трусами”, стоило только Адоису стукнуть по одному из резервуаров костяшками пальцев, “мертвец” ожил, распахнув глаза, он беззвучно закричал, захлебываясь жидкостью и безуспешно затрепыхался.

— Как видишь, они такие же как мы с тобой, ну или даже лучше потому, что в отличии от нас, были совершенно естественным путем преобразены. Знаешь ли, они задолго до нас являлись бессмертными и уникальными, могли стать кем угодно и делать, что заблагорассудится. Но, увы, большинство из них предпочитало скрываться и словно мыши забиваться в разные углы. Правда, их все равно это не спасло. Я собрал всех. Жаль, что большую часть пришлось отправить в свободный полет в космос. Они были слишком непослушными ребятами. Искренне горюю об этой сотне или около того.

Судя по масштабам, мог и не врать о потерях. Резервуаров тут было не меньше трех сотен. А заполненных только полтинник с гаком.

— Ну, давай не будем о грустном — будто это я тут с ним разговоры говорю, дернул плечами Адонис — надо поторопиться и выбрать тебе тело. Я бы посоветовал что-то среднее между очаровашкой и смертоносной машиной. Как тебе вот это?

Он ткнул пальцем в резервуар с молодой женщиной или скорее девушкой. И к чему это? Совсем умом тронулся? Хотя, не актуально. ОН этим умом еще восемь лет назад тронулся.

— Не смотри на меня так!

А бить обязательно? я кое-как срастила скелет, а этот придурок свернул мне шею и черт знает что еще успела покалечить когда столкнулась с кафельным полом. Руки-то выставить вперед не вышло они еще нерослись.

— Прости! — он поднял меня, и да. попытался изобразить раскаяние — я все время забываю, что ты слабее.

— П... п..

— Что? Ты повредила речевой аппарат, когда падала? — он приближает ко мне свое лицо.

И наконец мне удается выдохнуть свои последние слова:

— Пока слабее — все!

Переключатель сработал.

Принюхалась. Кто это? Что это? Оно меня било? Убить и сожрать. Никто меня не трогает. Никогда.

Замахиваюсь. Он дергается. Но, я быстрее. Всегда. Удар. Пошатнулся, устоял. Еще удар. Бьет в ответ. Не попадает. Хватаю его за руку. Ломаю. Не кричит, но все равно мне нравится. Я помню. Он тоже меня ломал. Теперь моя очередь.

— Вибек! Прекрати! Иначе я сделаю тебе больно! — я рычу и пытаюсь ухватить его за другую руку — да что с тобой?!

Кто-то еще появляется. О! Этот запах! Добыча! Самая желанная! Они — убийцы! Мои убийцы. А теперь я отомщу...

Когда в мозгах чуток прояснилось я вдруг поняла, что ничего не чувствую. Совсем. я словно оглохла, ослепла и потеряла нюх. Тела я тоже не чувствовала. Полная дезориентация.

А потом вспыхнул свет. Нет, зрение я не потеряла. Слух тоже, шаги раздались над самой головой. И с нюхом порядок — ублюдка мн прикончить не удалось. Адонис жив. Только он так пахнет. А тело жестко фиксировано железными обручами, даже голова.

— Как себя чувствует моя красавица? — так и тянет шею ему свернуть.

Адонис видимо присел у кровати, на которой я лежала и склонил ко мне лицо. Светлые пряди волос слегка задели мою щеку. Мы встретились взглядами. Я не знаю, что видел он, но я кроме неестественно светящихся глаз не видела ничего. Он моргнул, улыбнулся и мягкие губы прижались к моему лбу.

— И правда красавица — оторвавшись от меня прошептал он — когда увидишь себя сама поймешь насколько тебе лучше в этом теле и главное его преимущество то, что больше не нужно есть человечину, чтобы быть человеком.

— Понял, да? — мой голос... Нет, не мой. Только интонации мои.

— Конечно, подумать не мог, что все настолько плохо. Зато теперь куда лучше.

— Что ты сделал?

— Я же уже говорил — дал тебе новое тело...

— Это невозможно.

— Детка, ты столько успела узнать о моих планах. А проект “Гелиос” ты прошляпила? Там я как раз подробно описывал смену тела. Мне когда-то показалось очень интересным, что человеческий мозг может почти час жить без тела носителя. А почему бы тогда его не пересадить и не посмотреть, что произойдет...

— Неужели... “Дело безмозглого Джо”?

— Ага, тогда почему-то всё предпочли спихнуть на маньяка охотившегося за мозгами. Странно, не так ли?

Я хотела спросить — что тут такого странного, те убийства были совершенны истинным маньяком, но открыв рот только закашлялась. Адонис на секунду пропал из поля зрения, но обрадоваться одиночеству я не успела. Он снова склонился надо мной, сильные пальцы дернули меня за челюсть и стоило разжать ее, как губы Адониса накрыли мой рот. В горло полилось что-то теплое и приятное. Мозг не сразу отреагировал, но организм уже с жадностью глотал, распознав в жидкости — воду.

Я хотела пить? Как такое возможно? “Ах, да!” У меня же по заверениям Адониса новое тело, которое вполне способно требовать пищу. Вот только благодарить за воду что-то не

тянет, к тому же эта генетическая ошибка увлекся и сейчас просто пихал свой язык в меня видимо пытаюсь достать до горла. Руки он тоже пустил в ход и сейчас они довольно жестко мяли грудь и живот, периодически спускаясь к бедрам.

— Мастер — голос раздался именно в тот момент, когда Адонис уже дошел до точки кипения и собирался отстегнуть один из железных обручей, что скрепляли мои ноги. А я как раз уже была готова попытаться свернуть ему шею взяв в захват освобожденными ногами. В общем чертов голос попортил далеко идущие планы.

— Я же сказал, что занят для всех! — рявкнул “мастер” слезая с меня и поправляя приспущенные штаны.

— Велико занятие, трахать скованную по рукам и ногам, в прямом смысле этого слова — еще одно действующее лицо, жаль, что вместо лица только голос слышу.

— Помолчи, Трой, а еще лучше сгинь с глаз моих — Адонис пропал из поля моего зрения окончательно и судя по шагам он собирается уходить.

— С чего бы это? Мне очень хочется рассмотреть поближе ту, на которую у тебя встал. Знаешь ли до последнего не верил, что ты способен хоть кого-то оседлать.

— Трой, заткнись, иначе я не посмотрю на то, что...

На самом интересном речь заглохла, видимо они вышли и дверь закрылась. Я полежала еще пару минут в тишине и бездействии, на большее терпения не хватило, мне захотелось узнать придел возможностей и первым на повестке дня стало освобождение своего тела из стальных обручей...

Наверное больше часа прошло прежде чем я признала, что не способна освободиться. Только тело ныло и пекло в тех местах, где я перестаралась и до крови расцарапала кожу. И еще кое-что. Я устала. По-настоящему и так сильно, что через пару минут уже спала.

Адонис.

Поверить не могу! Они решились! Идиоты. Самые, что ни на есть настоящие идиоты. Как им только в голову пришло? Хотя, “как” — я знаю, а вот где скрывается Такер об этом я понятия не имею! Ублюдок воспользовался моей занятостью и начал восстание. Он давно это планировал. Годами сидел, выжидал и готовился. Правда, я и не думал, что так играючи и быстро случится неизбежное. Почему неизбежное? Потому, что при любом правителе в любые времена случаются революции. И эта одна из многих. Но, опустим лирику. Сейчас все чего мне хочется — это оторвать ублюдку яйца. И думаю, мое желание вполне совпадает с возможностями. Но, прежде надо найди змееньша.

На капитанском мостике царило оживление, похоже, мои подчиненные тоже не особо рвутся менять порядок вещей.

— Я обыскал весь периметр, Такера нет здесь, как и “Командора” — сообщил мне первый помощник.

— Броненосца? На кой он ему? Не верит же всерьез, что способен таким малышом угробить целую станцию — хмыкнул Трой и обойдя меня, встал в центре помещения, ладно пусть поиграет в капитана. Ему можно.

— Как раз верит — еле удержался я от смешка — этот поганец из года в год слушал мои истории о том, что броненосец способен разбить в пух и прах даже такую огромную станцию, как моя.

— Хочешь сказать, что ты давным давно в курсе предательства?! — мой мальчик недоволен — Тогда какого хрена ты столько времени молчал?!

— Трой, ты еще такой ребенок. Мне нужно было знать точно и наверняка сколько ньюмэнов решились пойти против меня, да и не мог же я без каких — либо доказательств казнить Такера...

— Ой, вот давай только без этого! Ты-то как раз способен казнить кого угодно без суда и следствия — сморщил нос Трой, отчего выражение его лица стало напоминать отцовское, тот тоже морщился стоило сказать что-то не так.

— Они атакуют, мастер, как Вы и говорили — по левому крылу! — облегченный выдох штурмана сказал больше слов, все-таки не все верят мне до конца, но тем не менее не дезертировали как некоторые и не предали, как остальные.

— Чего тогда ждете? Активируйте оружие, цельтесь и, ах да еще одно, стреляйте на поражение, пли!

Я не черствый. Вовсе нет. В душе я плакал! Уж поверьте. Столько сил грохнул на этих предателей. Сделал из них ньюмэнов, дал дом, семью, жизнь. А они? А они укусили руку, что их кормила. Поганцы одним словом!

И все-таки жаль! Я не могу на это смотреть. Сил нет, как жаль, корабль! Вспыхнув звездочкой, он тут же погас, но мне и этого хватило, чтобы расстроиться. Надо срочно отвлечь себя от грустных мыслей. Придумал!

— Трой, у меня для тебя подарок — обрадовал я брата, правда Трой не способен радоваться, как все нормальные существа и вместо восторга он только фыркнул.

— Что на это раз? Новый вид биологического оружия? Или, как в прошлый раз создал мне еще одного человекоподобного друга, но этот точно не попытается меня сожрать?

— Прекрати паясничать! На этот раз тебе обязательно понравится! Пошли скорее — и не пытайся слушать очередную колкость поволок брата к операционной.

И вовремя! Она как раз пришла в себя. Села на кровати так, что ее голенькое и совершенное для моего братца тело особенно выгодно стало смотреться на простынях. Затуманенные ото сна глаза смотрели прямо на Троя.

Мальчик растерялся, дернулся и кто бы сомневался уже через мгновение оказался у кровати, а затем и на ней. Майя не сопротивлялась, когда Трой стал ощупывать ее, видимо, еще не до конца понимая, что происходит.

Я решил оставить их наедине. Все равно прекрасно знаю, что будет происходить дальше. Она будет сопротивляться, ну первые пару раз, а потом подчиниться. Стандартно. Стать ньюмэном непросто, а когда у тебя сразу появляется партнер все еще сильнее усложняется. Но, я не мог скрывать Майю от брата, малыш заслужил если не счастье, то хотя бы удовольствие.

А вот я определенно хочу счастья, удовольствия и без того с лихвой хватило. Поэтому пойду-ка проверю Вибек, а заодно и продолжу то, на чем мы из-за покойного Такера остановились.

Она спала! Так умильно и красиво. Впрочем, красиво только потому, что я самолично подбирал ей тело. Бывшее было ужасно. Там даже не тело было, а кусок мяса. Зато сейчас!

К сожалению, пришлось взять блондинку, просто Вибек не вязалась с темным цветом. Она для меня белая — целиком. На этом сходство с ее бывшим телом завершалось. Новое же было красивым и невероятно изящным, слабым, нежным, женским. Да, именно женским, а не смертоносным.

Я подошел к ней, склонился, рука сама потянулась к ее лицу. Пальцы заскользили по скулам, глазам, очертили губы, подбородок, шею...

— Где она? — ну вот, вернулись к тому с чего начали.

— С твоей сестрой все в порядке, милая.

— Лжешь! Где она?

— И вовсе не лгу, она сама к тебе придет, когда посчитает нужным. А пока, тебе не кажется, что ты должна больше заботиться о своей судьбе, чем о жизни сестры? Или ты так и не поняла, что сила не временно пропала, она окончательно исчезла и больше ты не сможешь, как прежде убивать все, что движется.

Наверное, я зря ей это Так сказал. Определенно, зря. Теряю шноровку, мог бы сразу заметить, что девочка уже пыталась выбраться из удерживающих ее тело фиксаторов и перестаралась. Ее тело покрывали синяки, а сейчас она по-новой начала атаковать не посильную для человека, пусть и с особенностями, сталь.

— Ну-ка прекрати! — прикрикнул я. Безрезультатно. Значит, все же придется их снять с нее.

Вздыхнул, покачал головой, но фиксаторы разъединил. Стоит отдать ей должное, не секунды на раздумья, мгновенно бросилась на меня. Вот только даже при ее силе, Вибек двигалась медленно для меня, а сейчас лишенная способностей она вообще напоминала мне черепашку. Перехватил, прижал к себе. Неожиданно, приятно и сладко от осознания, что она такая же, как и я.

— Ты — дурак — на грани слышимости, почти неуловимый шепот — думаешь, смог меня лишить сил? Меня — может быть, но не то, что было во мне. Не ослабляй бдительность, Адонис. Иначе я прикончу тебя в ближайшее время.

Я вдруг понял, что смеюсь. Моя девочка! Давно меня уже никто так не веселил. И я искренне надеюсь, что после того, как я использую ее, Вибек не сломается.

*Один не разберёт, чем пахнут розы.
Другой из горьких трав добудет мёд.
Дай хлеба одному — на век запомнит.
Другому жизнь пожертвуй — не поймет.*

© Омар Хайям

Он бесновался, о да! Еще как бесновался. Ломка началась внезапно, я лежала и пыталась придумать план побега и вот я уже бьюсь в конвульсиях и безумно хочу кого-нибудь сожрать. При чем желание настолько сильное, что я не в состоянии ему противиться. Катаюсь по кровати, в итоге падаю и извиваюсь на полу.

Когда в комнату вбегает какой-то ньюмэн и пытается меня поднять, мертвец наконец показывает зубы...

Адонис поспел как раз к пятому охраннику. Встал на пороге, прислонился к косяку и с интересом стал наблюдать, как я дожевываю шейный позвонок его подчиненного. Но, все-таки любопытный у него эксперимент вышел.

В этот раз я упустила мертвеца потому, что голод наступил внезапно, ну а это произошло из-за того, что я не отупела, как привыкла, становясь зомби. Я чувствовала, понимала и осознавала происходящее. Но, останавливаться не было никакого желания. Если раньше мертвец брал под контроль разум, то теперь ему подвластно тело. И я даже не знаю, что хуже.

Видимо, устав быть просто наблюдателем Адонис сделал шаг ко мне. Мертвецу это не понравилось и он кинулся. На этот раз не промахнулся. Руки сомкнулись на шеи, потянув ее вверх словно стараясь отделить голову от тела. Адонис не сделал не единой попытки освободиться. Наоборот он сжал меня в захвате, отрывая от пола. Боль. Такая сильная, что на секунду я забыла, как дышать. Она отрезвила меня. Мои ребра. Еще бы чуть-чуть и Адонис сломал их. Вот только, совсем недавно подобная малость, как сломанные ребра не заставила бы меня разжать пальцы и упершись в плечи врага попытаться освободиться от захвата.

— А сыворотка в твоём теле довольна дикая, правда на боль она все же реагирует — усмехнулся Адонис и слегка ослабил хватку, но из рук меня не выпустил.

— Сыворотка? — и мне не столько любопытно, сколько я стараюсь отвлечь его и освободиться.

— Ее по-разному называют. Душой, сутью или сознанием, на худой конец — неповторимым генетическим кодом. Как не назови, это всего лишь сыворотка из химических элементов, что не вошли в таблицу Менделеева.

Адонис говорил, но осмысленность его взгляд терял. И я совершенно не удивилась, когда его губы прижались к моей шеи. Я не знаю точной причины почему ему так хочется меня трахнуть, возможно, все дело в теле, а может...

— Ты думаешь, что я способна понести приплод? — кстати это тело способно весьма мило смеяться, по крайней мере мне этот смех понравился.

— И что в этом смешного? — кажется, кто-то окончательно свихнулся.

— К примеру, что такое невозможно, а если тебе бы и удалось обрюхатить это тело,

каким образом ты собираешь удерживать меня от убийства ублюдка? Я никогда не позволю появиться на свет уродцу.

— Даже ради сестренки?

— Особенно ради нее.

Я почувствовала, как Адонис рывком задрал полы платья, что было единственной моей одеждой. Завозился приспуская свои брюки. Торопливый поцелуй и стон облегчения. Дорвался до “сладкого”. Осторожность, как и остатки разума тонули в океане похоти, которую Адонис выливал на меня. Самое время.

Тело двигалось само, челюсть распахнулась и мой мертвец что было сил, вцепился в глотку ублюдка.

Крик, попытка оттащить меня от добычи. Что-то кольнуло в шею. Ан, нет не совсем бдительность потерял. Тело стало слабеть, а дальше...

Адонис отшвырнул меня. Упала и ударилась о кровать, а потом он пнул, раз, еще, еще и еще... Было больно. Очень. А дальше... не помню. Провал...

— ...бесплодна! Да пойми же ты! Это третий по счету выкидыш! Она скоро перестанет отзываться даже на простейшие команды! Надо прекращать подавать ей гелий или же дать такую дозу, чтобы мозги окончательно выжечь! Посмотри, она не способна...

— Заткнись! Почему ее сестра способна, а она — нет?!

— Да потому! В организме превышена доза вируса. И он убивает любую зарождающуюся в теле жизнь! Шестнадцатая неделя пошла от начала эксперимента. Брат, послушай меня, это бесполезно. Ты только усугубляешь... Майе нельзя волноваться, а она волнуется, сколько мне еще придется держать ее подальше от сестры и утверждать, что “все в порядке”? Месяц? Два? Итак, эти повстанцы...

— Да что они могут?! Перестрелять их к чертовой...

— Адонис, нам скоро есть будет нечего! Они минируют склады с припасами, у них есть техника для отслеживания наших кораблей и да, кажется эти ребята совершенно не боятся ньюмэнов. Усыпляют и вырезают сердца. Думаю, имейся у них толковый пилот и они бы уже атаковали нас.

Альрик Джонсон.

Я не мог поверить своему счастью, когда мы с ребятами из дозора наткнулись на чету Харрисов. Стив Харрис — отец семейства и первоклассный военный пилот, Рэй и Алекс его дети — близнецы так же отлично пилотирующие. Вот теперь я верил, что мы сможем свергнуть ньюмэнов и спасти Вибек с сестрой.

Верил... Ведь мне больше ничего не оставалось. Если я перестану вставать каждый день с этой мыслью, что Вибек жива и ждет меня, наверное, умру. Просто лягу и умру. Я знаю, что совершенно не интересен ей, знаю, что она никогда не будет способна даже на улыбку мне, но все равно не могу избавиться от чувств к ней. Это сильнее меня.

И нет тут любви с первого взгляда, зато есть восхищение, уважение и непередаваемое чувство тоски. Я тоскую по ней все время, порой забываю и оборачиваюсь, чтобы спросить у нее о чем-то мне неизвестном и понимаю, что за спиной пустота.

Мы знакомы не так давно, но за это время я успел осознать насколько она дорога мне стала. А последние пару месяцев, что наше сопротивление упорно борется за жизнь и территорию против ньюмэнов, как никогда прежде я надеюсь, что смогу хотя бы немного,

но отплатить ей за добро.

Для Вибек моя благодарность — пустой звук. Она не понимает и вряд ли поймет, что своим появлением спасла нас всех, что именно ее мощь заставила, даже вынудила людей здесь поверить в свои силы. Она дала им то, отчего я пытался оградить их, кстати напрасно пытался, Вибек объявила войну и не обстоятельствам или мертвецам, нет, она дала нам осязаемого и живого врага — ньюмэнов. Предателей. Уродов, что когда-то сбежали и оставили свою расу погибать.

Да, мы больше не “Последний Рубеж”. Люди не защищают и не ищут убежища. Мы нападаем и громим их оборону.

— Генерал! — Мангус в очередной раз наплевав на этикет, без стука и наверняка, с ноги открыл дверь.

— И чего ты орешь? — поморщился от его крика.

— Они опять решили чпокнуть пище блок...

— Мангус! Не “чпокнуть”, а выкрасть, обворовать, ну на худой конец — похитить! Ты понял? — с тех пор, как этот парень само провозгласил себя моим помощником, я пытаюсь вбить в него хотя бы крупицу воспитанности, но пока он не поддается.

— Да какая к х*рам разница? Главное, что эти придурки уже собрались садиться в зоне складов — азартно продолжил он.

— Кто там у нас?

— Вольф, Фриц и Кэп со своей дурой...

— Не называй ее дурой! Она — женщина, хоть и ньюмэн. А Бизарис с чего подвязался с ними? Он же вчера на рейде был.

— Был... Но Вы же знаете этих мэнов, пару часов подрых, а потом сорвался к ненаглядному Фрицу...

— Ревнуешь, что ли? — решил я подколоть недовольного, внезапно возникшей дружбой между человеком и ньюмэном, Мангуса.

— С чего бы? Пусть милуются, все равно при такой жизни не долго нам осталось...

— Опять за старое — нахмурился я, поднимаясь из-за стола. После исчезновения Вибек больше всего поник именно Мангус, он ее чуть ли не обожествлял, правда старался делать это незаметно, но все равно ближнее окружение понимало.

— Когда мы уже поможем ей? — и снова это вопрос.

— Сегодня будет наш последний корабль. После мы начнем собирать рекрутов для полета.

— Правда?

— Правда. Мне и самому не терпится — проверив патроны в магазине, я щелкнул предохранителем и первым вышел на очередную встречу с судьбой.

Вибек.

Сознание он мне вернул, хотя сейчас я бы предпочла валяться в отключке. Да. Этому есть веский повод.

После неудачи с попыткой сделать из меня личную свиноматку, Адонис решил, что если не получается задуманного, то уж удовольствие я ему обеспечить обязана... Я была против. Настолько, что сейчас лежу обездвиженная, оттраханная по ...дцатому разу и абсолютно беспомощная.

В этом состоянии есть свои плюсы... К примеру, я почти спокойно отнеслась к тому,

что мои сестра стала ньюэном, беременна от брата ублюдочного Адониса и к тому же, весьма счастлива. Как-то не так мне представлялось будущее.

— Ну, какой план у тебя на сегодня? Будешь вести себя хорошо? — Адонис начал день с привычной ему фразы: “Слушайся меня, тварь”.

Я же “порадовала” его своей любимой фразой:

— Подыхать ты будешь мучительно, сначала я отымею твою девственную задницу вон той балкой, к которой ты меня привязываешь, затем оскоплю, поджарю...

— Да-да, поджаришь мои яйца и скормишь мне их, бла-бла. Сколько можно одно и то же от раза к разу повторять, а? Ну в самом деле придумай что-нибудь еще, милая. Благо времени у тебя достаточно — картинно возмутился Адонис.

— Ты того не стоишь!

— Паршивка! Но, заметь. Я все равно тобой восхищаюсь. А сейчас, думаю пока у тебя не очень получается воплотить в реальность фантазию с балкой, привяжу-ка я эти прелестные ручки к ней и помою, а то совсем стала на свинку похожа, а что хозяева делают с грязными свинками? Правильно, они их моют и стегают, чтобы nepовадно было пачкаться...

Конечно, простым мытьем и парой ударов плетью это отродье не ограничилось и я не стану описывать, как героически молчала и не теряла чувства собственного достоинства. Глупости это все. Крики в такой ситуации — это единственное, что не дает окончательно сойти с ума, а мольбы о избавлении — тонкая преграда между остатками воли к жизни и желанием прекратить агонию.

Вся беда в новом теле. Именно оно ломает меня. Из-за этого тела я не могу сопротивляться, а когда пытаюсь все заканчивается болью, которая в этом куске плоти обострена и чертовки неприятна. Но, основное, что не дает мне выбраться — это Майя. Ей не нужно спасение, она вообще не считает, что в происходящем есть что-то неправильное. И если вдуматься, если на секунду отвлечься от моей ненависти, моих потерь, моей Земли — всего на мгновение забыть об этом. Майя будет права. Она стала сильной, любимой и любящей, у нее появилась семья, в которой ожидается пополнение. Больше моей сестре не приходится заботиться о больной матери, переживать за “дохлую” сестру, думать, что завтрашний день может стать последним. У Майи появился наконец дом. Убежище. О котором я мечтала для нее.

Вот только я никогда не думала, что все столь плачевно закончится для меня. Впрочем, пару дней назад я задумалась. А что если это мое наказание? Кара Небесная? Нет, ну правда. Я конченная грешница и сейчас расплачиваюсь за свои грехи.

— Милая, ты ведь понимаешь, одно твое слово и все может быть по-другому... Ну же, я обещаю, что отпущу тебя. Мне просто надо знать, кого из глупых человечков стоит пристрелить, чтобы остальные были не в состоянии продолжать диверсии. Скажи. по кому надо бить? Не по генералу, это я итак понял и не по его помощникам. По кому? Давай, расскажи мне и...

— Пошел ты — фыркнула я, ощущая, как тонкая кожа на спине только начавшая регенерацию лопнула и поползла.

Я знала, точнее слышала от охраны. Урывками. “Рубеж” восстал. Повстанцы уже подорвали кучу складов с припасами, перебили половину ньюэнов и периодически захватывают шаттлы. Это вопрос времени, когда они доберутся до станции.

Удар плетью я пропустила, потому вздрогнула всем телом и повалилась набок, но упасть не удалось, лишь присела, удерживаемая цепями на руках. Адонис усмехнулся.

— Ладно, дорогая. Раз так нравится мое общество, не стану тебя лишать его. что выбираешь порку розгами или же страстный утренний секс?

Сколько аз мы это проходили? Наверное, сотню. Ответ всегда один. Впрочем, мечта тоже одна... Вдруг загнусь на этот раз окончательно?

— Порку.

— Кто бы сомневался...

Думаю, я за столько времени впервые получала удовольствие от ударов. И орала с не меньшим удовольствием. Ведь именно из-за моего визга Адонис... не услышал аварийный сигнал.

Ражек Дробжеш.

Наверное, только попав на станцию я до конца осознал, что мы это сделали! Нам удалось прорваться! Бешеная, сумасшедшая эйфория! Ликование. Мы не просто убивали противников, мы наслаждались этой резней. Словно, во всех нас — людях, ньюмэнах проснулась та застарелая ненависть, что никуда не исчезала. а только копилась прибывая в некоем состоянии анабиоза и ожидая своего часа. Нарыв прорвало. Мы не замечали кого рубим — мужчин? Мужчин! Женщин? Женщин! Плевать! Они все — враги.

А потом я услышал это. Крик! Непередаваемый. Страшный. Словно, человека резали на куски. И очнулся. Остановился. Определился с направлением и пошел на звук. Да и не я один. Аден следом. Мы ненавидим друг друга. Но, кое-как миримся с этим, ради победы, ради Вибек. Вот и сейчас только переглянулись и двинулись дальше.

Каково же было наше удивление, когда мы поняли, что наткнулись на главный трофей. Адонис! Та самая сволочь, из-за которой все и началось. Он стоял к нам спиной. В руках розги, у его ног женское тело, сильно избитое и исполосованное ударами. Это она кричала и благодаря ее крику Адонис не услышал нашего приближение и не учуял, в комнате слишком сильно фонило свежей кровью и мясом. Как можно так издеваться над человеческой женщиной? Хотя, такому ублюдку одной смертью больше — одной меньше...

Аден, как и я сработал на инстинктах. Я выстрелил, а он — кинулся. У Адониса не было шансов, даже при той силе, о которой мы наслушались от плененных ньюмэнов. Нет, против меня этот урод выстоял бы. Но против Адена? Сомневаюсь. Парень очень сильно изменился после смерти брата. Его сила возросла в разы, если не в десятки.

— Только не прибай его окончательно — попросил я Адена, который сидя верхом на Адонисе, увлеченно впечатывал его морду в мраморный пол. Приподнимет — ударит, опять приподнимет — ударит. Он кивнул, что принял к сведению, но увлекательное занятие не оставил.

Я решил проверить, в каком состоянии случайно спасенная. Без сознания. Наверняка, очень красива, если бы не синяки уродующие тело и лицо. Надо ее отсюда забрать. Не знаю будет ли ей безопасней с нами, но оставлять девушку тут, все равно, что убить. сначала, правда, следует избавиться от оков. Все же Адонис — ублюдок! У нее рука в два раза тоньше цепи. Не найдя ключа от замка, просто порвал звенья. Взял безвольное тело на руки и повернулся к Адену. Тот уже прекратил полировать пол мордой Адониса и ждал меня.

— Думаю, наши уже закончили “чистку”, сейчас они на мостике. Сможешь дотащить его туда и не убить? — Аден кивнул.

— А ты?..

— Я должен ее найти, понимаешь?

— А если...

— Нет! Не хочу в это верить.

Да, я не ощущал ее присутствия с самого нападения. Ее не было в доступных мне помещениях. Но это еще ничего не значило. Ведь Майя была здесь и по ее виду вряд можно было сказать, что она пленница. Девчонка стала ньюмэном и даже обзавелась любовником, который успешно оплодотворил ее. А ведь Вибек утверждала, что это невозможно. Впрочем, если верить перебежчику избранник Майи брат Адониса. К сожалению, ребенок будет расти без отца, ничто не сможет остановить народ от расправы над главными зачинщиками.

Девушка у меня в руках заворочалась, ее ресницы дрогнули и она распахнула глаза цвета спелой вишни. Легкое удивление, и странная, какая-то несмелая улыбка. Следом за которой полувздых — полустон:

— Ражек!

Я не верил. Ровно минуту. Не верил. А потом все же спросил:

— Вибек?

Кивок и робкое касание. Я же прижал ее сильнее. И уловил его. Тонкий почти незаметный аромат Вибек. Как и почему, я еще успею спросить, сейчас меня волновало только, что я нашел свою пропажу. Она провела кончиками пальцев по моему лицу и улыбка тут же пропала, словно пока она не дотронулась до меня не могла поверить в реальность. Но, вот она убедилась и мимика исчезла с белого лица, как и выразительный голос:

— Где моя сестра?

Может, тело ей и заменили, но вот сама Вибек осталась прежней. И мне, как не странно... не жаль.

*А напоследок я скажу:
Прощай! Любить не обязуйся.
С ума схожу. Иль восхожу
К высокой степени безумства.
Так напоследок я скажу...*

Где-то вдали зазывали гудки мчащихся вперед машин. Они ищут и обязательно найдут. Кого? Или что? Не знаю. Но, люди хотят непременно найти доказательства того, что все это было не напрасно. Возможно, там, за горизонтом их ждут такие же, как они сами, а может где-то там есть лучшая доля? Кто знает...

Я слепо всматриваюсь в жаркое, выжигающее все вокруг солнце. Всматриваюсь впервые за долгие годы и мне не жаль глаз, они не пострадают, ну или не настолько пострадают, как это было раньше. А еще мне не жаль себя. Да, я что-то новое и неизведанное, но не привыкать. Так уже было. И пусть в тот раз хотя бы тело принадлежало мне, зато сейчас я относительно жива и на относительный период времени. Я знаю, что не приживусь в этом теле. Знаю и живу, пока могу. Наслаждаюсь мелочами.

К примеру, у меня есть запах, глухо стучащееся сердце в груди, гоняющее гранатовую кровь по венам. Определенно, новое состояние весьма неплохо, вот только я больше не Вибек. Не ощущаю себя Вибек. Совсем. А полученный результат не способен долго существовать.

Меня не тянет к сестре, мне не хочется сожрать кого-нибудь из людей, я не рвусь в бой, поскольку понимаю, что мне могут причинить боль, а еще я... хочу нормально пахнуть и чисто одеваться. Разве не странно? Не знаю. Но, мое тело именно этого и желает.

А еще я хочу есть и ем. Настоящую пищу. Сегодня была овсяная каша, к примеру. Нет, у Адониса меня тоже кормили, только внутривенно, а сейчас я могу жевать, ощущать во рту и переваривать желудком то, что съела. Необычно и приятно. Вообще заметила, что мне доставляют удовольствие мелочи. Когда Джонсон держит за руку или Ражек осторожно обнимает. Это очень приятно, сильнейшее чувство радости.

Но, не только они. Мария сидящая у меня на коленях и играющая с волосами, Клаус по дружески сжимающий плечо. Даже Мангус взявший меня в тиски стоило только ступить на землю с шаттла, не вызвал раздражение, наоборот мне понравилось. Человеческое тепло, чувство нужности, важности. Из той, прошлой жизни в памяти не осталось, как это бывает. Когда тобой дорожат.

И оттого я молчу. Не хочу и не буду говорить им. Зачем? Они не способны мне помочь. Старое тело не вернуть. Да и хотела бы я этого? Нет. А даже если бы и хотела. Адонис — мертв. Его закидали камнями, а останки сожгли. Так, что головешек не осталось, как и знаний способных что-то изменить. Но, мне и правда не о чем сожалеть. Я рада, что все так вышло. Ведь, по сути, я сделала все, что собиралась.

Уничтожила главного злодея. Уберегла сестру, пусть она и стала ньюмэном, наоборот, сейчас я только рада, ведь теперь ей не грозит умереть во цвете лет, она больше не беспомощна. А еще у нее появилась семья, пусть и не такая, как я мечтала когда-то, но все же. Трой неплохой, раз его до сих пор не попытались убить. Майя ждет дитя, впрочем его

все выжившие ньюмэны, да и люди ждут. Не терпится и Шуйбэ принять первые за долгое время роды, да еще и не у человека.

Улыбка невольно захватила мои губы, я чувствовала, как они растягиваются под напором приятных мыслей. Да, мимика у этого тела мне искренне импонирует. Не хочется уходить. Правда. Сейчас, так сильно не хочется. Но, я понимаю, что придется. Они не должны узнать, что я умираю. Пусть лучше думают, что сбежала на поиски чего-то нового.

Ноги свело судорогой. Уже второй раз за утро. Мне и правда пора уходить. Совсем недолго осталось. Как я понял? Просто. Вирус во мне поражает здоровые клетки и нет, они не отмирают и не мутируют, как в моем бывшем теле. Они просто... модифицируются. Скоро, я стану обычным инфицированным. Не будет мыслей, не будет понимания и не останется ничего живого во мне.

Я уже проходила нечто подобное, но тогда у меня была острая необходимость сохранить сознание, чтобы помочь своей семье, а сейчас? Сейчас мне незачем все это. И потому, я просто стану кусом мяса. Сукин сын! Он что-то делал со мной, чтобы поддерживать в нормальном состоянии, но что? Я не знаю и никогда не узнаю. Конечно, есть подозрения, что дело в человеческой плоти. Но снова садить себя на каннибальскую диету — никогда! Я больше не хочу убивать, чтобы есть. Лучше действительно умереть. Но, это будет вечером. А сейчас начало нового дня.

И мне остается лишь глубоко вдыхать пряный, морозный аромат ранней весны и подставлять лицо лучам теплого солнца.

Альрик Джонсон.

Я знал куда она уходила. Да, знал. И не мог ничего поделать с этим. Ведь я сам, своими руками поджег тело Адониса. Сам убил последнюю надежду на жизнь. Она уходила и я не мог заставить себя попроситься с ней. Только стоял и наблюдал за силуэтом в сумерках. Вибек всегда напоминала мне волчицу — одинокую, сильную, несгибаемую и гордую волчицу. Даже сейчас она как и подобает хищнику уходила умирать в одиночестве. Не попрощавшись.

Ражек рвался остановить ее, Да, сейчас Вибек, кажется перестала быть для него такой уж незаменимой, как он нам с Клаусом прежде рассказывал. Сказалось отсутствие старого тела Вибек. Правда, после сказанного тихим и отрывистым голосом Адена, Ражек прекратил бесноваться.

Мария же счастливо махала одной рукой, вторую держал Фриц, спине Вибек, она в отличии от нас была уверена, что Вибек просто ненадолго ушла и скоро вернется. Сам Фриц был бледен и словно решал что-то для себя. Вроде Вибек говорила, что только после ее смерти он тоже может решаться покончить с кошмаром. Вот только Бизарис, да и вся их шайка ньюмэнов слишком прикипели к Фрицу и вряд ли его отпустят на тот свет.

Вольфа, кажется больше заботила Майя, которая сейчас так же, как и Мария непонимающе махала рукой Вибек и доверчиво жалась к Трою, которого по просьбе Вибек не тронули и даже оставили, как члена общества.

Мангуса мне пришлось отправить в патруль, я не был уверен, что он нормально воспримет происходящее. Он любил Вибек, не так, как я, иначе. Она была для него чем-то вроде наставника, человека, на которого Мангус старался равняться все это время. И вряд ли он бы спокойно перешил ее осознанное поражение. Вибек ведь сдалась и не стала сопротивляться. А я не смог ей признаться, сказать, как она мне важна и насколько сильно я

в ней нуждаюсь.

Впрочем.

Она знала о моих чувствах, понимала их и потому, заставила поклясться, что я до самого конца буду вести этих людей и даже не подумаю их оставить. Глупая. Какая же она глупая! Я ведь и без просьбы выполнил бы. В отряде же ее любимая сестра, поэтому я никак не могу подвести ее. Мы обязательно построим лучшее будущее, а затем, я возможно так же “уйду” на поиски самой необычной девушки не Земле.

Вибек.

Конечно, они не повелись, стояли там, за воротами и “проводжали”. Зачем? Они только продлевали агонию от понимания, что я обрела слишком многое и теперь все это теряю. Всех их теряю. Больно. Как же давно у меня не болело внутри просто от понимания, что ничего поделать нельзя.

Каждый мой шаг давался с трудом и пониманием, что ночи я не переживу. Как жаль. И... как страшно. Да, я боюсь. Умирать вообще страшно, кто бы и что бы не говорил. Страшно и странно. Еще утро я была, а ночью меня уже нет. Отвратительно. И вместе с тем необычно.

Споткнулась. Упала. Поползла. Ирония? Да, наверное. Когда-то меня звали Вибек. Когда-то я была слишком умна для понимания окружающих. Очень давно и очень плохо я поступила из-за трусости. Непростительной слабости. А потом получила по заслугам, мое зло полетело бумерангом в меня же. И я стала слишком глупа для понимания окружающих. Очень давно и очень правильно я поступила из-за храбрости. И заслужила ту награду о которой просила — избавление. Последний рыбок и сил не остается. Я так и умру. На сырой земле под лучами медленно гаснущего солнца. Не самая жуткая смерть.

Вот так и закончится мой путь. Разве я не об этом мечтала? Умереть оплатив все долги? Наверное.

Простите меня! Слезы сами льются. Простите за то, что убила столько. Простите за то что не уберегла столько. Простите! Мне не хочется умирать не попросив прощения. Эгоистично? Может быть. Но, это в последний раз, обещаю...

Она лежала среди зеленого мха и опавших прошлой осенью листьев. Неподвижная. Холодная. И красивая. Лежала раскинув руки и улыбаясь. Необычная девушка.

Они шли сюда уже не первый день и вот наконец добрались, ворота виднелись вдалеке. Но, девушка заинтересовала главу группы и они подошли ближе.

Мертвая. Она не представляла угрозы. Поэтому, когда самый младший склонился над ней, никто и не подумал его отдернуть.

Легкий вздох. Широко распахнувшиеся янтарные глаза со светящимся зрачком. Рык.

Ублюдок! Убила бы собственными руками, если бы было что убивать! Тварь! Он сделал это! Сделал!

— Простите, а...

Рыкнула, заткнулся. Пятерка забитых людей, они нашли меня на том чертовом холме, куда я приползла умирать. Напугала я их знатно. Но, этого все равно недостаточно, чтобы я перестала рычать. Этот урод сделал невозможно! Он придумал вакцину. И привил ее мне. В тот день, когда отчаялся в попытках иметь потомство. Он решил сделать меня матерью для

оставшегося рода людского. Придурок!

Но метод, кстати, прост. Капля моей крови здоровому человеку и ни инфицированный, ни модифицированный даже не глянут в его сторону. А недавно инфицированный, проще говоря покусанный, получив дозу внутривенно не переродится, он останется человеком.

Чертов Адонис! Столько лет! Столько жизней! Он мог нас всех спасти. Но, даже не пытался. Сукин сын!

Когда я ударилась, не сразу сообразила обо что. Оказалось о закрытые ворота, которые просто не успели открыть, заметив нас. А еще я осознала, что была права, когда заставила людей попробовать моей крови.

На меня и эту пятерку не нападали. Инфицированные бродили рядом. Но, не нападали. Они не ощущали нас. словно мы — камни под ногами.

— Вибек! — писк Марии и ее объятия, а еще ее лоб повторно впечатывающийся в мой многотрадальный нос.

— Больно! — возмутилась я, но с рук не спустила.

— Правда? — круглые, как блюдца глазенки.

— Ага, а еще сердце бьется нормально — похвасталась.

— Круто! — оценила девчонка.

И снова сминаящие объятия. Но не менее приятные. Все-таки этот мужчина мне понравился с самого начала.

— Вернулась?

— Вернулась.

— Навсегда — не вопрос — утверждение.

— Навсегда...

Призраки прошлого... Это так странно — думать, вспоминать и надеяться на что-то.

Беспричинно. Просто, жить надеждой, по примеру: “А вдруг?”.

Человек так создан. Это его удел — жить и надеяться.

Но, правила меняются, как и человечество.

Новый мир — новые правила. Новая жизнь — новые люди.

Я и правда вернулась, чтобы жить в новом мире, по новым правилам, строить новую жизнь с новыми людьми. Потому, что Я из нового поколения...

Больше книг на сайте - Knigolub.net